

ГЛАВА 1

Преддверие холодной войны

Сущность всякой войны, в том числе холодной, состоит в применении силы или в угрозе ее применения. Современная война требует огромных моральных и материальных ресурсов. Появление дальнебойных средств поражения ликвидировало разрыв между фронтом и тылом. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. советский народ потерял 27 млн человек, а потери советских вооруженных сил оцениваются в 8,5 — максимум 10,5 млн человек. В огне войны погибло от 16 до 19 млн мирных жителей. Было полностью разрушено 7 тыс. городов и сел на территории СССР.

Окончание Второй мировой войны ознаменовалось появлением двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Германия была разгромлена союзниками по антигитлеровской коалиции и потеряла политический вес. Франция продемонстрировала неспособность защитить собственный суверенитет. Экономическая мощь и политический вес Великобритании были серьезно подорваны. Советский Союз понес огромные потери. Но он был страной-победителем. Руководство СССР в силу социалистического устройства общества имело возможность использовать имеющиеся скудные ресурсы для борьбы за лидерство в мире.

Наметившееся противостояние США и СССР постепенно стало перерастать в борьбу за лидерство в международных делах. Прежде всего эта борьба вылилась в гонку вооружений. Стоило одной из сторон создать какое-либо принципиально новое оружие, как ее противница бросала все силы и ресурсы, чтобы добиться того же. Безумное соревнование затронуло все: создание новейших систем стрелкового оружия, новых танков, самолетов, кораблей и подводных лодок. Но самым драматическим было соревнование в создании ядерного оружия и ракетной техники. Гонка вооружений коснулась даже образования. После полета Ю.В. Гагарина США были вынуждены пересмотреть основы системы образования и ввести принципиально новые методы обучения.

Холодная война велась и в области культуры, спорта. Она была широко отражена в кинематографе, причем пропагандистские фильмы снимали обе стороны. Литература и средства массовой информации также превратились в поле битвы за умы и души людей. США и многие страны Западной Европы бойкотировали по политическим мотивам Олимпийские игры 1980 г. в Москве. В ответ спортсмены стран Восточной Европы не участвовали в Олимпиаде в Лос-Анджелесе в 1984 г. Все события и явления в мире рассматривались как хорошие и плохие с точки зрения одной из сторон: то, что было ей выгодно, считалось хорошим, все остальное — плохим. В этом стороны мало отличались друг от друга.

1.1. Союзники

С началом Второй мировой войны возникла коалиция, в которую вошли идеологические и политические антиподы. Для борьбы с фашистским агрессором объединились Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, все страны, не желавшие подпасть под пяту немецкого фашизма и японского милитаризма.

Советский Союз в июне 1941 г. оказался вынужден отражать в одиночку агрессию фашистской Германии, опиравшуюся на людской потенциал и экономическую мощь практически всей

Европы. Международное положение Советского Союза и его взаимодействие с союзниками по антигитлеровской коалиции определялись успехами, достигнутыми на фронтах Великой Отечественной войны. Ведущие союзники СССР по антигитлеровской коалиции — США и Великобритания — приняли непосредственное участие в военных действиях на главном Европейском театре военных действий лишь на пятый год Второй мировой войны.

Тесное стратегическое взаимодействие участников антигитлеровской коалиции было достигнуто только на Тегеранской конференции руководителей трех ее ведущих держав, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. [1, с. 6, 9]. Впервые в совещании на высшем уровне участвовал И.В. Сталин. В работе конференции основными для СССР были военные вопросы, для союзников — вопросы послевоенного устройства мира. Советский Союз в первую очередь настаивал на создании второго фронта в Европе, срок открытия которого западные союзники неоднократно переносили.

Однако победы Красной Армии в 1943 г. — в Сталинградской (1942–1943) и Курской (1943) битвах и в битве за Днепр (1943) вызвали опасения у военно-политического руководства США и Великобритании, что советские вооруженные силы освободят Европу без их участия. Еще в январе 1942 г. в меморандуме, предназначенном для членов военного кабинета, тогдашний британский министр иностранных дел Иден писал: «Если предположить, что Германия потерпит поражение и германская военная мощь будет уничтожена, а Франция, по крайней мере, на протяжении длительного времени останется слабой страной, то не окажется противовеса России в Европе... Положение России на европейском континенте станет неуязвимым. Prestиж России так возрастет, что установление коммунистических правительств в большинстве европейских стран будет очень облегчено...» [2, с. 230].

Такая оценка перспективы развития военно-политической обстановки в Европе совпадала с мнением У. Черчилля. В октябре 1942 г., в то время когда Красная Армия вела кровопролитные бои под Сталинградом, он лично делился с членами кабинета своей тревогой: «Все мои помыслы обращены, пре-

жде всего, к Европе как прародительнице современных наций и цивилизации. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» [3, с. 331] .

До Тегеранской конференции впервые вопрос об открытии второго фронта начал конкретно обсуждаться западными союзниками на конференции в верхах, проходившей 12–25 мая 1943 г. в Вашингтоне. К этому времени была успешно завершена битва под Сталинградом и находилась на завершающей стадии Северо-Африканская кампания союзников. На конференции британский премьер-министр У. Черчилль, верный своей политике сохранения позиций Великобритании в Европе, отстаивал план развертывания военных действий в направлении Сицилия — Южная Италия и на Балканах. Он выступал против высадки союзников во Франции не только в 1943 г., но и весной 1944 г. Президент США Ф. Рузвельт, напротив, подчеркивал целесообразность принятия решения о форсировании Ла-Манша и высадке в Нормандии (Франция). Тем не менее в конце концов он согласился на новую отсрочку открытия второго фронта в Западной Европе. Правительство СССР было информировано в общих чертах президентом США об этом решении. Оно выразило протест против очередной отсрочки открытия второго фронта и заявило, что «не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны».

На Тегеранской конференции Рузвельт стоял за выполнение плана по осуществлению десанта в Нормандии. Черчилль, не возражая прямо против этого, предложил расширить операции в Италии, на Балканах и Северной Адриатике, а также способствовать вступлению в войну против Германии Турции. Это позволило бы англо-американским войскам занять Центр Европы и выйти к Черному морю. Глава советской делегации в течение всей конференции проводил мысль, что лучший результат в разгроме фашистской Германии даст удар по врагу в Северной или Северо-Западной Франции. Западные союзники согласились с советской точкой зрения, но не отказались

Тегеранская конференция. 1943 г.

от своих военно-стратегических планов в Юго-Восточной Европе. Советская делегация все же признала целесообразность предложений по действиям союзников в Средиземном море и расширению помощи югославским партизанам. В ходе дискуссии об открытии второго фронта большое значение имело заявление главы советского правительства о том, что СССР готов только после капитуляции Германии вступить в войну с Японией [1, с. 19, 21, 95, 101; 4, с. 63–66; 5, с. 74–77].

По итогам работы Тегеранской конференции были приняты три документа: Военные решения Тегеранской конференции (не подлежал опубликованию), Декларация трех держав и Декларация трех держав об Иране (были опубликованы в печати). В первом документе согласовались планы уничтожения вооруженных сил гитлеровской Германии и масштабов

и сроков операций. США и Великобритания приняли на себя обязательство провести операцию «Оверлорд» в Нормандии (Франция) в течение мая 1944 г. вместе с операцией в Южной Франции, а советская сторона — начать в это время наступление Красной Армии с целью предотвратить переброску германских сил с восточного на западный фронт. Военные штабы трех держав должны были поддерживать тесные контакты в отношении предстоящих операций в Европе. Стороны обязывались в возможно большем размере помогать борьбе югославских партизан. Участники Тегеранской конференции отметили желательность вступления Турции в войну на стороне союзников. Если же Болгария, являвшаяся союзником фашистской Германии, объявит войну Турции или нападет на нее, то Советский Союз немедленно окажется в состоянии войны с Болгарией.

Следующим шагом в согласовании планов окончательного разгрома фашистской Германии и ее союзников стала Крымская (Ялтинская) конференция, проходившая с 4 по 11 февраля 1945 г. [6, с. 6]. В ней участвовали главы правительств и государств трех союзных держав антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании. Большое значение для всех стран имело принятое на конференции соглашение по вопросам Дальнего Востока, которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии через 2–3 месяца после окончания войны в Европе. При этом оговаривались следующие условия: сохранение существующего статус-кво Монгольской Народной Республики; возвращение Советскому Союзу Южного Сахалина и всех прилегающих к нему островов, отторгнутых у России по Портсмутскому мирному договору 1905 г., а также передача ему всей группы Курильских островов; интернационализация торгового порта Дальний (Далянь); восстановление аренды на Порт-Артур (Люйшунь) как военно-морской базы СССР; совместная эксплуатация СССР и Китаем Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железной дороги [7, с. 263–276; 8, с. 76, 78, 100–106, 108, 158].

Одним из важнейших направлений взаимодействия Советского Союза с ведущими странами антигитлеровской коалиции стали поставки в СССР в рамках так называемого

ленд-лиза (от англ. lend-lease, lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду). Он выступал как компенсация неучастия США и Великобритании в военных действиях в Европе против фашистской Германии и ее союзников. Ленд-лиз представляет своеобразную программу кредитования союзников Соединенными Штатами Америки посредством поставок техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов. Первый шаг к ленд-лизу был сделан США 3 сентября 1940 г., когда Соединенные Штаты передали Британии 50 старых эсминцев в обмен на британские военные базы. В начале января 1941 г. был подготовлен проект закона о ленд-лизе. 11 марта закон получил одобрение обеих палат и был подписан президентом. Спустя три часа президент подписал и две первые директивы согласно этому закону. Из всего объема поставок США странам антигитлеровской коалиции по ленд-лизу в миллиардах долларов на Великобританию пришлось до 69%, на Советский Союз — до 25%.

Суть ленд-лиза была, в общем-то, довольно проста. Согласно закону о ленд-лизе, США могли поставлять технику, боеприпасы, оборудование и прочее странам, оборона которых была жизненно важной для самих Штатов. Все поставки проходили бесплатно. Техника, оборудование и материалы, истраченные, израсходованные или уничтоженные во время войны, оплате не подлежали. Имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, должно было быть оплачено. Что касается СССР, то обещание снабдить его необходимыми для войны материалами Рузвельт и Черчилль дали сразу же после нападения Германии на Советский Союз. 1 октября 1941 г. в Москве был подписан первый Московский протокол о снабжении СССР. Поставки были оплачены Советским Союзом золотом. Закон о ленд-лизе был распространен на СССР 28 октября 1941 г., в результате чего ему был предоставлен заем на 1 млрд долларов. В течение войны было подписано еще четыре протокола. 20 сентября 1945 г. все поставки по ленд-лизу в СССР были прекращены.

В ходе войны в СССР по ленд-лизу были поставлены сотни тысяч тонн грузов. Из США было поставлено: легких МЗА1 «Стюарт» — 1676 шт., легких М5 — 5 шт., легких М24 — 2 шт.,

средних М3 «Грант» — 1386 шт., средних М4А2 «Шерман» (с 75-мм пушкой) — 2007 шт., средних М4А2 (с 76-мм пушкой) — 2095 шт., тяжелых М26 — 1 шт. Из Англии: пехотных «Валентайн» — 2394 шт., пехотных «Матильда» MkII — 918 шт., легких «Тетрарх» — 20 шт., тяжелых «Черчилль» — 301 шт., крейсерских «Кромвель» — 6 шт. Из Канады: «Валентайн» — 1388 шт. Итого: 12 199 танков. Они составили примерно 14% всех танков, поставленных на советско-германский фронт за годы войны (86,1 тыс. танков).

Советский Союз получил 328 тыс. т алюминия. Доля ленд-лизовского алюминия от общего количества алюминия, произведенного и полученного СССР, составила около 55%. Меди в СССР было поставлено 387 тыс. т — 45% от общего производства этого металла в СССР. По ленд-лизу Союзом было получено 3606 тыс. т автопокрышек — 30% от общего количества покрышек, произведенных и поставленных в СССР. Было поставлено 610 тыс. т сахара — 29,5%, 108 млн т хлопка — 6%. Из США в СССР в годы войны было поставлено 38,1 тыс. металлорежущих станков, из Великобритании — 6,5 тыс. станков и 104 прессы. За время войны в СССР было произведено 141 тыс. металлорежущих станков и кузнечных прессов. Таким образом, доля иностранных станков составила в отечественном хозяйстве 24%. В СССР также поступило 956,7 тыс. миль полевого телефонного кабеля, 2,1 тыс. миль морского кабеля и 1,1 тыс. миль подводного кабеля. Кроме того, в СССР по ленд-лизу было поставлено 35 800 радиостанций, 5899 приемников и 348 локаторов, 15,5 млн пар армейских ботинок, 5 млн т продовольствия и проч.

Даже по основным типам поставок доля ленд-лизовской продукции в общем объеме производства и поставок в СССР не превышала 28%. В целом же доля ленд-лизовской продукции в общем объеме произведенных и поставленных в СССР материалов, оборудования, продовольствия, техники и сырья обычно оценивается в 4%. Таким образом, можно с определенной долей уверенности заявлять, что ленд-лиз не оказал решающего воздействия на возможности СССР по ведению войны. По ленд-лизу поставлялись такие типы техники и материалов, которые составили большую часть от общего производства таковых в Советском Союзе.

Стало бы критичным отсутствие поставок этих материалов? Советский Союз вполне мог перераспределить производственные усилия так, чтобы обеспечить себя всем необходимым, включая и алюминий, и медь, и локомотивы. Мог ли СССР обойтись вообще без ленд-лиза? Да, мог. Но вопрос в том, чего бы это ему стоило. Не будь ленд-лиза, СССР мог пойти двумя путями решения проблемы дефицита тех товаров, которые поставлялись по ленд-лизу. Первый путь — просто закрыть на этот дефицит глаза. В результате в армии наблюдался бы недостаток автомобилей, самолетов и еще ряда наименований техники и оборудования. Тем самым армия, безусловно, была бы ослаблена, снизился бы темп наступательных операций. Второй вариант — увеличить собственное производство поставлявшейся по ленд-лизу продукции посредством привлечения к процессу производства лишней рабочей силы. Силу эту, соответственно, можно было взять только на фронте и тем самым опять же ослабить армию. Таким образом, при выборе любого из этих путей Красная Армия оказывалась в проигрыше. Как следствие — затягивание войны и лишние жертвы с нашей стороны. Иными словами, ленд-лиз хотя и не оказал решающего влияния на исход войны на Восточном фронте, но тем не менее спас сотни тысяч жизней советских граждан.

Говоря о роли ленд-лиза в победе СССР, не стоит забывать и еще о двух моментах. Во-первых, подавляющее большинство техники, оборудования и материалов было поставлено в СССР в 1943–1945 гг. То есть уже после перелома в ходе войны. Так, например, в 1941 г. по ленд-лизу было поставлено товаров на сумму примерно 100 млн долларов, что составило менее 1% от общего объема поставок. В 1942 г. этот процент составил 27,6. Таким образом, более 70% поставок по ленд-лизу пришлось на 1943–1945 гг., а в самый страшный для СССР период войны помощь союзников была не слишком заметна. Больше половины ленд-лизинговых машин (215 тыс.) были доставлены в СССР в последний год войны. Во-вторых, далеко не вся поставленная по ленд-лизу техника была использована армией и флотом. Из 202 поставленных в СССР торпедных катеров 118 так и не пришлось использовать в боевых действиях Великой

Отечественной, поскольку они были введены в строй после ее окончания. Все 26 полученных СССР фрегатов также вступили в строй лишь летом 1945 г. Аналогичная ситуация наблюдалась и с другими типами техники.

При анализе поставок ясно видно, что они незначительны для США и Великобритании, учитывая уровень их производства. И действительно, эти страны произвели 22 млн единиц стрелкового оружия, а поставили всего 150 тыс. (0,68%). Из произведенных танков союзники поставили СССР 14%. Всего в США за годы войны было произведено около 5 млн автомобилей, а в СССР поставлено около 450 тыс. — меньше 10%. И так далее. Однако нельзя не учитывать, что поставки в СССР ограничивались не производственными возможностями союзников, а тоннажем имевшихся транспортных судов. Союзники физически не располагали необходимым количеством транспортных судов для того, чтобы перевезти в СССР большее количество грузов.

Ленд-лизовские грузы попадали в СССР пятью маршрутами: посредством арктических конвоев в Мурманск, по Черному морю, через Иран, через Дальний Восток и через советскую Арктику. Наиболее известным из этих маршрутов, безусловно, является мурманский. Но через русский Север не только не проходила большая часть ленд-лизовских грузов, но этот путь даже не был главным, уступая Дальнему Востоку и Ирану (см. табл. 1).

Союзные поставки очень неравномерно распределялись по годам войны. В 1941–1942 гг. обусловленные обязательства постоянно не выполнялись. Положение нормализовалось начиная лишь со второй половины 1943 г. Три маршрута — тихоокеанский, трансиранский и арктические конвои — обеспечили в сумме 93,5% общих поставок. Ни один из этих маршрутов не являлся полностью безопасным.

Самым быстрым (и самым опасным) маршрутом были арктические конвои. В июле-декабре 1941 г. 40% всех поставок шло именно этим маршрутом, и около 15% отправленных грузов оказывалось на дне океана. Морская часть пути от восточного побережья США до Мурманска занимала около двух недель. Груз с северными конвоями шел также через Архан-

Таблица 1. Маршруты доставки в СССР ленд-лизских грузов в 1941–1945 гг.

Маршруты доставки	Тоннаж, тыс. т	% от общего
Тихоокеанский	8244	47,1
Трансиранский	4160	23,8
Арктические конвои	3964	22,6
Черное море	681	3,9
Советская Арктика	452	2,6
Всего	17 501	100,0

гельск и Молотовск (ныне Северодвинск), откуда по спешно достроенной ветке железной дороги грузы шли на фронт. Моста через Северную Двину еще не существовало, и для переброски техники зимой намораживали метровый слой льда из речной воды, так как естественная толщина льда (65 см зимой 1941 г.) не выдерживала нагрузки, создаваемой рельсами с вагонами. Далее груз направлялся по железной дороге на юг, в центральную тыловую часть СССР.

Тихоокеанский маршрут, обеспечивший около половины поставок по ленд-лизу, был относительно (хотя далеко не полностью) безопасным. С началом 7 декабря 1941 г. войны на Тихом океане перевозки здесь могли обеспечиваться лишь советскими моряками, а торгово-транспортные суда ходили только под советским флагом. Все незамерзающие проливы контролировались Японией, и советские суда подвергались принудительному досмотру, а иногда и топились. Морская часть пути от западного побережья США до дальневосточных портов СССР занимала 18–20 суток.

Первые поставки в СССР по Трансиранскому маршруту начались в ноябре 1941 г., когда было отправлено 2972 т грузов. Чтобы увеличить объемы поставок, требовалось провести масштабную модернизацию транспортной системы Ирана, в частности портов в Персидском заливе и трансиранской железной дороги. С этой целью СССР и Великобритания в августе 1941 г. оккупировали Иран. С мая 1942 г. поставки составляли в сред-

нем 80–90 тыс. т в месяц, а во второй половине 1943-го — до 200 тыс. т в месяц. Далее доставка грузов осуществлялась судами Каспийской военной флотилии, до конца 1942 г. подвергавшимися активным атакам немецкой авиации. Морская часть пути от восточного побережья США до берегов Ирана занимала около 75 дней. Специально для нужд ленд-лиза в Иране было построено несколько автомобильных заводов, которые находились под управлением «Дженерал Моторс» (General Motors Overseas Corporation). Самые крупные назывались TAP I (Truck Assembly Plant I) в Андимешке и TAP II в Хоррамшаре. Всего за годы войны с иранских предприятий в СССР было отправлено 184 112 автомобилей. Автомобили перегонялись по следующим маршрутам: Тегеран — Ашхабад, Тегеран — Астара — Баку, Джульфа — Орджоникидзе.

Следует отметить, что в годы войны существовало еще два воздушных маршрута ленд-лиза. По одному из них самолеты «своим ходом» летали в СССР из США через Южную Атлантику, Африку и Персидский залив, по другому — через Аляску, Чукотку и Сибирь. По второму маршруту, известному под названием «Алсиб» («Аляска — Сибирь»), было переброшено 7925 самолетов.

Ленд-лиз не был единственным значимым типом союзнических поставок СССР. До принятия программы ленд-лиза США и Британия поставляли СССР оборудование и материалы за наличный расчет. Однако размеры этих поставок были довольно малы. Например, с июля по октябрь 1941 г. США поставили СССР грузов всего на 29 млн долларов. Кроме того, в Британии были предусмотрены поставки в СССР грузов в счет долгосрочных кредитов. Причем поставки эти продолжались и после принятия программы ленд-лиза.

Не стоит забывать и о множестве благотворительных фондов, созданных для сбора средств в пользу СССР по всему миру. Оказывали помощь СССР и частные лица. Причем такая помощь шла даже из Африки и Ближнего Востока. Например, в Бейруте была создана «Русская патриотическая группа», в Конго — Общество медицинской помощи России. Иранский купец Рахимьян Гулам Гусейн отправил в Сталинград 3 т сушеного винограда. А купцы Юсуф Гафурики и Мамед Ждалиди передали СССР 285 голов скота.

Никакой оплаты ленд-лиза во время войны не происходило. Счет американцы предоставили странам — получательницам помощи лишь после войны. Объем долгов Великобритании перед США составил 4,33 млрд долларов, перед Канадой — 1,19 млрд долларов. Последний платеж в размере 83,25 млн долларов (в пользу США) и 22,7 млн долларов (Канаде) был сделан Великобританией 29 декабря 2006 г. Объем долгов Китая был определен в 180 млн долларов, и долг этот до сих пор не погашен. Французы расплатились с США 28 мая 1946 г., предоставив Соединенным Штатам ряд торговых преференций.

Наиболее сложным вопросом ленд-лиза для СССР является оплата. Страны, получавшие помощь по программе ленд-лиза, в соответствии с законом по ленд-лизу во время войны за эту помощь не платили. Формально они не были обязаны платить и после войны за те материалы, технику, вооружение и боеприпасы, которые были израсходованы во время войны. Платить нужно было лишь за то, что оставалось после войны в целости и могло быть использовано странами — получательницами помощи. СССР в рамках программы обратного ленд-лиза отправлял в США различные товары (в том числе 320 тыс. т хромированной руды, 32 тыс. т марганцевой руды, а также золото, платину, древесину). По некоторым данным, союзникам было предоставлено товаров и услуг в рамках обратного ленд-лиза на сумму 2,2 млн долларов. Доля обратного ленд-лиза в общем ленд-лизинговом товарообороте между СССР и союзниками, по всей видимости, не превышала 3–4%.

Долг СССР был определен в 1947 г. в размере 2,6 млрд долларов, однако уже в 1948 г. эта сумма была снижена до 1,3 млрд. Тем не менее СССР платить отказался. Отказ последовал и в ответ на новые уступки США. В 1951 г. сумма долга вновь была пересмотрена и на этот раз составила 800 млн. Соглашение о порядке погашения долга по оплате ленд-лиза между СССР и США было подписано лишь 18 октября 1972 г. (сумма долга вновь была снижена, на этот раз до 722 млн долларов; срок погашения — 2001 г.), причем СССР пошел на это соглашение только при условии предоставления ему кредита. В 1973 г. СССР произвел два платежа на общую сумму 48 млн долларов, но затем прекратил выплаты в связи с введением в действие в 1974 г.

поправки Джексона-Веника к советско-американскому торговому соглашению 1972 г. В июне 1990 г. в ходе переговоров президентов США и СССР стороны вернулись к обсуждению долга. Был установлен новый срок окончательного погашения задолженности — 2030 г. и сумма — 674 млн долларов. В настоящий момент Россия за поставки по ленд-лизу должна США 100 млн долларов [9].

Важнейшим направлением взаимодействия между участниками антигитлеровской коалиции стало определение мироустройства после разгрома фашистской Германии и ее союзников. В рамках переустройства послевоенного мира американская делегация на Тегеранской конференции высказалась за создание такой международной организации после войны, которая противостояла бы опасности нарушения мира. Заинтересованность США определялась стремлением его руководства закрепить успехи, достигнутые во время военных действий, и усилить американские позиции в Азии и Латинской Америке. В ходе трехсторонних и двусторонних встреч была намечена в общих чертах международная организация по поддержанию мира после разгрома Германии. Соединенные Штаты стремились создать международную организацию, способную заменить Лигу Наций, в которой США, кстати, не участвовали.

Лига Наций была первой всемирной организацией, в цели которой входило сохранение мира и развитие международного сотрудничества. Формально Лига Наций была основана 10 января 1920 г. и прекратила существование 18 апреля 1946 г. с образованием Организации Объединенных Наций. Из 65 крупных государств, существовавших на планете в 1920 г., все, за исключением США и Саудовской Аравии (образованной в 1932 г.), в тот или иной период состояли членами Лиги. Лига Наций включала в себя государства — члены Лиги, Ассамблею, Совет, Секретариат, различные технические комиссии и вспомогательные службы. Местопребыванием главных органов Лиги была Женева (Швейцария). В Ассамблею входили представители всех государств, являвшихся членами Лиги Наций. Сессии Ассамблеи проходили ежегодно в сентябре, кроме того время от времени созывались специальные сессии. Каждый

член Ассамблеи обладал одним голосом. Ассамблея обладала широкими полномочиями и согласно Уставу была вправе рассматривать «любой вопрос, находящийся в сфере полномочий Лиги либо затрагивающий вопросы мира во всем мире». Совет был изначально предназначен для представителей 9 государств. Неучастие США сократило число членов Совета до 8. В течение последующих 20 лет эта цифра колебалась, и 1 января 1940 г. число членов Совета достигло 14. Членство в Совете могло быть постоянным, непостоянным и временным. Цель такого деления заключалась в том, чтобы предоставить право членства в Совете малым державам. Их участие в Совете осуществлялось на основе принципа ротации. В соответствии с Уставом сессии Совета проводились 4 раза в год, не считая специальных сессий. Функции Совета, определенные Уставом, были столь же широкими, как и функции Ассамблеи. Однако Совет имел исключительные права в решении проблем меньшинств, вопросов, связанных с системой мандатов, в разрешении конфликтов и применении статей Устава, посвященных вопросам коллективной безопасности. Секретариат был административным органом Лиги. Он действовал на постоянной основе и оказывал сильное воздействие на политику Лиги. Возглавлял Секретариат генеральный секретарь, являвшийся административным руководителем Лиги. Союз Советских Социалистических Республик был принят в 1934 г. и исключен в 1939 г.

Основными целями Лиги было сохранение мира и улучшение условий человеческой жизни. К числу мер, применяемых для сохранения мира, относились сокращение и ограничение вооружений; обязательства государств — членов Лиги выступать против любой агрессии; взаимные соглашения по арбитражу, юридическому урегулированию или осуществлению специальных расследований Совета; соглашения членов Лиги о взаимных действиях в применении экономических и военных санкций. В дополнение к этим основным условиям был принят целый ряд различных положений, например о регистрации договоров и защите меньшинств.

Несмотря на то что Лиге удалось урегулировать — в той или иной степени успешно — более 40 политических конфликтов,

ее усилия по разрешению основных противоречий путем использования параграфа Устава Лиги о коллективной безопасности привели к ее ослаблению и прекращению деятельности. Неспособность воздействовать на события в ходе итальянской агрессии против Эфиопии ясно продемонстрировала потенциальным агрессорам слабость механизма применения силовых решений в мирном урегулировании. Неудачи Лиги в решении политических проблем заслуживали ее достижения в социальной и гуманитарной области. Кроме того, Лига тесно сотрудничала со многими международными организациями, которые не имели с ней официальных или исторически сложившихся связей. Исключение СССР из членов Лиги в 1939 г. привело к тому, что в ее составе осталась лишь одна великая держава — Великобритания. В критические дни, предшествовавшие сентябрю 1939 г., ни одна из стран не прибегла к помощи Лиги; к январю 1940 г. Лига прекратила свою деятельность по урегулированию политических вопросов.

Предварительное решение Тегеранской конференции и решение Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. об учреждении всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности после Второй мировой войны получило развитие на переговорах членов антигитлеровской коалиции в Думбартон-Оксе близ Вашингтона. В них помимо представителей СССР, США и Великобритании официально приняли участие представители чанкайшистского Китая. Переговоры шли в два этапа. На первом, с 21 августа по 28 сентября 1944 г., участвовали делегации СССР, США и Великобритании. Второй этап проходил с 29 сентября по 7 октября. В нем принимали участие США, Великобритания и Китай. Советская делегация на этом этапе переговоров отсутствовала, поскольку Китай вел войну с Японией, а СССР не находился в состоянии войны с этой страной.

На конференции в Думбартон-Оксе были подготовлены предложения, которые затем легли в основу Устава ООН. Участники переговоров достигли согласия по таким вопросам, как механизм мирного разрешения споров и возможных принудительных мер, роль Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи, создание Экономического и Социального Совета, полномочия

Пока еще вместе. Ялта, 1945 г.

Генерального секретаря, предназначение Военно-штабного комитета и многим другим. Серьезную дискуссию вызвали предложения советской делегации по вопросу единогласия великих держав при решении вопросов по предупреждению или подавлению агрессии, а также по разработке понятия «агрессия». Но в целом основы Устава Организации Объединенных Наций были разработаны.

Однако ряд принципиально важных вопросов остался нерешенным, в частности о первоначальных членах организации и процедуре голосования в главном органе — Совете Безопасности. Советское предложение состояло в том, что учредителями организации должны стать государства, подписавшие 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций или впоследствии присоединившиеся к ней, а именно: СССР, США, Великобритания и государства, участвовавшие в союзе с ними в войне против фашистского блока. Однако американские представители предлагали расширить понятие «присоединившиеся нации», относя к ним и те страны, которые порвали с Германией дипломатические отношения. Идея заключалась в том, что

в этом случае учредителями становилось большинство государств Латинской Америки, и США надеялись в их лице найти достойную поддержку и опору при решении важных военно-политических вопросов. После нападения Японии в декабре 1941 г. на американский флот в Перл-Харборе (Гавайи) США и еще девять стран Центральной Америки (Гаити, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Куба, Коста-Рика, Никарагуа, Панама, Сальвадор) объявили войну странам «оси» и подписали Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. Три латиноамериканских государства (Венесуэла, Колумбия, Мексика) разорвали дипломатические отношения со странами «оси».

Принятие в ООН латиноамериканских государств значительно усиливало позиции США в создаваемой международной организации. Еще на совещании министров иностранных дел государств американского континента в январе 1942 г. в Рио-де-Жанейро была принята резолюция о Межамериканском совете обороны. В ее развитие в Вашингтоне был создан коалиционный орган из военных представителей США и стран Латинской Америки. На него была возложена задача изучения и предоставления рекомендаций по мерам, необходимым для обороны континента. Межамериканская конференция по проблемам войны и мира, проходившая в феврале-марте 1945 г. в столице Мексики Мехико, приняла «Чапультепекский акт». Главным итогом конференции в Мехико стало превращение слабого Панамериканского союза в военно-политическую организацию, имеющую все признаки будущего замкнутого блока [10].

В противовес американскому предложению о приеме в будущую международную организацию по поддержанию мира и безопасности включить латиноамериканских союзников СССР заявил о желательности принятия в члены организации всех союзных советских республик [11, с. 144–145]. США и Великобритания категорически не согласились с этим предложением и обратились к Сталину с просьбой не поднимать его до учреждения организации, так как в противном случае все усилия могли быть сорваны.

При создании Организации Объединенных Наций приобрело остроту обсуждение вопроса о международной опеке, то есть

о бывших колониях, управление которых осуществлялось по мандату Лиги Наций. Советский Союз однозначно выступал за предоставление независимости колониальным странам и народам. Великобритания стремилась под тем или иным предложением сохранить свою колониальную империю. США склонялись к постепенному демонтажу колониальных владений Великобритании, Франции и Голландии. В конечном счете позиции СССР и США были согласованы и в Устав ООН были включены соответствующие положения, касающиеся колоний. Старт развалу колониальных империй был положен.

Еще одно принципиальное несогласие между СССР и западными государствами относится к процедуре голосования в Совете Безопасности. СССР считал, что по всем вопросам, связанным с предупреждением или подавлением агрессии, решения Совета Безопасности должны приниматься большинством голосов при условии согласия всех его постоянных членов (принцип единогласия). Однако представители США и Великобритании настаивали на существенной оговорке: в голосовании в Совете Безопасности не должна участвовать страна, непосредственно затронутая спором [11, с. 128, 143]. На практике это означало: если участником международного спора вдруг оказался бы СССР, то другие члены Совета Безопасности, являясь представителями и выразителями интересов совершенно другой общественно-политической и экономической формации, вероятнее всего объединились и приняли бы невыгодное для Советского Союза решение. Совершенно очевидно, что СССР был категорически против подобного предложения [11, с. 149].

Следует отметить, что после Думбартон-Окса американцы провели большую работу по выработке формулы голосования, приемлемой для всех стран Большой тройки. Еще 5 декабря 1944 г. американский президент послал Сталину и Черчиллю компромиссный вариант: как, по мнению США, необходимо решить данный вопрос. Великобритания одобрила все содержащиеся в нем положения, а Сталин попросил время на более детальное их изучение. При этом он подчеркнул: «Самое важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав... Поэтому надо подумать, как лучше обеспечить единый

фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача» [6, с. 94].

Выявившиеся на конференции разногласия по процедуре решения спорных вопросов в Совете Безопасности, представительству советских союзных республик в ООН и другим вопросам были вынесены на решение ближайшей встречи в верхах. Вместе с тем было договорено, что на Совет Безопасности возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности и что все члены организации обязуются соглашаться с решениями Совета Безопасности и выполнять их в соответствии с положениями статута [11, с. 218]. Работа конференции в Думбартон-Оксе показала, что сохранилось стремление основных государств антигитлеровской коалиции к обеспечению мира и безопасности в послевоенный период. Это позволило разрешить в духе единодушия девять десятых вопросов обеспечения международной безопасности. Были созданы предпосылки для дальнейшего политического сотрудничества стран антигитлеровской коалиции [12].

Успешная работа конференции в Думбартон-Оксе определялась той политической базой, на которой создавалась антигитлеровская коалиция. Первым определяющим документом стала Атлантическая хартия, подписанная в августе 1941 г. руководителями Соединенных Штатов и Великобритании. В ней в общей форме говорилось о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов, праве народов избирать форму управления.

Отношение к Атлантической хартии было обсуждено еще на конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. В ней приняли участие представители СССР, Австралии, Бельгии, Великобритании, Греции, Голландии, Канады, Люксембурга, Новой Зеландии, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии и организации «Свободная Франция». В оглашенной на конференции деклара-

ции советского правительства определялись конкретные цели и задачи антигитлеровской коалиции. В ней констатировалось, что в навязанной фашизмом войне «решаются судьбы Европы и всего человечества на многие десятилетия» и что советский народ несет «на своих плечах всю основную тяжесть борьбы против кровавого агрессора».

В декларации впервые определялись задачи всех народов и государств, сражающихся с гитлеровской Германией. Они заключались в том, чтобы «добиться скорейшего и решительного разгрома агрессоров, мобилизовать и отдать для наиболее полного решения этой задачи все свои силы, все свои средства, определить наиболее эффективные способы и методы осуществления этой цели», а также «определить пути и средства для организации международных отношений и послевоенного устройства мира». Советское правительство с особой силой подчеркивало необходимость сконцентрировать все экономические и военные ресурсы свободолюбивых народов, организовать правильное распределение всех экономических ресурсов и военного снаряжения под углом зрения быстрого и окончательного освобождения народов Европы.

В декларации указывалось на то, что СССР осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов и что он «отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми». Советское правительство заявляло, что оно решительно отстаивало и отстаивает в качестве одного из эффективных средств борьбы за торжество названных принципов, за мир и безопасность народов «необходимость коллективных действий против агрессоров» [13, С. 163–166]. В Декларации говорилось: «Никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены» [13, с. 177].

В развитие конференции в Думбартон-Оксе была проведена с 25 апреля по 26 июня 1945 г. Сан-Францисская конференция по выработке Устава Организации Объединенных Наций. В ней участвовало 50 государств, подписавших Декларацию Объединенных Наций от 1 января 1942 г. или присоединившихся к ней позднее и объявивших войну странам «оси» до 01.03.1945: СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, Австралия, Аргентина, Белорусская ССР, Бельгия, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гаити, Гватемала, Гондурас, Греция, Дания, Доминиканская Республика, Египет, Индия, Ирак, Иран, Канада, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Либерия, Ливан, Люксембург, Мексика, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Украинская ССР, Уругвай, Филиппины, Чехословакия, Чили, Эквадор, Эфиопия, Югославия, Южно-Африканский Союз.

Выработка Устава Объединенных Наций осуществлялась на основе предложений, подготовленных конференцией в Думбартон-Оксе, положений о процедуре голосования в Совете Безопасности ООН, согласованных на Крымской конференции и получивших название «ялтинская формула», а также дополнений и поправок, предложенных участниками Конференции. В ходе Сан-Францисской конференции были выработаны новые положения, повышающие роль и значение Генеральной Ассамблеи ООН. Главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности Конференция возложила на Совет Безопасности ООН и предоставила ему право действовать от имени всех членов ООН «при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности» (ст. 24). Конференция одобрила «ялтинскую формулу» голосования в Совете Безопасности и закрепила в Уставе ООН принцип единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Конференция учредила Международный Суд, являющийся главным судебным органом Организации Объединенных Наций.

Документы Конференции свидетельствовали о том, что создание ООН явилось следствием воли народов к миру, результатом сотрудничества государств. Она явилась универсальным организмом по координации усилий по поддержанию и восстановлению мира. Устав закрепил адекватную систему

международной безопасности и установления господства права в международных отношениях с помощью ООН. Организация оказалась приспособленной к решению глобальных проблем: экологических, голода и нищеты [14].

Не менее важной проблемой во взаимоотношениях главных союзников по антигитлеровской коалиции был вопрос о послевоенном устройстве Европы. Советский Союз стремился легализовать границы 1939 г. и не допустить возрождения «санитарного кордона» недружественных государств у своих западных границ. Великобритания прилагала настойчивые усилия сохранить политический вес на континенте. США, в основном в ходе Второй мировой войны, выступали посредником при решении острых вопросов.

Впервые вопрос о послевоенном устройстве Европы был поднят на Тегеранской конференции. Центральное место в дискуссии заняла послевоенная судьба Германии, которая в течение предшествующих 25 лет развязала две мировые войны. Черчилль высказался за то, что Германию необходимо расчленить на несколько новых государственных образований и включить южные провинции Пруссии в дунайскую конфедерацию. Рузвельт предложил план расчленения Германии на пять государств. Сталин полагал, что невозможно уничтожить Германию как единое государство и нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения германских государств. Он предлагал не создавать новых нежизнеспособных государственных объединений и предоставить самостоятельность Венгрии и Австрии. А проблему Германии решать на путях ее демилитаризации и демократизации [15, с. 164–167].

По инициативе Черчилля был поставлен вопрос об условиях мира с союзником фашистской Германии Финляндией. Сталин заявил, что в наши условия входит восстановление действия советско-финского договора 1940 г. СССР готов отказаться от Ханко взамен на возвращение района Петсамо. Было выражено намерение потребовать возмещения натурой в половинном размере ущерба, причиненного Финляндией в этой войне, изгнания немцев из Финляндии и разрыва с Германией. Союзники согласились с необходимостью изменения советско-финской границы 1939 г. и проведения мероприятий по выводу Финлян-

Уинстон Черчилль

дии из войны. При обсуждении этого вопроса Черчилль заявил, что симпатии британцев и его лично к Финляндии в 1939 г. кардинально изменились после вступления этой страны в войну на стороне Германии. Он признал справедливым обеспечение безопасности Ленинграда и позиций Советского Союза как доминирующей морской и военно-воздушной державы в Балтийском море [1, с. 159].

Обсуждался также вопрос о месте Франции в послевоенном мире. Рузвельт высказался против поддержки де Голля и сообщил, что они вооружают 11 французских дивизий в Северной и Западной Африке под командованием Жиро, не порвавшего с коллаборационистским режимом Виши. Черчилль осторожно поддержал де Голля. Участники переговоров пришли к мнению, что французские руководящие круги должны начать воевать с немцами и не выжидать, когда им преподнесут готовую Францию на блюде.

Обсуждение послевоенного переустройства Европы не могло не затронуть вопроса о западных границах Советского Союза. Ключевым моментом при этом стало будущее Польши. Сталин высказался за восстановление и усиление Польши. Но Советский Союз отделяет Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне, которое присоединилось к Гитлеру в его клевете на СССР. Западные союзники согласились в предварительном порядке, что послевоенные границы Польши должны пройти по так называемой линии Керзона на востоке и по реке Одер — на западе. Тем самым сохранялась советско-польская граница по линии, установленной в 1939 г. [16].

Рузвельт считал возможным в двусторонней встрече со Сталиным даже поставить вопрос о проведении референдума по судьбе прибалтийских государств. Он мотивировал это особенностями предстоящей предвыборной борьбы, в ходе которой вопрос о самостоятельности стран Балтии будет использован его противниками. Советский руководитель высказал удивление постановкой этого вопроса: «Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России» [1, с. 168].

Британское руководство было крайне озабочено разделом сфер влияния в Европе после разгрома гитлеровской Германии. В октябре 1944 г. в Москву с визитом прибыл Черчилль. В момент вступления Красной Армии на Балканы он предложил раздел «сфер влияния» в следующем процентном отношении: Румыния — 90% влияния России, 10% — другие; Греция — 90% влияния Британии (в сотрудничестве с США), 10% — другие; Югославия и Венгрия — 50 на 50%; Болгария — 75% влияния России, 25% — другие страны. Позднее этот список Черчилль хотел дополнить Албанией в соотношении 50 на 50% [17, с. 417, 423]. Далее эти предложения были обсуждены на уровне глав делегаций СССР и Британии и экспертов в лице министров иностранных дел. Советская сторона настаивала на признании британцами своего вклада в дело разгрома немецко-фашистских войск на Балканах и учете этого при определении «сфер влия-

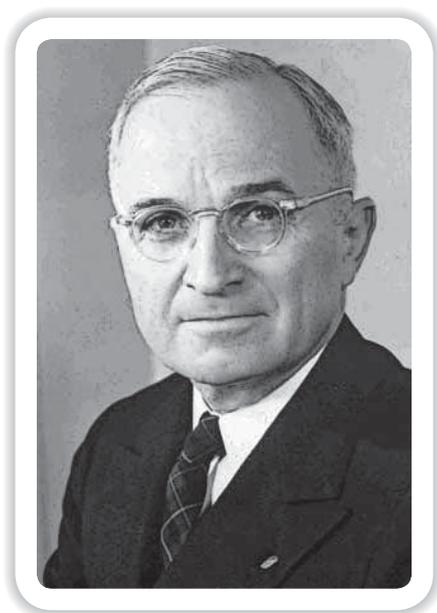
ния» [17, с. 429, 431, 433, 434]. В частности, стороны договорились о повышении процента «советского влияния» в Болгарии и Венгрии до 80%. Анализ советской позиции в развернувшейся дискуссии свидетельствует, что руководство СССР стремилось создать «пояс безопасности» из дружественных Советскому Союзу приграничных государств. При этом их внутривнутриполитическое устройство зависело, по мнению советского руководства, от расстановки политических сил в каждой стране. Силового «экспорта революции» в 1944 — начале 1945 г. советские руководители явно избегали [17, с. 436].

В конце 1944 — начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях обострился. США и Великобритания не признавали созданное в январе 1945 г. польскими коммунистами при содействии Москвы Временное правительство этой страны (так называемое люблянское правительство). Несмотря на то что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь просоветские силы, западные союзники не теряли надежду на включение лояльных деятелей в польское руководство [18, с. 16]. 24 ноября 1944 г. премьер польского правительства в эмиграции (базировалось в Лондоне) С. Миколайчик подал в отставку из-за того, что члены его кабинета настаивали на восстановлении советско-польской границы по состоянию на 1 сентября 1939 г. Переговоры же Миколайчика с Польским Национальным Комитетом, созданным при поддержке Москвы в июле 1944 г., служили прикрытием для тех элементов, которые вели террористическую деятельность против советских офицеров и вообще против советских людей на территории Польши [19, с. 324–325, 328]. Накануне конференции в Ялте, 10 января 1945 г., влиятельный член комиссии по иностранным делам американского сената А. Ванденберг в своей речи перед сенатом утверждал, что «Москва собирается отстаивать односторонние военные и мирные цели, которые расходятся с нашими целями» [19, с. 107]. Но убедить Сталина скорректировать границу между Польшей и Россией в выгодном для западных союзников направлении не удалось [18, с. 17]. Он указал, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Во-

просом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию» [6, с. 97–103; 17, с. 499–506].

В результате переговоров и обсуждений на Ялтинской конференции было достигнуто соглашение о реорганизации действующего Временного правительства в Варшаве на более широкой базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. В отношении польских границ было решено, что восточная граница Польши должна идти вдоль «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от 5 до 8 км в пользу Польши. Предусматривалось также, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе. На Берлинская (Потсдамской) конференции, проходившей с 17 июля по 2 августа 1945 г., западная граница Польши определялась по рекам Одер — Западное Нейсе. Польской становилась часть Восточной Пруссии, а также город Данциг (Гданьск) [20, с. 68, 471–473].

В ходе ожесточенных боев за Берлин Сталин дает свой твердый и последний ответ США и Великобритании по Польше. 25 апреля он обращается к новому американскому президенту Трумэну: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции. Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу правительство и что советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован». «Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против

Гарри Трумэн

своей страны». 4 мая Сталин заявил Черчиллю: «Ваша позиция исключает возможность согласованного решения по польскому вопросу». Дипломатический торг закончился, Сталин создал целый пояс безопасности из социалистических государств вдоль западных границ СССР.

В Югославии к концу 1944 г. при военной помощи СССР от фашистских оккупантов были полностью освобождены Сербия, Македония, Черногория, часть Далмации. Значительно расширились освобожденные территории в Хорватии и Словении. Освобождение Белграда, повсеместное укрепление народной власти, рост авторитета и влияния Коммунистической партии Югославии в массах привели к значительному усилению позиций Национального комитета освобождения Югославии не только внутри страны, но и на международной арене.

2 ноября 1944 г. в Белграде между Национальным комитетом освобождения и эмигрантским правительством было достигнуто соглашение об образовании единого правительства

Югославии. Постановление второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии, запрещавшее королю Петру II возвращение в Югославию, оставалось в силе. Вопрос о югославском государственном строе должно было решить после окончания войны всенародно избранное Учредительное собрание. Единое югославское правительство предполагалось сформировать из представителей Национального комитета и королевского эмигрантского правительства. Хотя соглашение носило компромиссный характер, оно означало успех демократических сил. Поэтому югославская реакция во главе с королем Петром, опираясь на поддержку Великобритании и Соединенных Штатов Америки, пыталась саботировать ноябрьское соглашение.

В феврале 1945 г. югославский вопрос обсуждался на Ялтинской (Крымской) конференции. Был принят ряд рекомендаций в отношении образования Временного объединенного правительства из представителей Национального комитета освобождения Югославии и эмигрантского королевского правительства в Лондоне, а также создания Временного парламента на основе Антифашистского веча народного освобождения Югославии и пополнения его депутатами довоенной югославской скупщины, не скомпрометировавшими себя сотрудничеством с оккупантами. Национальный комитет освобождения Югославии принял рекомендации Крымской конференции. 7 марта 1945 г. И. Броз Тито сформировал в Белграде Временное правительство Демократической Федеративной Югославии. Министром иностранных дел был назначен И. Шубашич. Кроме него в правительство вошли также двое других представителей эмигрантского правительства. Однако решающий голос в правительстве принадлежал членам Национального комитета. Правительство проводило в жизнь программу, принятую второй сессией Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Вскоре новое югославское правительство было признано СССР, Великобританией и Соединенными Штатами Америки.

Весной 1945 г. Красная Армия осуществила успешное наступление в Венгрии и Восточной Австрии. Создались благоприятные условия для окончательного изгнания фашистских оккупантов из Югославии. К этому времени Народно-освободительная

армия была реорганизована в Народную армию Югославии и оснащена новейшим вооружением. В марте-апреле югославская Народная армия начала наступление и к 15 мая полностью освободила свою страну от фашистских захватчиков, разгромив и взяв в плен те немецко-фашистские части, которые отказались сложить оружие после капитуляции Германии и стремились пробиться на запад, чтобы сдаться англо-американским войскам.

Единственной неевропейской страной, ставшей предметом переговоров Большой тройки, стал Иран. 29 января 1942 г. в Тегеране был заключен союзный договор между СССР, Великобританией и Ираном, гарантировавший территориальную целостность последнего. А на Тегеранской конференции была принята и опубликована Декларация трех держав об Иране. Согласно ей, СССР, США и Великобритания должны были вывести войска из Ирана через полгода после окончания войны, то есть к 3 марта 1946 г.

В начале 1944 г. на фоне коренных перемен на советско-германском фронте, укрепления международного положения СССР и обострения внутренней обстановки в Иране Совет народных комиссаров СССР 6 марта обсудил вопрос «Об усилении экономической и культурной помощи населению Южного Азербайджана» и принял соответствующие решения. 3 сентября 1945 г. было официально объявлено о создании Азербайджанской демократической партии (АДП). В ее состав вошли представители всех слоев населения, а также местные организации Народной партии Ирана (партия «Туде»). Было очевидно, что в случае получения автономии иранским Азербайджаном, этнически связанным с советским Азербайджаном, политическое влияние СССР в Иране и на всем Среднем Востоке могло бы значительно усилиться. К этому времени в иранском Азербайджане (Северный Иран) и иранском Курдистане, где дислоцировались советские войска, были созданы автономные республики (в составе Ирана). Просоветски настроенные местные органы власти даже создали собственные вооруженные формирования.

В начале сентября 1945 г. АДП опубликовала обращение, в котором выдвинула требование предоставления иранскому Азербайджану автономии в области культуры и местного

управления в пределах Ирана, введения в официальное употребление азербайджанского языка, образования областных и провинциальных энджуменов и ряд других требований. 16 ноября при поддержке советских войск вооруженные формирования Демократической партии подняли восстание, выдвинув в качестве основного требования предоставление Азербайджану автономии. На следующий день иранское правительство направило в очаг восстания войска, но они были остановлены советскими частями. 20 и 21 ноября 1945 г. в Тебризе состоялись заседания Всенародного собрания, в которых участвовали 744 делегата из всех районов иранского Азербайджана. Объявив себя учредительным съездом, всенародное собрание избрало Национальный комитет в составе 39 человек, поручив ему управление внутренними делами Азербайджана и ведение переговоров с правительством о предоставлении Азербайджану национальной автономии.

Действия Азербайджанской Демократической партии, направленные фактически на раскол страны, осложнили отношения с некоторыми силами в самом Иране и с ее «покровителем» — Советским Союзом. Усилилось давление на СССР со стороны США и Великобритании. По некоторым данным, 21 марта 1946 г. был якобы направлен через советского посла в Вашингтоне ультиматум с угрозой применения атомного оружия. Советское руководство понимало, что сложившаяся ситуация могла перерасти в военное столкновение с союзниками по антигитлеровской коалиции. Тем более что к 1 января 1946 г. Иран покинули американские войска, а Лондон заявил о выводе своих частей до 2 марта. В этот же день истекал срок пребывания в Иране и советских войск. Положение усугублялось также наличием английских баз в Ираке и Индии, множества американских баз, расположенных по периметру границ Советского Союза, не говоря уже о военно-морских силах Великобритании в Персидском заливе. СССР, фактически исчерпав реальные возможности поддержания сепаратистского движения в Иране к 9 мая 1946 г., вывел советские войска с иранской территории.

Принципиальное значение для послевоенного устройства в мире и Европе имело решение германского вопроса. На Те-

геранской конференции главы трех держав договорились об общей политике и планах обращения с Германией после ее безоговорочной капитуляции и оккупации ее территории союзными войсками. Предусматривалось создание союзнической администрации и «контрольного механизма в Германии», а также участие Франции в решении германской проблемы на правах четвертой союзной державы. Согласно достигнутым договоренностям Германия должна была стать после войны демилитаризованным, демократическим, миролюбивым государством. Главы союзных держав заявили, что их непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий того, чтобы Германия никогда больше не была в состоянии нарушить мир [6, с. 64–69].

Участники Ялтинской конференции признали справедливым обязать Германию возместить ущерб в натуре в максимально возможной мере. Однако остался не урегулирован вопрос о репарациях в пользу СССР [20, с. 76–81]. Западные союзники стремились не допустить, чтобы жестоко пострадавшая в войне советская экономика (ущерб составил 2600 млрд рублей) могла бы быстро восстановиться [21, с. 228–229]. На следующей конференции в верхах в Потсдаме союзники выступили против репараций единым фронтом.

Завершающим этапом выработки основных принципов отношений держав-победительниц с побежденной Германией стала Берлинская (Потсдамская) конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г. В ней участвовали руководители СССР, США и Великобритании. Ее решения закрепили победу стран антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг. над фашистской Германией. Были также обсуждены в последний раз с участием глав государств и правительств проблемы послевоенного устройства Европы¹.

К началу работы Потсдамской конференции усилились противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой. Однако правительства западных государств были вынуждены считаться с ростом международного авторитета СССР, наличием общего противника в лице

¹ Известия, 1945, 18 июля; [20, с. 15].

милитаристской Японии. Центральное место в работе конференции заняли вопросы демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. Ее важнейшим достижением явилось принятие политических и экономических принципов, которыми было необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» с тем, чтобы угроза агрессии никогда больше не исходила с немецкой земли. Целями оккупации объявлялись: полная демилитаризация и разоружение Германии — упразднение всех ее сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил, силовых структур — СС, СА, СД и гестапо со всеми их организациями, штабами и учреждениями, учебными заведениями, военными и полувоевыми организациями, а также уничтожение или сдача союзникам всего вооружения и снаряжения.

Предполагалась перестройка политической жизни в Германии на демократической основе, в том числе ликвидация национал-социалистской (фашистской) партии, ее филиалов, подконтрольных организаций и учреждений, чтобы полностью исключить их возрождение; отмена всех нацистских законов, служивших интересам фашистского режима; запрещение и предотвращение нацистской и милитаристской пропаганды; предание суду военных преступников и всех тех, кто участвовал в планировании и осуществлении нацистских зверств; удаление всех активных нацистов с государственных и общественных постов, а также с ответственных должностей в частных фирмах.

Должны были быть проведены: реорганизация в соответствии с принципами демократии системы образования, правосудия и местного самоуправления; разрешение и поощрение деятельности демократических политических партий; обеспечение уважения общедемократических свобод. Экономические принципы в отношении Германии, рассматривавшейся как единое экономическое целое, предусматривали: ликвидацию всей военной промышленности; запрещение производства вооружения, военного снаряжения, военных самолетов и морских судов всех типов; ограничение и строгий контроль

за производством металлов, изделий машиностроения, химических продуктов и других предметов, необходимых для военной экономики; уничтожение чрезмерной концентрации промышленности в форме картелей, синдикатов, трестов [20, с. 462–467, 484–489].

В результате переговоров делегации решили, что все четыре державы получают репарации из своих зон оккупации и за счет германских вложений за границей, СССР дополнительно к этому — 25% всего изымаемого из западных зон промышленного оборудования (из них 15% — в обмен на эквивалентные поставки угля, продовольствия и других товаров). Из своей доли репараций СССР удовлетворял репарационные претензии Польши. По предложению делегации СССР было принято решение о разделе поровну между СССР, США и Великобританией германского военно-морского и торгового флота не позднее 15 февраля 1946 г. (большая часть подводных лодок по предложению британской делегации подлежала потоплению) [20, с. 467–471; 489–491].

На конференции было принято решение о передаче Советскому Союзу Кенигсберга (с 1946 г. — Калининград) и прилегающего к нему района [20, с. 68, 471–473]. В ходе работы конференции делегации союзников СССР по антигитлеровской коалиции неоднократно выступали против усиления советского влияния в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы и требовали немедленной «реорганизации» правительств Румынии и Болгарии как условие их признания. Делегация СССР решительно выступила против такой позиции западных держав. На конференции был учрежден Совет министров иностранных дел, на него конференция возложила подготовку мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией [20, с. 475–477; 478; 482–483].

Конференция завершилась подписанием главами государств и правительств СССР, США и Великобритании Протокола (1 августа 1945 г.) и Сообщения (2 августа 1945 г.) о Берлинской конференции трех великих держав. В первых числах августа основные соглашения были направлены Франции с предложением присоединиться к ним. Французское правительство дало свое принципиальное согласие.

*Союзники.
Потсдам, 1945 г.*

В документах Берлинской конференции были закреплены итоги Второй мировой. Произошел раздел сфер влияния. Запад признал справедливость СССР на укрепление своего влияния в Центральной и Восточной Европе в интересах обеспечения безопасности, но был решительно против прихода к власти в этих странах коммунистических режимов. Семена кризиса антигитлеровской коалиции стали предтечей холодной войны. На Потсдамской конференции четко проявилось стремление ее участников к разграничению и расширению собственных сфер влияния. Означало ли это неизбежность разделения Европы и мира на два блока? В определенной степени — да. Конфронтация, нараставшая в отношениях членов Большого союза, носила все чаще не идеологический, а геополитический характер. Однако отношения бывших союзников вовсе не обязательно должны были приобрести ожесточенный характер холодной войны. Добрая воля политического руководства стран коалиции могла обеспечить, чтобы геополитическое противостояние разрешалось цивилизованно и не ввергало мир в новую «горячую войну».

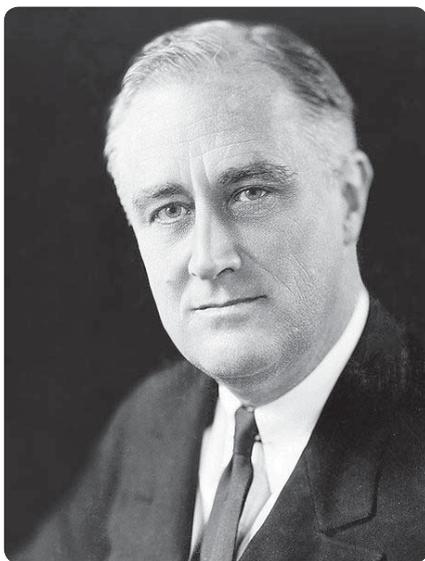
В июне 1945 г. в Берлине союзниками была принята «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами СССР, Соединенного Королевства и США и Временным Правительством Французской Республики» [22]. Согласно Декларации, верховная власть в Германии должна была осуществляться главным образом вооруженных сил СССР, США, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующим в качестве членов Контрольного Совета [23].

В эти же месяцы 1945 г. произошли и иные события, которые оказали влияние на последующие десятилетия мировой истории, развернули ее от курса на сотрудничество трех союзных держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом.

Первое из них — кончина 12 апреля 1945 г. президента США Ф. Рузвельта, арбитра в дискуссиях Большой тройки и конфликтах между Сталиным и Черчиллем. С кончиной Рузвельта в американском руководстве усилились позиции правых прагматиков, приведшие к смене политического курса США, советско-американскому противостоянию и повышению опасности мирового конфликта.

Второе — обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния в Европе и мире. В этой борьбе каждая из стран преследовала свои геополитические цели. Советский Союз стремился включить в орбиту своего влияния страны, освобождаемые Красной Армией, прежде всего приграничные с СССР государства, способствуя установлению здесь власти дружественных СССР правительств. Великобритания ставила целью вновь обрести при поддержке США свои довоенные позиции в этих странах, добиться прихода в них к власти правительств прозападной ориентации, что рассматривалось советским руководством как угроза возрождения «санитарного кордона» и потенциальной военной опасности на границах СССР.

Третье — изменение соотношения военных сил между великими державами в результате монопольного овладения

Франклин Рузвельт

США атомным оружием. Расчеты на его использование в качестве средства политического давления и военных угроз привели к послевоенной гонке вооружений, череде локальных войн и военно-политических кризисов международного масштаба.

Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и международную обстановку было однозначно негативным. Этому противостояли сложившиеся в годы войны отношения многостороннего сотрудничества великих держав, их совместных усилий и жертв в борьбе с общим врагом, направленные на дальнейшее развитие экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих двух тенденций во многом определила ход мировой политики в послевоенные десятилетия [17, С. 514] .

Но во время Берлинской (Потсдамской) конференции Вторая мировая война еще не закончилась и союзники по антигитлеровской коалиции не могли перейти к открытой конфронтации при решении спорных вопросов. Во исполнение

своего союзнического долга 9 августа ударные группировки советских войск атаковали японские войска с суши, воздуха и моря. В течение 10 дней части и соединения Красной Армии фактически разгромили стратегическую группировку японских войск в Манчжурии и Северной Корее. В ночь на 15 августа 1945 г. император Японии принял решение о немедленном прекращении военных действий и капитуляции. В тот же день, 15 августа, президент США Г. Трумэн направил Сталину для согласования текст проекта так называемого Общего приказа № 1. В нем устанавливалась процедура принятия капитуляции вооруженных сил Японии. В своем ответе советский руководитель просил американского президента включить в данном приказе в район сдачи японских войск советским войскам северную половину острова Хоккайдо. 18 августа от Трумэна была получена телеграмма с отказом внести коррективы в отношении капитуляции японских войск на Хоккайдо и указанием на то, что задача ее принятия возложена на американские оккупационные войска [24, с. 322].

Несмотря на объявленную японским императором 15 августа по Токийскому радио капитуляцию, вооруженные силы Японии продолжали оказывать упорное сопротивление советским войскам в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курилах. Эти обстоятельства и побудили Сталина подтвердить 20 августа приказ о подготовке высадки советских войск на спорный японский остров Хоккайдо, который, поскольку война еще не была закончена, являлся с военной точки зрения составной частью продолжавшихся военных действий. Высадка советских войск на о. Хоккайдо способствовала бы ускорению разгрома японских войск. Но она могла бы иметь далеко идущие политические последствия. Согласованная в последние дни Потсдамской конференции линия разграничения зон военных действий советских и американских вооруженных сил проходила севернее о. Хоккайдо¹. 22 августа 1945 г. Верховный главнокомандующий Красной Армии приказал приостановить подготовку к высадке на о. Хоккайдо².

¹ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2. Л. 391–393, Д. 8. Л. 154–155.

² Там же. Д. 9. Л. 61.

Тем временем военные действия советских войск против Японии стали носить все чаще очаговый, хотя порой и ожесточенный характер. Войска японских гарнизонов на Южном Сахалине, а также на Курильских островах продолжали оказывать ожесточенное сопротивление. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация: Квантунская группировка войск капитулировала, пленение ее личного состава завершалось. Северная Корея к середине последней декады августа была освобождена, примерные сроки капитуляции Японии согласованы, а многие японские гарнизоны Южного Сахалина и Курильских островов еще не были разоружены. Если акт о капитуляции Японии оказался бы подписанным до того, как будут разгромлены или нейтрализованы гарнизоны на островах, а ближайшая задача войск на острове Хоккайдо не будет выполнена, могла сложиться весьма невыгодная для Советского Союза ситуация. Во-первых, придется прекратить боевые действия на Хоккайдо и отвести свои войска на Сахалин, во-вторых, южная часть Курильских островов могла остаться в ведении Японии или США. Это существенно затруднило бы выход в Мировой океан кораблей Тихоокеанского флота, так как Советский Союз останется без незамерзающих проливов, что, кстати, создавало для него огромные трудности на протяжении всей Великой Отечественной войны [24, с. 323]. И все же 2 сентября в 9 час. 04 мин. на борту американского линкора «Миссури», находившегося в Токійском заливе, был подписан Акт о капитуляции Японии.

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы в районах, контролировавшихся Гоминьданом, и в освобожденных районах, находившихся под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Соединенные Штаты встали на путь открытой односторонней помощи Гоминьдану [25]. Советский Союз ориентировался на КПК. Освобожденная советскими войсками совместно с воинами Монгольской Народной Республики Маньчжурия превратилась в прочный тыл войск, руководимых компартией [26].

Гоминьдан спровоцировал осенью 1945 г. гражданскую войну в Китае [27]. По предложению советского правительства в декабре 1945 г. на Московском совещании министров ино-

*Подписание Акта о капитуляции Японии
на борту американского линкора «Миссури»*

странных дел СССР, США и Великобритании было обсуждено положение в Китае и принято решение, в котором руководители внешнеполитических ведомств «подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [22. Т. 1, с. 375], признали необходимость прекращения гражданской войны в Китае, объединения и демократизации всех органов Национального правительства Китая. На отдельном совещании министров иностранных дел СССР и США было достигнуто «полное согласие в отношении желательности вывода из Китая советских и американских сил в возможно кратчайшие сроки» [22. Т. 1, с. 376]. Хотя американское правительство и не вывело свои войска из Китая, оно не решилось на развязывание прямой интервенции против районов, которые контролировались Коммунистической партией Китая.

В 1946 г. активизировались греческие повстанцы, руководимые коммунистами и подпитываемые поставками оружия из Албании, Югославии и Болгарии, где уже находились у власти коммунисты. На Лондонском совещании министров иностранных дел СССР потребовал предоставления ему права на протекторат над Триполитанией (Ливией), чтобы обеспечить присутствие в Средиземноморье. Во Франции и Италии компартии стали самыми крупными политическими партиями, коммунисты вошли в состав правительств. После вывода из Европы основной части американских войск СССР превратился в доминирующую военную силу в континентальной Европе.

* * *

Успех антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне зависел от решения двух основных задач. Во-первых, только разгром фашистской Германии и милитаристской Японии обеспечивал мирное развитие после войны. Во-вторых, сохранение послевоенного мира зависело от того мироустройства, условия которого выработают члены коалиции.

Советский Союз вынес основную тяжесть войны с фашистской Германией и ее сателлитами. Его союзники непосредственно включились в их разгром менее чем за год до окончательной победы. Компенсацией неучастия США и Великобритании в военных действиях в Европе были поставки техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов по программе ленд-лиза. Ленд-лиз не оказал решающего влияния на исход войны на Восточном фронте, но тем не менее способствовал повышению боеспособности Красной Армии. Соединенные Штаты сыграли решающую роль в разгроме милитаристской Японии. Вклад СССР состоял в нанесении поражения основным силам японских сухопутных войск на завершающем этапе войны.

Основы миропорядка во второй половине XX в. были определены руководителями Советского Союза, Соединенных Штатов и Великобритании в годы Второй мировой войны. Ими была основана международная организация по обеспечению мира и безопасности на планете — Организация Объединенных Наций. СССР смог добиться признания границ 1939 г. в Европе, права на возвращение захваченных Японией территорий после

войны 1905 г. Он отстаивал свои позиции по польскому вопросу, а также в Югославии и Монголии. Эти внешнеполитические успехи были достигнуты лишь вследствие крайней заинтересованности союзников по антигитлеровской коалиции во вкладе Советского Союза в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии.

Соединенные Штаты ориентировались на послевоенное доминирование в мире. Они были инициаторами создания Организации Объединенных Наций и стремились обеспечить контроль над ней за счет государств, которые могли контролировать. Целью Великобритании было сохранение Британской империи и укрепление взаимодействия с США, создавая противовес Советскому Союзу. Основные усилия она сосредоточила на сохранении своего влияния на европейском континенте, в том числе за счет привлечения Франции в число держав-победительниц, и разделении сфер влияния.

В документах Берлинской конференции 1945 г. были закреплены итоги Второй мировой. Три державы подтвердили, что «германский милитаризм и нацизм будут искоренены» с тем, чтобы угроза агрессии никогда больше не исходила с немецкой земли. Предполагалась перестройка политической жизни страны на демократической основе. Германия рассматривалась как единое экономическое целое. Произошел раздел сфер влияния. Запад признал справедливость СССР на укрепление своего влияния в Центральной и Восточной Европе в интересах обеспечения безопасности, но был решительно против прихода к власти в этих странах коммунистических режимов. Семени кризиса антигитлеровской коалиции стали предтечей холодной войны. На конференции четко проявилось стремление ее участников к разграничению и расширению собственных сфер влияния.

1.2. Борьба США за мировое господство

Первым шагом к мировому господству на международной арене в середине XX в. стало установление особых отношений США с Великобританией. Их основы были заложены в так на-

зываемой Атлантической хартии. Она была принята по результатам конференции президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля 14 августа 1941 г. В ней были обнародованы следующие общие принципы национальной политики обеих стран.

1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям.

2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3. Они уважают право всех народов избирать себе форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем.

4. Соблюдая должным образом свои существующие обязательства, они будут стремиться обеспечить такое положение, при котором все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран.

5. Они стремятся добиться полного сотрудничества между всеми странами в экономической области с целью обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальное обеспечение.

6. После окончательного уничтожения нацистской тирании они надеются на установление мира, который даст возможность всем странам жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах могли бы жить всю свою жизнь, не зная ни страха, ни нужды.

7. Такой мир должен предоставить всем возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8. Они считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями.

Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены. Англия и США будут также помогать и поощрять все другие осуществимые мероприятия, которые облегчают миролюбивым народам избавление от бремени вооружения [22. Т. 1, с. 147–148].

Заключение Атлантической хартии ознаменовало усиление вовлеченности Соединенных Штатов в мировую политику. Хартия стала краеугольным камнем трансатлантической солидарности западных стран после Второй мировой войны. В сентябре 1943 г. в письме фельдмаршалу Смэтсу Черчилль писал, что, по его мнению, гарантом «хороших отношений и дружественного равновесия» между Западом и Россией, которая станет после Второй мировой войны «величайшей в мире сухопутной державой», может быть «хотя бы на период восстановления» тесный союз «Британского Содружества наций и Соединенных Штатов, а также их морская и воздушная мощь» [28].

Материальной основой укрепления союза Соединенных Штатов и Великобритании в военные годы стал ленд-лиз. Это была своеобразная программа кредитования союзников Соединенными Штатами Америки посредством поставок техники, продуктов питания, оборудования, сырья и материалов. Начиная с 1940 г. «нейтральные» американцы начали проявлять все возрастающий интерес к вопросам обороноспособности своего потенциального военного союзника. С этой целью в июле в Лондон были направлены военная и морская миссии для «предварительных переговоров», а чуть позже — уже для конкретного изучения оборонительных сооружений внутри страны и на побережье. Первый шаг к ленд-лизу был сделан США 3 сентября 1940 г., когда американцы передали Великобритании 50 старых эсминцев в обмен на британские военные базы. В январе 1941 г. в Вашингтоне начались секретные переговоры представителей военного руководства обеих стран с целью выработки общей стратегии действий. А уже в марте того же года американские офицеры посетили с секретной миссией Великобританию, чтобы выбрать базы для своих эскортных кораблей и авиации, и работы по их оборудованию начались немедленно.

Принятием 11 марта 1941 г. Конгрессом закона о ленд-лизе было фактически окончательно преодолено сопротивление американских «изоляционистов», препятствовавших втягиванию Вашингтона в орбиту политики Лондона, уже ввязавшегося в войну с Германией и ее сателлитами по всему миру. Теперь, по мере того как вооружение поступало с американских военных заводов, оно должно было делиться, в общем, поровну между американскими вооруженными силами, с одной стороны, и британскими и канадскими — с другой. Тем самым были устранены столкновения интересов британских и американских военных, постоянно оспаривавших приоритеты размещенных заказов для нужд национальной обороны. Закон стал наиболее важным шагом в рамках формирующегося военного союза США с Великобританией в тот период.

Особый характер взаимодействия между США и Великобританией во Второй мировой войне проявился также в военной сфере. Уже в конце декабря 1941 г. в Вашингтон официально прибыл британский премьер Черчилль в сопровождении начальников штабов видов вооруженных сил. Цель первой союзнической конференции по военным вопросам, получившей условное название «Аркадия», состояла в организации реальной системы, которая позволила бы американским и британским начальникам штабов эффективно действовать как единый орган управления. Суть достигнутой договоренности сводилась к тому, что каждый из британских начальников штабов видов ВС должен был назначить своего представителя в Вашингтоне, дабы работать в тесном контакте со своими американскими коллегами. Во исполнение этой договоренности для координации военных действий весной 1942 г. был создан Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США и Великобритании. При этом в комитете был сформирован новый орган управления англосаксонскими вооруженными силами, получивший название Объединенного (многонационального) англо-американского штаба.

ОКНШ находился в Вашингтоне, но подчинялся одновременно главам союзных государств. В него вошли представители Британского комитета начальников штабов и Объединенного комитета начальников штабов США, который был создан в июле

1942 г. Британский комитет начальников штабов состоял из начальника имперского Генштаба (председатель), начальников штабов ВВС и ВМС, начальника штаба при министерстве обороны и начальника штаба совместных операций. Примерно таким же был состав Объединенного комитета начальников штабов Соединенных Штатов. Характерно, что уже в 1944 г. американское военное ведомство рассматривало как основного соперника СССР. В меморандуме объединенного комитета начальников штабов США, направленного 3 августа 1944 г. государственному секретарю К. Хэллу, констатировалось: «После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз... Относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя»¹.

ОКНШ стал работать под непосредственным руководством президента США и премьер-министра Великобритании. Этот орган управления с его сложной, разветвленной организацией штабных офицеров всех рангов стал фактически распоряжаться всеми ресурсами обеих стран. Весьма примечательно, что русских не пригласили участвовать в работе этого союзнического органа управления под предлогом «наличия у них отдельного самостоятельного фронта, и поэтому не было нужды... увязывать работу англо-американских штабов с русскими». К тому же, по мнению Черчилля, участие русских в заседаниях обоих органов свелось бы к монотонным требованиям скорейшего открытия второго фронта в ущерб другим вопросам, да и ни один из высокопоставленных советских генералов не владел английским языком, а работа с переводчиком только затруднила бы выработку и принятие оперативных решений. (Впрочем, и Сталин не особо настаивал на участии представителей советского военного командования в обоих органах союзнического управления войсками.) Объединенный КНШ за время войны провел около 200 официальных совещаний, в ходе

¹ Цит. по: *Matloff M. Strategic Planning for Coalition Warfare 1943–1944.* Wash., 1959. P. 524.

которых решались задачи, не только касавшиеся непосредственного планирования операций и управления войсками, но и многие другие, включая формирование единой позиции накануне обсуждения стратегических вопросов с русскими союзниками, а также устранение постоянно возникавших между военными обеих стран разногласий и споров по тем или иным проблемам.

Не менее важным в особом характере отношений США и Великобритании в годы Второй мировой войны стало подключение британских ученых к разработке атомного оружия. В ходе конференции в Квебеке США и Великобритания 19 августа 1943 г. заключили секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы. Военно-политическое руководство обеих стран понимало, что это оружие способно обеспечить победу в войне в кратчайшие сроки. Премьер-министр Великобритании Черчилль видел в атомной бомбе средство не только укрепления обороноспособности страны, но и обеспечения ее будущего как великой державы [15, с. 13, 16].

Первой в будущую гонку ядерных вооружений включилась Великобритания. Выход вермахта на берег Ла-Манша в середине 1940 г. поставил ее на грань военной катастрофы. Возникла угроза потери суверенитета Великобритании. Было решено незамедлительно приступить к осуществлению комплекса мер по созданию атомной бомбы. В июне 1941 г. устанавливаются контакты британских и американских ученых по использованию урана для производства атомной бомбы. В декабре 1941 г. в день вступления США во Вторую мировую войну в Беркли (Калифорния) был получен уран-235, необходимый для производства атомной бомбы. В марте 1942 г. американский президент принял решение передать работы над атомной бомбой под управление вооруженных сил. Они получили название «Манхэттенский инженерный проект», в котором были задействованы предприятия и научные центры в 19 штатах США и в Канаде. Работы велись в обстановке строжайшей секретности. Об этом проекте не был поставлен в известность даже конгресс Соединенных Штатов. Об СССР не шло и речи.

В ходе переустройства мира Соединенные Штаты ставили перед собой задачу добиться монопольного положения на ми-

ровой арене. Для этого предполагалось снизить международный статус Германии и Японии и потеснить Великобританию и Францию, а также не допустить роста влияния СССР в Восточной Европе и прилегающих к ней государствах на юге и востоке [29]. Целью Великобритании было сохранение Британской империи, укрепление взаимодействия с США, создавая противовес Советскому Союзу, а также недопущение роста советского влияния в Польше, Чехословакии и на Балканах [30].

Так, в октябре 1942 г., в то время когда Красная Армия вела кровопролитные бои под Сталинградом, Черчилль так оценивал перед членами кабинета перспективы развития военно-политической обстановки в Европе: «Все мои помыслы обращены, прежде всего, к Европе как прародительнице современных наций и цивилизаций. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств» [3, с. 331].

По мере приближения победы над фашистской Германией в сознании некоторой части представителей военно-политического руководства союзных России держав в образе врага стала выступать не столько Германия, сколько Россия. Особо активную антисоветскую позицию занимал британский премьер. Близкий к Черчиллю лорд Моран в августе 1944 г. записал в своем дневнике: «Он (Черчилль. — *Прим. авт.*) перестал упоминать Гитлера в эти дни. Он то и дело твердит об опасности коммунизма. Ему без конца мерещится Красная Армия в виде раковой опухоли, поражающей одну страну за другой» [31, с. 228]. Отношение премьер-министра к СССР не могло не повлиять на позицию военного руководства Великобритании. В Комитете начальников штабов (КНШ) и штабе уже в конце лета 1944 г. при подготовке документов по послевоенной проблематике стали учитывать возможную конфронтацию с Россией.

Росло напряжение и в американо-советских отношениях. Президент Рузвельт, который в ходе войны придерживался мнения, что «США и Советский Союз разделяет идеологическая бездна, но объединяет мост государственных интересов», в своем послании к Конгрессу 6 января 1945 г. о положении страны был вынужден признать: «Мы неизбежно больше осознаем разногласия между победителями» [32, с. 105].

*Уильям
Аверелл Гарриман*

Разница в интересах порождала трения между союзниками. 5 апреля 1945 г. Сталин узнал, что госсекретарь США Гарриман заявил в Конгрессе, будто в послевоенное правительство в Польше никто из люблинских представителей не войдет. Разумеется, что его возмутило заявление государственного департамента. Советский руководитель известил Рузвельта, что выступление Гарримана идет вразрез с ялтинскими договоренностями. «Нам нужны дружественные отношения с Польшей, — писал Сталин, — и мы настаиваем на этом». Тем самым подчеркивалась роль СССР в решении судеб государств, граничащих с Советским Союзом и освобождаемых советскими солдатами. В это время Красная Армия, преодолевая ожесточенное сопротивление вермахта, продвигалась по Германии. Сталин пишет в своем письме от 7 апреля 1945 г.: «Трудно согласиться с тем, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется только тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на

помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станицу Земляницу в Чехословакии, которая им нужна как мертвому припарки, но безо всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным».

Приход к власти после смерти Рузвельта в апреле 1945 г. Трумэна еще больше обострил отношения между СССР и союзниками. Г. Трумэн, став президентом, сразу же продемонстрировал жесткий подход к Советскому Союзу. В первые дни пребывания на посту он принимал в Белом доме наркома иностранных дел В.М. Молотова, прибывшего в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Не успел советский гость переступить порог, как президент с ходу «взял быка за рога» (по собственному выражению Трумэна). Поводом для резких упреков он избрал польский вопрос, обвинив советскую сторону в отсутствии прогресса в его решении. Из уст Трумэна прозвучала плохо скрытая угроза применить к СССР экономические санкции. Присутствовавший на встрече посол США в Москве У.А. Гарриман позднее вспоминал: «Я сожалел, что Трумэн так жестко подошел к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят».

На этот недружественный выпад нового американского лидера в ходе ожесточенных боев за Берлин Сталин дает свой твердый и последний ответ США и Великобритании по Польше. 25 апреля он обращается к новому президенту США: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции... Советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР, прежде всего и больше всего, заин-

тересован». Дипломатический торг закончился, Сталин создал целый пояс безопасности из социалистических государств вдоль западных границ СССР.

Неуступчивость советского руководства вызывает острую реакцию западных союзников. После посещения премьер-министра в мае 1945 г. личный представитель президента США Дж. Дэвис докладывал, что был «поражен резким изменением его (Черчилля. — *Прим. авт.*) отношения к Советам... Слушая, с какой яростью он говорит об угрозе распространения коммунизма в Европе... я думал о том, не собирается ли он, премьер-министр, теперь заявить перед всем миром, что он и Англия допустили ошибку, не поддержав Гитлера, ибо, насколько я его понял, он теперь проповедует ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и «разделять и властвовать» [3, с. 3].

Поясняя свою позицию, Черчилль указывал в телеграмме президенту США Трумэну от 12 мая 1945 г.: «У меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии». Как признавал позднее сам Черчилль, в первые дни мира в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага». Отныне, как он считал, дружба между Великобританией и Россией могла основываться «только на признании русскими англо-американской силы» [33, с. 574].

О сложностях взаимоотношений ведущих стран антигитлеровской коалиции свидетельствуют события с подписанием капитуляции фашистской Германии. Акту о военной капитуляции предшествовало подписание 7 мая 1945 г. в Реймсе предварительного протокола о капитуляции. Он был предложен назначенным Гитлером канцлером Германии К. Деницем. С немецкой стороны протокол подписал генерал Йодль; от лица

главного командования союзных экспедиционных сил в Европе — начальник штаба генерал У. Смит. В качестве свидетелей поставили свои подписи советский и французский представители при ставке Д. Эйзенхауэра — генерал-майоры И.А. Сулопаров и Ф. Севез.

Советское командование опасалось, что немцы воспользуются передышкой для перегруппировки сил. Поэтому оно настояло, что боевые действия должны были прекратиться в полночь 8 мая. После подписания протокола о капитуляции Йодля официально предупредили о личной ответственности за прибытие немецких командующих в Берлин в установленное советским главным командованием время для оформления официальной капитуляции перед советским правительством. Вторая церемония, по мнению Эйзенхауэра, должна была символизировать единство союзников по коалиции и оповестить немцев и весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми, а не только перед западными союзниками. По этой причине Йодлю было указано ничего не сообщать о первом подписании, пока не будет проведена вторая церемония. Однако какой-то американский репортер якобы по своей инициативе опубликовал свой репортаж раньше времени [34, с. 494–508].

Руководство британских союзников преследовало свои цели. Подписание протокола о капитуляции, помимо прекращения боевых действий в Европе, сохраняло, по его мнению, возможность не отводить войска западных держав в ранее согласованные зоны оккупации до тех пор, пока СССР не пойдет на уступки по ряду спорных вопросов. В своей телеграмме министру иностранных дел Великобритании Идену от 4 мая 1945 г. Черчилль указывал: «У нашей стороны есть несколько крупных козырей, которые могут нам помочь... Союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера русской оккупации Германии и условиями, которые будут установлены в русифицированных или контролируемых русскими странах» [35, с. 325].

Текст протокола о капитуляции, подписанный в Реймсе, не соответствовал документу, утвержденному на Крымской

конференции. Он был составлен несколькими американскими и английскими офицерами с согласия Черчилля, Эйзенхауэра, Смита и некоторых других должностных лиц. Формальным поводом для такой подмены послужило то, что подготовленный в Крыму документ предусматривал наличие в Германии правительства, правомочного подписать акт о капитуляции. Поскольку правительство Деница не признавалось союзниками, было поручено видоизменить документ «Безоговорочная капитуляция Германии» и представить его в виде декларации о поражении Германии [36].

Ознакомленное с текстом нового документа за сутки до его подписания, советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению огня, не стало возражать против него, но высказало при этом ряд пожеланий и поправок. Причем из-за недостатка времени эти предложения так и не были учтены. Кроме того, в подписанном документе было оговорено, что «этот акт о военной капитуляции не может осуществляться в ущерб любому общему документу о капитуляции, принятому объединенными государствами или от их имени в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом, и подлежит замене таким документом»¹. Она позволила СССР считать документ, подписанный в Реймсе, предварительным и настоять на подписании 8 мая в Берлине окончательного Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил. В нем дополнительно предусматривалось полное разоружение немецких войск, передача всего оружия и всего военного имущества местным союзным командующим или выделенным для этого офицерам; запрещалось причинять какие-либо повреждения судам, пароходам, самолетам, их двигателям, корпусам и оборудованию, а также машинам, вооружению, аппаратам и всем другим военно-техническим средствам ведения войны.

Уже 8 мая 1945 г. американский президент распорядился прекратить поставки по ленд-лизу для СССР, утверждая, что раз СССР не находится в состоянии войны с Японией, то закон запрещает оказывать такого рода экономическую помощь. Со-

¹ Погью Ф.С. Верховное командование. М., 1959. С. 498

ветской стороной подобное решение закономерно было расценено как необоснованное, репрессивное, идущее вразрез с союзническими обязательствами. И хотя после протеста Москвы американские власти возобновили поставки, становилось ясно, что на Западе явно активизировались сторонники политики с позиции силы в отношении СССР.

Еще в двадцатых числах мая 1945 г. советскому руководству стало известно о том, что англичане не только не разоружают немецкие войска, взятые в плен, но сохраняют их в полной боевой готовности. На одном из заседаний Контрольного совета по управлению Германией, в который входили представители СССР, США, Великобритании и Франции, советская сторона сделала резкое заявление по этому поводу, подчеркнув, что история знает мало примеров подобного вероломства и измены союзническим обязательствам. Британский представитель Монтомгери поначалу попытался отвести это обвинение, но спустя некоторое время вынужден был подтвердить факт получения такого указания от премьер-министра, бывшего одновременно и верховным главнокомандующим. Это соответствовало настроениям Черчилля. Еще идут тяжелые бои на берлинском направлении, а он сетует, что «Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира» и намечает меры по ее сдерживанию. Необходимо «немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения», причем «этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток». По личному признанию в мемуарах, в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага».

22 мая 1945 г. Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании подготовил по поручению Черчилля (время поручения — приблизительно середина апреля 1945 г.) план экстренной операции «Немыслимое». Мотивы этого задания вытекали из следующей оценки британским премьером военно-политической обстановки:

- «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

- в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;
- в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- в-шестых, Вена, по существу — вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»¹.

В плане сформулированы оценка обстановки, цели, направления ударов войск западных союзников против Красной Армии и вероятные результаты операции.

Разработчики операции руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

- операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а, следовательно, в условиях высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;
- Великобритания и США получают полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне. — *Прим. авт.*) и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;
- не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;
- иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;
- начало военных действий — 1 июля 1945 г.

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за преде-

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 3. М., 1991. С. 574.

лы Польши». Единственным надежным средством достижения цели объявлялась тотальная война и для этого необходимо:

- а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;
- б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», по мнению разработчиков, необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуется время и, во-первых, размещение и использование в Европе крупных ресурсов США, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

Разработчики сделали вывод, что:

- а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели необходим разгром России в тотальной войне;
- б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно — «чтобы ее выиграть, нам потребуется очень длительное время».

Из приложений к плану следовало, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

В Европе, говорится в докладе, силы Красной Армии сосредоточены преимущественно в центральной ее части. В ходе контрдействий вероятна оккупация ею Хорватии, Греции, Турции, блокада Черноморских проливов, а следовательно, и действия военно-морских сил союзников в Черном море.

На Среднем Востоке возникнет крайне опасная ситуация в Персии и Ираке. Почти наверняка Россия предпримет наступление в этом регионе с учетом возможности получения ценных нефтяных ресурсов и исключительного значения для нас этих районов. Примерно 11 советским дивизиям здесь противостоят 3 бригады наших войск. Практически этот район окажется беззащитным, а утрата его нефтяных источников будет крайне серьезной потерей. Сложности тылового обеспечения и обстановки в Центральной Европе не позволят русским в начальных стадиях конфликта развернуть наступление на Египет. Вместе с тем они будут стремиться организовать беспорядки во всех странах Среднего Востока.

В Индии со стороны России также будут предприняты попытки организации беспорядков, но ее военные действия в этом регионе маловероятны.

На Дальнем Востоке любое русско-японское соглашение высвободит японские силы для укрепления обороны метрополии или возобновления наступления в Китае. Война союзников против Японии, скорее всего, пойдет в тупик.

Из этого анализа следовал вывод, что главным театром военных действий будут Центральная Европа и важный для западных союзников район Персии и Ирака. В Европе наиболее предпочтительным являлось наступление в северо-восточной ее части, что давало возможность использовать морское преимущество союзников на Балтике, обеспечить левый фланг их армий и оказывать давление на правый фланг противника. Расчеты на успех связывались также с бомбардировками центров коммуникаций на территории СССР и тактическим использованием авиации.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин — Шнейдемюль-Быгдоц и ось Лейпциг — Коттбус — Познань — Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

«а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей.

б) Численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже

если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели»¹.

План был представлен на рассмотрение Комитета начальников штабов, который 8 июня 1945 г. дал свое заключение, подписанное начальником имперского генерального штаба фельдмаршалом Бруком и начальниками штабов ВМС и ВВС. В нем были рассмотрены потенциальные возможности Великобритании по оказанию давления на Россию путем угрозы или применения силы. Заключение содержало данные по соотношению сил в предполагаемом вооруженном столкновении с советскими вооруженными силами.

Сухопутные войска русских дивизий отличались по своему составу от дивизий союзников. Поэтому русские дивизии были пересчитаны на их британский эквивалент. Оценка общего соотношения сил в Европе по состоянию на 1 июля 1945 г. была следующей. Союзники располагают: США — 64 дивизии; Великобритания и доминионы — 36 дивизий; Польша — 4 дивизии (всего — 104 дивизии). У Красной Армии имеются 264 дивизии (в том числе 36 танковых).

Военно-воздушные силы союзников насчитывают 6045 самолетов тактической авиации, 2750 самолетов; Красная Армия — 11 802 самолета, 960 самолетов тактической авиации. Превосходство в численности русской авиации будет в течение определенного времени компенсироваться значительным превосходством союзников в ее управлении и эффективности, особенно стратегической авиации. Однако после определенного периода операций воздушные силы союзников будут серьезно ослаблены из-за нехватки самолетов и экипажей.

Военно-морские силы: союзники, безусловно, могут обеспечить доминирующее превосходство своих сил на море.

Из соотношения сухопутных сил сторон, говорится в заключении, ясно, что союзники не располагают возможностями наступления с целью достижения быстрого успеха. Учитывая, однако, что русские и союзные сухопутные войска соприкасаются от Балтики до Средиземного моря, англо-американское военное командование должно быть готово к операциям на

¹ Public Records Office. Cab 1201691, 55911. P. 1–29.

сухопутном театре. Поэтому, если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет невозможно и союзники окажутся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил. Более того, превосходство этих сил может непомерно возрасти, если возрастет усталость и безразличие американцев или расширится их участие в войне на Тихом океане¹.

Реакцией Черчилля на ответ начальников штабов было новое задание — подготовить план обороны Британских островов на случай, если американцы отведут свои войска или отправят свои силы обратно в Соединенные Штаты.

Приход к власти в США Трумэна и обострившийся антисоветизм Черчилля способствовали ускорению пересмотра политики Соединенных Штатов и Великобритании в отношении Советского Союза. В документе Комитета начальников штабов, подготовленном для американской делегации на Берлинской конференции, говорилось: «В случае конфликта между Англией и СССР... мы сможем успешно защитить Англию, однако мы не сможем нанести поражение России. Другими словами, мы окажемся в войне, которую не сможем выиграть». Британские союзники также исходили из вероятности ближайшего военного столкновения с СССР. Английский фельдмаршал Аланбрук отметил в своем дневнике 24 мая 1945 г.: «Сегодня вечером я внимательно просмотрел доклад о возможности открытия военных действий против России, если в ходе дальнейших переговоров с ней возникнут осложнения. Нам было поручено провести такое исследование». Выводы, сделанные фельдмаршалом после прочтения доклада, были неутешительными: «Эта идея, несомненно, фантастическая, и она не имеет никаких шансов на успех. Не подлежит сомнению, что отныне Россия стала самой могущественной державой Европы» [3, с. 359].

С такими исходными позициями участники антигитлеровской коалиции открыли Потсдамскую конференцию. Перед ними стояла задача политически закрепить результаты победы союзников над фашистской Германией, решить главные про-

¹ *Ржещевский* О.А. Антигитлеровская коалиция: как зарождалась холодная война. М., 2005. С. 525–527; Daily Telegraph. 1998. 1 Oct.

блемы послевоенного урегулирования, выработать программу справедливого и прочного мира в Европе. К началу ее работы усилились противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и СССР — с другой, что осложняло взаимоотношения между союзными державами. Однако правительства западных государств были вынуждены считаться с ростом международного авторитета СССР и наличием общего противника в лице милитаристской Японии [3, С. 475–477].

На конференции была конкретизирована компетенция Контрольного совета в Германии, призванного осуществлять верховную власть четырех союзных держав (СССР, США, Великобритании и Франции) в период выполнения Германией основных требований Акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии 1945 г., Декларации о поражении Германии, а также решений Берлинской (Потсдамской) конференции. Был учрежден Совет министров иностранных дел. На него конференция возложила подготовку мирных договоров с Италией, Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией [3, с. 478, 482–483].

В ходе конференции президент Трумэн сообщил Сталину об испытании в США атомной бомбы и намерении ее применить против Японии. Тем самым недвусмысленно говорилось о монополии на боеспособное атомное оружие и готовности использовать его. Ожидаемого психологического успеха достичь не удалось, так как Сталин знал о состоянии разработки атомной бомбы союзниками. Несколько сказанных слов лишь ускорили многолетнюю гонку атомных и ядерных вооружений.

Еще задолго до Второй мировой войны к ядерным процессам было приковано внимание мировой науки. Но до конца 30-х гг. это были открытые научные дискуссии. Ученые разных стран делились своим опытом и достижениями в общедоступных научных журналах. Исследования показывали, что ядерная энергия намного превосходит химическую, что ее энергетические возможности колоссальны. Но физики в начале 1930-х гг. не обратили внимания на то, что при распаде ядра должно выделяться огромное количество энергии.

В СССР передовым центром ядерных исследований стал Ленинградский физико-технический институт (ЛФТИ), возглавля-

емый А. Ф. Иоффе. В декабре 1932 г. в ЛФТИ была создана «особая группа по ядру». С этого момента ЛФТИ превращается в центр советской ядерной физики и остается им вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако все эти важные сами по себе исследования и открытия в разных странах были недостаточно конкретны, во многом аморфны, формулировались абстрактно. Положение резко изменилось в 1939 г. На основании работ немецких и французских ученых возникли реальные предпосылки использования ядерной энергии через цепную реакцию деления, в ходе которой выделяется огромная энергия.

С началом Второй мировой войны, и особенно после поражения Франции, все публикации в открытой печати о возможности создания «супербомбы» были прекращены. Воюющие стороны серьезно задумались над этой проблемой. И особенно в Великобритании, оставшейся, по существу, один на один с Германией, научный потенциал которой был весьма высок. В США наличие колоссальных материальных возможностей страны и сосредоточение эмигрировавших из Европы антифашистски настроенных ученых-физиков, одержимых идеей успеть раньше Гитлера овладеть секретом сверхмощного оружия, обеспечили привлечение американского руководства к проблеме «супербомбы».

Поражение и капитуляция Франции в мае-июне 1940 г., выход вермахта к берегам Ла-Манша поставили Великобританию на грань катастрофы. Ей ничего не оставалось кроме поисков любых средств и способов обеспечить выживание своей нации как суверенного государства. В этих условиях решено было незамедлительно приступить и к разработке целого комплекса мер для начала движения к одной цели — производству атомной бомбы. Была разработана концепция проекта атомной бомбы под кодовым названием «Тьюб Эллойз» [37]. Значение нового оружия в Лондоне было осознано полностью.

В США к тому времени была пройдена очень важная фаза приобщения государственной власти к организации исследований по ядерной физике. Главная инициатива в этом принадлежала венгерскому физико-эмигранту Лео Сцилларду. Летом 1939 г., натолкнувшись на пассивность военных чиновников, он предложил Эйнштейну написать послание президенту Ф. Руз-

вельту. Этот документ стал обоснованием для развертывания американского атомного проекта.

27 июня 1940 г. Рузвельт назначает В. Буша, президента Института Карнеги, руководителем всей правительственной программы научно-исследовательских работ в целях обороны. Атомная проблема переходила в компетенцию Национального комитета по научным исследованиям в целях обороны (НКНС) во главе с Бушем. На первых порах без осложнений налаживались связи с Великобританией. Но сосредоточение основных сил и средств на решении повседневных обширных задач обороны Соединенных Штатов делало невозможной организацию крупномасштабных работ по созданию атомной бомбы. Потребовалось организовать британо-американское взаимодействие в этом вопросе.

8 июля 1940 г. британский посол в США в письме Рузвельту уведомил его о готовности своего правительства поделиться с американцами военными секретами. В Вашингтоне и Лондоне учреждают специальные представительства обеих сторон в целях обмена научно-технической информацией, имеющей оборонное значение. А в июне 1941 г. американцы получают копию секретного «Доклада подкомиссии Томсона об использовании урана для производства атомной бомбы». Знакомство с этим докладом сокращает американцам поисковую стадию работ по атомной бомбе. Гитлеровская агрессия против СССР резко ускоряет их ход. Решено действовать, не упуская ни одного дня. Темп и ритм подготовительных мероприятий возрастают многократно. В июне 1941 г. было образовано Управление по руководству научно-исследовательской деятельностью с большими правами и полномочиями. Все основные решения «атомного дела» были приняты на чрезвычайно важной встрече у американского президента 9 октября 1941 г.

7 декабря 1941 г. ударом японской авиации по военно-морской базе США в Перл-Харборе началась война на Тихом океане. Америка вступила во Вторую мировую войну. В тот же день в старой радиационной лаборатории Лоуренса в Беркли (Калифорния) был получен уран-235, необходимый для производства атомной бомбы. В марте 1942 г. Буш уже смог проинформировать президента о том, что все данные и эксперименты показали — бомбу

они создадут в 1944 г., а ее мощь превзойдет все произведенные расчеты. Период раскачки закончился. Началась, по выражению Буша, «гонка в целях реализации». Руководствуясь исключительно интересами дела, он предложил возложить практическое завершение проекта на сухопутные войска и военное министерство с их мощным корпусом инженерных войск. Осенью 1942 г. такое решение было принято президентом.

Так родилась организация, неизвестная до той поры в истории США и по размаху своей деятельности, и по финансовым возможностям. Она подчинялась только президенту. Конгресс даже не был поставлен в известность о ее существовании. В сентябре 1942 г. обязанности непосредственного руководителя этой грандиозной программы, поглощавшей огромную часть национальных интеллектуальных, технических, финансовых и прочих ресурсов, были возложены на энергичного строителя Пентагона полковника инженерных войск Л. Гровса.

Было дано кодовое название новому гигантскому предприятию, разместившему свои производственные и научные центры в 19 штатах США и в Канаде, — «Манхэттенский инженерный проект». Весной 1943 г. административная структура управления окончательно сложилась. Ее возглавил военный министр. Создание стройной организационной структуры проекта, обеспечивающей тесное взаимодействие науки и производства; щедрое финансирование и, наконец, выдвижение на первые роли талантливых, энергичных и честолюбивых руководителей — все это дало незамедлительный эффект.

«Манхэттенский проект» был задуман с размахом. Химическая корпорация «Юнион карбайд», которая издавна поставляла военному ведомству взрывчатые вещества, занялась строительством завода по обогащению урана-235. В долине реки Теннесси возник город Ок-Ридж для строительства промышленных реакторов с 80 тыс. жителей. Экспериментальной базой для завода в Ок-Ридже служила физическая лаборатория Калифорнийского университета в Беркли. Другой засекреченный город — Хэнфорд — с 60 тыс. жителей вырос в бесплодной пустыне на южном берегу реки Колумбия. В Лос-Аламосе (штат Нью-Мексико) создается секретный научный центр. Теоретические исследования и эксперименты, связанные с «Манхэттен-

ским проектом», велись в металлургической лаборатории в Чикаго, а также в университетах Гарварда, Принстона и Беркли. К работе над проектом подключаются инженерно-технические службы армии, флота, авиации. Все работы производились в обстановке строжайшей секретности. Как вспоминал впоследствии генерал Гровс, сохранение тайны сводилось «к трем основным задачам: предотвратить попадание к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полной неожиданностью для противника; и, насколько возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов» [47, с. 102].

Весной 1945 г. атомная бомба, вернее ее образец, который следовало испытать, была практически готова. 10 мая 1945 г. в Пентагоне собрался комитет по выбору целей для атомной бомбардировки. Члены комитета сошлись на том, что для этой цели лучше всего подходят крупные населенные пункты, не пострадавшие от налетов. По их рекомендации командующему 20-й воздушной армией генералу К. Лимэю было приказано исключить из графика обычных массированных бомбардировок четыре японских города. В этом списке, вызывавшем недоумение американских летчиков, значились Хиросима, Кокура, Ниигата и Нагасаки. Их «берегли» для атомного удара.

31 мая 1945 г. в Пентагоне собрался Временный комитет по проблемам атомного оружия. В нем преобладали военные и политики. Представители Пентагона настаивали на необходимости пустить атомные бомбы в ход, ссылаясь на большие потери, которые американские войска вот уже второй месяц несли в кровопролитных боях на Окинаве. (Всего там погибло около 13 тыс. американцев.) После бурной дискуссии Временный комитет приходит к следующему выводу: атомное оружие следует применить против Японии без предварительного предупреждения, как можно скорее и против таких целей, которые наиболее наглядно покажут его разрушительную силу. Через три недели правительство США принимает решение сбросить на Японию атомные бомбы. 16 июля 1945 г. на испытательном полигоне в штате Нью-Мексико успешно взорвана американская атомная бомба.

Советский Союз не располагал таким техническим потенциалом, как США и Великобритания. Он вел кровопролитную и разрушительную войну с фашистской Германией и ее союзниками. Партнеры же СССР по антигитлеровской коалиции никак не хотели делиться своими достижениями в области самого передового оружия. Этот ключевой вопрос в обороне страны Советскому Союзу предстояло решать в одиночку.

У Советского Союза к началу Второй мировой войны тоже были впечатляющие достижения в области ядерной физики. В середине 1939 г. советские физики Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович производят расчет цепной реакции деления урана и приходят к заключению, что в чистом изотопе урана-235 можно получить взрывную реакцию. В 1940 г. Н. Флеров и К.А. Петржак открывают явление самопроизвольного деления урана. Академия наук СССР поставила проблему «Атомное ядро, его свойства, строение и использование ядерных реакций» еще в конце 1938 г. на первое место среди всех работ по физике. 30 июля 1940 г. Президиум АН СССР принимает постановление о создании комиссии по проблеме урана. В ноябре 1940 г. в Москве состоялось очередное ежегодное Всесоюзное совещание по физике атомного ядра. Оно было последним накануне войны и последним, где деление урана обсуждалось открыто. Выступая с докладом и говоря о принципиальной возможности осуществления цепной реакции, И.В. Курчатов произносит пророческие слова: «Цепь возможна и жизненна»¹.

Тогда, в последний предвоенный год, широко развернулась работа по сооружению циклотрона для исследования цепной реакции. Его строительство велось под руководством И.В. Курчатова и А.И. Алиханова [38]. Сообщение о монтаже циклотрона опубликовала газета «Правда» 22 июня 1941 г. В этот день началась война. Физики же вели работу на флотах по размагничиванию кораблей, чтобы снизить наши потери от фашистских магнитных мин. Многие будущие участники атомной эпопеи с оружием в руках отстаивали честь и независимость Родины.

Еще в 1940 г. комиссия Академии наук по изучению проблемы атомной энергии рекомендовала правительственным

¹ Правда. 1988. 12 янв.

и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Начальник научно-технической разведки Народного комиссариата внутренних дел направил соответствующую ориентировку резидентурам в Скандинавии, Германии, Англии и США. В их задачу входил сбор всей информации по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы. Над этой проблемой работала и «кембриджская пятерка»: Маклин, Филби, Берджес, Кернкросс и Блантом. Уже с сентября 1941 г. в Москве знали об английском атомном проекте «Тьюб Эллойз». С апреля 1942 г. в Государственный комитет обороны СССР стали поступать сведения, наводившие на мысль, что фашисты тоже ведут работы по созданию нового, очень мощного — атомного — оружия. К тому времени было уже известно, что и в США ведут подобную, с такой же целью, работу и что она окружена чрезвычайной секретностью. В августе 1942 г. Флеров в письме на имя Сталина высказал беспокойство о возможном ведении работ по созданию атомного оружия за рубежом и настаивал на возобновлении работ по делению урана¹. Весной 1942 г. поступило еще и письмо от уполномоченного Государственного Комитета Оборона (ГКО) по науке С.В. Кафтанова с такой же информацией, но относящейся сугубо к Германии. Поводом для него стала тетрадь убитого немецкого офицера с расчетами, явно касавшимися создания ядерного оружия.

Имевшиеся к этому времени в Кремле разведывательные данные уже показывали, какое значение придается и союзниками, и противником ядерным исследованиям. Осенью 1942 г. в Москву, в ГКО, были вызваны из эвакуации академики А.Ф. Иоффе, В.И. Вернадский, В.Г. Хлопин и П.Л. Капица. Им предстояло ответить на вопрос, следует ли незамедлительно возобновить работы по делению урана. Непросто, нелегко было ответить на такой вопрос в самый разгар войны, когда немцы были еще сильны и для нас очевидного перелома к лучшему еще не наступило. Ученые, однако, высказались за начало работ. А 2 декабря 1942 г. в 15 часов 25 минут по чикагскому времени Энрико Ферми впервые в мире осуществил цепную реакцию

¹ Цит. по: Московские новости. 1988. № 16.

деления урана в реакторе, построенном им в США. Тем самым был открыт путь к созданию атомной бомбы.

Когда советские войска перешли в наступление под Сталинградом, ГКО принял окончательное решение о начале работ по «урановому проекту»¹. В конце 1942 г. по указанию Сталина состоялось специальное заседание ГКО. На заседании по предложению академиков А.Ф. Иоффе и П.Л. Капица руководителем проекта был назначен И.В. Курчатов. Сталин не поддержал предположение Иоффе о том, что для реализации такой задачи необходимо самое малое 10 лет. Он заявил о готовности руководства пойти на все, чтобы работа шла более высокими темпами.

В феврале 1943 г. было подписано распоряжение по Академии наук СССР о создании в академии лаборатории № 2 под руководством И.В. Курчатова [39]. 12 апреля 1943 г. был образован атомный научный центр Советского Союза — Институт атомной энергии. Естественно, что работам по атомной энергии придавалось военно-стратегическое значение, и основной задачей было создание атомного оружия. Курчатов с небольшой группой физиков составили план решения задачи. В самые короткие сроки было признано наиболее целесообразным создание уран-графитового реактора для производства на нем плутония — материала для заряда атомной бомбы. Это оказалось самым верным путем, заслугой отечественных ученых, установивших наиболее надежный метод достижения максимального результата в кратчайшее время. Если бы сегодня заложить в компьютер условия, при которых разворачивались работы над советской атомной бомбой в сравнении с условиями этих работ в Лос-Аламосе, а еще в немецких институтах, занимавшихся «урановым проектом», то компьютер дал бы ответ: «Нет, при таких условиях этих результатов добиться было нельзя». А ведь добились!

Неудовлетворенные темпом работ, в мае 1945-го в записке к Сталину Курчатов с заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Первухиным предлагали форсировать научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

¹ Правда. 1988. 12 янв.

*Игорь Васильевич
Курчатов*

как основу создания предприятий атомной промышленности. И не зря торопились. Американцы-то как раз форсировали свой «Манхэттенский проект»: 200 тыс. научных сотрудников и вспомогательного персонала, лучшее по тому времени оборудование и идеальные бытовые условия. И когда в 5 часов 30 минут ночи с 15 на 16 июля 1945 г. в США было проведено первое испытание атомной бомбы, у Советского Союза оставался один выход: создать ядерное оружие, и как можно быстрее. На запрос правительства Курчатов ответил, что советское атомное оружие будет создано за пять лет.

Положение кардинально изменилось после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. 20 августа 1945 г. Государственный Комитет Оборона СССР постановил образовать Специальный комитет, которому предписывалось сосредоточить все усилия и ресурсы на создании атомного оружия. Наиболее трудоемким было строительство «объектов» для добычи и переработки урана, производства плутония, конструирования и серийного производства атомных бомб. Его председателем был назначен Л.П. Берия, возглавлявший тогда НКВД и одновременно занимавший пост заместителя

Председателя Совета Народных Комиссаров. Тем же постановлением Государственного Комитета Оборона для непосредственного руководства атомным проектом было учреждено Первое главное управление (ПГУ) при СНК. Начальником ПГУ был назначен Б.Л. Ванников, Курчатов стал его заместителем по научному руководству всей атомной программой в целом. К работе привлекались академические, отраслевые и военные институты, конструкторские бюро и строительные организации. В кратчайшие сроки решались сложные научные и инженерные задачи. Росли безымянные новые города — «атомграды». Личные качества Курчатова были одной из решающих причин успеха дела [38].

К Курчатову идут за критической оценкой, за помощью и советом. А работа шла гигантская, и при этом в совершенно неведомой области, шла часто методом проб и ошибок. Немцы, например, опрометчиво отвергли графит как замедлитель потока нейтронов, сделали ставку на тяжелую воду и проиграли. Американцы, используя опыт ученых всей Европы, волею судеб оказавшихся в США в военные годы, тоже испытывали огромные трудности. И это в богатой стране, сто лет вообще не знавшей войны, да еще на своей территории. И совсем другое дело СССР — Россия, еще только возрождавшаяся из пепла после небывалой в мировой истории разрушительной войны. А надо во что бы то ни стало решать задачу. В кратчайший срок дать ответ американскому вызову. Нужны средства. Деньги, много денег, электроэнергия в огромных количествах и дефицитные материалы. И все это нужно объяснить начальникам, часто не очень-то понимающим, для чего это все нужно.

Главным лозунгом стало: «Темпы, темпы и еще раз темпы!» Так, вернувшись из Берлина после Потсдамской конференции, Сталин вызвал Курчатова и спросил его, почему тот так немного требует для максимального ускорения работ. Курчатов ответил: «Столько разрушено, столько людей погибло. Страна сидит на голодном пайке, всего не хватает». Сталин раздраженно сказал: «Дитя не плачет — мать не разумеет, что ему нужно. Просите все, что угодно. Отказа не будет» [40]. А нужно было много. Еще в 1943 г. Курчатов и Первухин доложили

правительству о необходимости срочно организовать геологическую разведку и добычу урана в большом количестве. Было принято решение о поиске в стране новых его месторождений. Было подсчитано, что для работы первого небольшого экспериментального реактора потребуется 45 т чистого урана и около 500 т чистейшего графита. Такого количества материалов в готовом виде не было. Предстояло налаживать их производство. И не только получать необходимый металлический уран из руды, но и разработать технологии очистки его от примесей, контроля чистоты урана и графита на особом, невиданном до того уровне. При этом урана требовалось гораздо больше, чем добывалось его в отдельных, еще довоенных допотопных рудниках. И тут великую службу сослужили фундаментальные идеи В.И. Вернадского о геологии урана. Он и его ученики получили металлургический уран из руды. И эта технология была освоена производством.

Надо еще было иметь сверхчистый графит — в тысячу раз чище, чем тогда его имели в СССР. Не было даже методов измерения такой степени чистоты. Их разработали тогда же. Трудно разворачивались эти работы. Найденный уран залегал в труднодоступных горных районах — практически никаких подъездов и дорог. С гор по тропам спускались вереницы ишаков с огромными сумками через спины наперевес, а в них — добытая урановая руда. Пригодна ли она для дела — никто не знал. И тем не менее задача добычи урана в необходимых количествах, а затем разработки технологии получения как чистого урана, так и сверхчистого графита была решена менее чем за год.

Решающим для Курчатова и лаборатории стал 1946 г. — время осуществления цепной ядерной реакции на уран-графитовом экспериментальном реакторе, который начали возводить на территории лаборатории № 2 еще весной. Работы шли широким фронтом одновременно по многим направлениям, с огромным риском, когда, например, после эксперимента с микроскопическим количеством плутония принимается порой решение и разворачивается промышленная технология с миллиардными затратами. Темпы и напряженность всех работ — на пределе человеческих возможностей. И вот 25 декабря 1946 г. в 18 часов по московскому времени цепная ядерная

реакция в нашей стране стала явью. Первый исследовательский реактор заработал. Одновременно с сооружением первого реактора в Москве велось проектирование и строительство промышленного реактора.

1.3. Война с Японией

Война с Японией была ключевым моментом в сохранении единства антигитлеровской коалиции весной 1945 г. Поэтому еще на Крымской конференции было подписано следующее соглашение:

«Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

Сохранения status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

b) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Марша-

ла И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств трех великих держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с национальным китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И. Сталин
Ф. Рузвельт
Уинстон С. Черчилль
1945 г., 11 февраля»
[41, с. 22–23].

Во исполнение своих обязательств уже в ходе конференции в Потсдаме начальник советского генерального штаба А.И. Антонов назвал наиболее вероятным сроком вступления Советского Союза в войну против Японии середину августа 1945 г. В ответ 16 июля 1945 г. в США было проведено первое испытание атомной бомбы. А уже 6 августа была сброшена атомная бомба на японский город Хиросима и 9 августа — на Нагасаки. Ускорение боевого использования атомного оружия было вызвано требованием американского президента Трумэна. По мнению американского руководства, один, а лучше два атомных удара вынудят Японию капитулировать до того, как советские войска начнут запланированное на середину августа наступление в Маньчжурии, Корею, на Сахалине и Курильских островах [15, с. 7].

На Берлинской конференции выявилось стремление американского руководства отстранить СССР от участия в победе над Японией. С приходом Трумэна к власти стали пользоваться все большим влиянием антисоветски настроенные политики и военные. Еще после Крымской конференции генерал Макартур писал: «Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления (СССР. — Прим. авт.) в войну против Японии и Маньчжурии, а значит, наше внимание должна занимать судьба северных

и приморских районов Китая» [42, с. 298]. 26 июля 1945 г. была опубликована сепаратная Потсдамская декларация с условиями капитуляции Японии перед США, Великобританией и Китаем. Советская делегация в Потсдаме получила копию декларации лишь в день подписания. Просьба советских представителей о переносе срока ее опубликования была отклонена. В качестве оправдания был выдвинут тезис о том, что СССР не находится в состоянии войны с Японией [42, с. 302–303].

После капитуляции Японии на территории Китая фактически существовали два режима, имевшие свои вооруженные силы в районах, контролировавшихся Гоминьданом во главе с Чан Кайши, и в освобожденных районах, находившихся под руководством Коммунистической партии Китая (КПК). Соединенные Штаты встали на путь открытой односторонней помощи Гоминьдану [25. Т. II, с. 406, 407]. Советский Союз ориентировался на КПК и демократические силы, выступавшие против любого иностранного вмешательства в дела Китая. Практически все оружие и боевая техника капитулировавшей Квантунской группировки войск были переданы командованию Объединенной демократической армии (ОДА) Северо-Восточного Китая. Об этом наглядно свидетельствует приказ главнокомандующего вооруженными силами освобожденных районов Китая от 10 августа 1945 г.:

«Яньань. Агентство «Синьхуа». Главный штаб в Яньани издал следующий приказ: Приказ Главного штаба в Яньани.

Япония уже объявила о безоговорочной капитуляции. Союзные державы, основываясь на Потсдамской декларации, обсудили условия капитуляции. Исходя из этого, я направляю специальный приказ вооруженным силам освобожденных районов:

Все вооруженные антияпонские части освобожденных районов, основываясь на Потсдамской декларации, должны выработать и направить вражеской армии и ее командованию, занимающим важные пункты коммуникации, ультиматум с предложением сдать в определенный срок оружие нашим частям, находящимся вблизи их расположения. После сдачи оружия наша армия гарантирует на основе конвенции о военнопленных безопасность жизни военнопленных.

Все вооруженные антияпонские части освобожденных районов должны направить находящимся вблизи от них частям маршротной армии и властям требование переформирования их частей после подписания условий капитуляции. В случае задержки необходимо полностью разоружить эти части.

Если японские и марионеточные вооруженные части будут отказываться от сдачи оружия, то антияпонским вооруженным силам надлежит их решительно уничтожать.

4. Наша армия имеет полное право принимать от японских и марионеточных войск все важные коммуникационные пункты, занимать эти районы и осуществлять военное управление, поддерживать порядок, назначать специальных представителей, ответственных за административное управление данным районом. Если кто-либо будет оказывать сопротивление этому, расценивать таких людей как предателей»¹.

Благодаря этим и другим мерам воинские формирования КПК перешли к организации регулярной армии и значительно выросли в количественном и качественном отношении [26].

1.4. Новая военная и внешнеэкономическая политика США

С приходом к власти Трумэна в американской администрации усилились сторонники жесткой политики в отношении Советского Союза. Еще 19 мая 1945 г. за два месяца до Берлинской (Потсдамской) конференции заместитель государственного секретаря США Д. Грю писал: «Если что-либо может быть вполне определенным в этом мире, так это будущая война между СССР и США» [43, с. 103]. А 19 сентября 1945 г., всего через две недели после подписания Акта о капитуляции Японии, Комитет начальников штабов (КНШ) вооруженных сил Соединенных Штатов издал документ под названием «Основы для формулирования военной политики США».

¹ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. С. 582–583.

В документе КНШ, в частности, указывалось на необходимость сохранять «подавляюще мощные вооруженные силы во время мира», которые были бы в состоянии сделать «неразумным для любой крупной агрессивной нации начать большую войну вопреки воле США». Не «напасть на США», а «вопреки воле США». Это была заявка на роль военного гегемона в мирное время, после разрушительной мировой войны, когда Европейская часть СССР и большая часть Европы находились в руинах. «Наше правительство, — говорилось далее в документе, — ...должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществлять все приготовления для того, чтобы нанести первый удар» [44, с. 162].

В развитие «Основ для формулирования военной политики США» в ноябре 1945 г. было подготовлено исследование, названное «Стратегическая уязвимость России для ограниченного воздушного нападения». Авторы документа анализировали возможности превентивного ядерного удара по СССР, если «Советский Союз или начал агрессию (в Европе или Азии), или появились явные признаки того, что возможна агрессия против Соединенных Штатов» [45]. Причем рекомендовалось нанести ядерный удар не только в случае явной угрозы «красной агрессии», но также и в том случае, если создастся впечатление, что СССР в конце концов обретет потенциал либо для нападения, либо для отражения нападения американских вооруженных сил¹. Тем самым формулировалось положение о превентивном ударе, который должен наноситься по противнику, не готовому к ведению военных действий.

О какой агрессии Советского Союза можно было говорить в 1945 г., когда страна ускоренно сокращала свои вооруженные силы (к 1948 г. они уменьшились с 11,3 млн до 2,8 млн человек) и приступила к восстановлению более 7 тыс. городов и населенных пунктов, разрушенных в ходе войны. Не было у советских вооруженных сил для проведения океанской десантной операции против континентальной части США и межконтинентальных средств поражения. Но СССР располагал сильнейшей

¹ См.: Известия. 1987. 28 июня.

сухопутной армией мира, способной в считанные дни (в случае агрессии США) овладеть странами — союзниками США в Западной Европе. Еще в сентябре 1945 г. в ходе встречи американского генерала Эйзенхауэра и британского фельдмаршала Б. Монтгомери стороны пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники будут не в силах ее остановить [46, с. 270–271].

Основным средством отражения этой опасности военно-политическое руководство США видело использование своей монополии на атомное оружие и средства его доставки. Исходя из опыта атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, ставку в планируемой войне делали на атомные бомбы, носителями которых должны были стать стратегические бомбардировщики, базирующиеся по периметру Советского Союза. Для этого 3 ноября 1945 г. в докладе руководству Пентагона предлагалось отобрать «приблизительно двадцать целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории»¹. При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, имея в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией людских и материальных ресурсов. Использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети, по мнению авторов доклада, было нерационально. Следовательно, наиболее выгодными целями в условиях ограниченного запаса атомных бомб становились мирное население, города в глубоком тылу противника и его промышленный потенциал. «Двадцать наиболее выгодных целей для атомных бомб, — уточнялось в докладе, — представляют собой индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата. Этот подбор обеспечит максимальное использование возможностей атомного оружия» [47, с. 113–114].

Через год после окончания Второй мировой войны, в сентябре 1946 г., в США был разработан документ «Американская политика в отношении Советского Союза». В нем, в частности, говорилось: «Надо указать Советскому правительству, что мы

¹ См.: Правда. 1983. 12 дек.

располагаем достаточной мощью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения» [48, с. 295]. При таких намерениях американского политического руководства в условиях, когда СССР располагал исчерпывающей информацией о наращивании американского атомного потенциала, гонка атомных вооружений была обеспечена.

Первым шагом к экономическому обеспечению американского главенства в мире стала Бреттон-Вудская валютная система. Она получила название по городу в штате Коннектикут (США), где была принята на специальной международной конференции в 1944 г. На ней было решено, что в основу системы будут заложены требования устойчивости национальной валюты и ее конвертируемости, а также привязки любой валюты либо к золоту, либо к валюте, уже следующей золотовалютному стандарту. Конвертируемость обеспечивала беспрепятственный обмен и проведение многосторонних расчетов по текущим внешнеторговым операциям, а стабильность — привязку к золоту или другим валютам. Фактически основной мировой валютой для межгосударственных финансовых операций принимался доллар США. Бреттон-Вудское соглашение предусматривало организацию Международного валютного фонда (МВФ), в официальные функции которого входила помощь странам — участникам соглашения, попавшим в затруднительное положение. Соглашение вводило золотой стандарт, когда все валюты имели определенное содержание металла. Были ликвидированы свободная чеканка золотых монет и внутреннее их обращение. Конвертируемость в золото допускалась лишь в исключительных случаях, поэтому центральный банк государства должен хранить у себя иностранную валюту в резервах для поддержания курса своей валюты. Основные мировые запасы золота (2/3) были в США, американская экономика была самой

мощной, поэтому доллар стал главной мировой валютой. США, став основным банкиром, могли проводить эмиссию долларов, а взамен получать любые ресурсы и товары. Несмотря на то что золото сохранило мировую ценность, только США имели право разменивать через доллар любую валюту на золото.

Золотой стандарт ввели только США (1 тройская унция была приравнена к 36 долларам), поскольку к концу войны основной мировой запас золота перекочевал в США. Для наблюдения за устойчивостью валют и был создан Международный валютный фонд. Процесс возвращения к конвертируемости валют и снятия различных ограничений на экспортно-импортные расчеты завершился в европейских странах лишь к концу 1950 г.

Американское руководство в интересах дальнейшего закрепления своего влияния в экономике Европы реализовало «план Маршалла» (англ. Marshall Plan, официальное название European Recovery Program — «Программа восстановления Европы»). В его основе лежал доклад специальной группы планирования политики во главе с Дж. Кеннаном, которой была поставлена задача найти путь укрепления американского влияния в западноевропейских странах. Доклад группы «Некоторые аспекты проблем европейского восстановления с точки зрения США» был представлен тогдашнему государственному секретарю США Маршаллу 25 мая 1947 г. Доклад группы планирования политики предусматривал экономическое восстановление Западной Германии. Но чтобы помощь вчерашнему врагу не вызвала сопротивления со стороны общественности Соединенных Штатов, требовалось оказать содействие и другим западноевропейским странам, которые должны были выдвинуть программы собственного экономического восстановления и развития (предоставив США полный отчет о текущем состоянии своей экономики). Америка бралась финансировать все «предприятие».

В докладе Кенанна проводилась мысль, что бороться с Россией надо укрепляя Западную Европу. Именно на эту тему госсекретарь Маршалл решил выступить в Гарварде 5 июня. В его выступлении давалось идеологическое обоснование американских притязаний на мировой контроль, которое опиралось на старую как мир политическую фигуру. Следовало найти антагониста и представить его виновником мировой напряженно-

Джордж Маршалл

сти, а собственный диктат представить как вынужденный или как благожелательное покровительство. Главный рычаг воздействия — экономический, помощь предоставлялась безвозмездно и в большом объеме. Довольно быстро к 23 мая 1947 г. был подготовлен документ, соответствующий поставленным в речи задачам. Это и явилось основой «плана Маршалла».

Официально «план Маршалла» был направлен на экономическую реабилитацию Европы. Десять лет экономического кризиса перед Второй мировой войной и пять лет войны поставили западноевропейскую экономику на грань краха. Ощущение кризиса перед возможными последствиями четко выразил британский политик Макмиллан, ставший впоследствии премьер-министром Великобритании. «Было очевидно, — писал он, — что структура капиталистического общества в его старой форме развалилась, и не только в Великобритании, но и по всей Европе... Образовалось что-то похожее на революционную ситуацию» [49, с. 25].

Вскоре после выступления Маршалла в Гарвардском университете министр иностранных дел В.М. Молотов послал в ЦК ВКП(б) записку с предложением присоединиться к американ-

Джордж Кеннан

скому плану. Советский Союз, стараясь сохранить хотя бы минимальный шанс на предотвращение раскола Европы, отправил в июне 1947 г. делегацию из 83 лучших советских специалистов в Париж на конференцию, куда американцы пригласили потенциальных получателей помощи. Судьба «плана Маршалла» оказалась под вопросом. По данным советской разведки, восточная зона оккупации в Германии, в отличие от трех западных, никогда не получит американской экономической помощи. Получатели и не получатели помощи образовывали истинный барьер размежевания в Европе. Советский Союз выступал против двух требований американцев, а именно: объединение европейских ресурсов, при котором советские фонды будут использоваться для поднятия западноевропейской промышленности; открытие счетов в США того, куда пойдут американские деньги. Советская сторона предложила изменить процедуру оказания помощи: каждая страна представила бы списки необходимых ей товаров, и США действовали бы на основе двусторонних соглашений со странами-получателями. Это предложение было отвергнуто. 2 июля 1947 г. было дано указание Молотову, уже обсуждавшему конкретику плана, покинуть французскую столицу. Довольно

неожиданно после пяти дней заседаний он взял слово и объявил, что советская делегация вынуждена покинуть совещание, поскольку это «ничто более как злостная американская схема за доллары купить Европу». Отказ СССР фактически гарантировал поддержку «плана Маршалла» в американском конгрессе.

Британский министр иностранных дел довольно быстро организовал в Париже конференцию получателей помощи по «плану Маршалла». Польша, Чехословакия и Румыния высказали свои интересы к плану. «План Маршалла» был обсужден на совещании 16 западноевропейских государств, включая Западную Германию, 12 июля 1947 г. в Париже. По настоянию советского правительства руководители восточноевропейских стран отказались от этого приглашения. При этом сам Советский Союз под действие плана не подпадал по чисто формальной причине — в связи с заявленным отсутствием у СССР бюджетного дефицита. Помимо социалистических стран Восточной Европы, от участия в «плане Маршалла» отказалась также Финляндия. Как противовес, СССР и страны Восточной Европы в 1949 г. создали Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Скрытая сущность «плана Маршалла» была изложена в меморандуме о национальной безопасности США № 68 от 1950 г. В нем утверждалось, что Советский Союз не может прогрессировать без западных технологий. Поэтому можно разрешить западным фирмам передавать технологии СССР. Это выгодно, поскольку, во-первых, при смене технологии для достижения более эффективного уровня производства получатель всегда остается в стороне от «тонкостей операций». Таким образом, СССР не будет иметь стимула для создания собственных технологий, окажется в зависимости от западных технологий. Во-вторых, если Советский Союз будет ввозить технологии, ему надо будет зарабатывать или занимать валюту западных стран для их оплаты. Зарабатывать валюту СССР сможет, только экспортируя сырье, что приведет к преимущественно сырьевому развитию советской экономики. Если же СССР будет занимать деньги, то он окажется под контролем кредиторов.

Участники июльского 1947 г. Парижского совещания обсудили размеры конкретной помощи, необходимой для каждой из стран. В ответ на готовность принять ее в США был создан

Правительственный комитет по изучению состояния экономики страны и ее возможностей оказать такую помощь. «План Маршалла» начал осуществляться с 4 апреля 1948 г., когда конгресс США принял «Закон об экономическом сотрудничестве», предусматривавший четырехлетнюю программу экономической помощи Европе. Помощь получили: Австрия, Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Западная Германия, Исландия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Португалия, Турция, Швеция, Швейцария, Франция.

Общая сумма ассигнований по «плану Маршалла» (с 4 апреля 1948 г. по декабрь 1951 г.) составила около 12,4 млрд долларов, причем основная доля пришлась на Великобританию (2,8 млрд), Францию (2,5 млрд), Италию (1,3 млрд), Западную Германию (1,3 млрд), Голландию (1 млрд). При этом американцы, в качестве предварительного условия предоставления помощи, потребовали выведения коммунистов из состава правительств стран, подписавших договор. К 1948 г. ни в одном правительстве Западной Европы коммунистов не было. В 1951 г. «план Маршалла» был заменен законом о взаимном обеспечении безопасности, предусматривавшим одновременное предоставление экономической и военной помощи [50].

«План Маршалла» является одной из наиболее успешных экономических программ в истории, поскольку были достигнуты практически все его политические и экономические цели.

- Американский доллар стал в Западной Европе основной международной валютой.
- Были реструктуризованы и модернизированы в короткие сроки безнадежно устаревшие в годы Второй мировой войны отрасли промышленности. В результате экономика европейских стран оправилась от последствий войны быстрее, чем этого можно было ожидать.
- Европейские страны смогли расплатиться по внешним долгам.
- США и Канада получили огромный рынок сбыта.
- Был восстановлен и укреплен европейский средний класс — гарант политической стабильности и устойчивого развития.
- Влияние коммунистов и СССР было ослаблено.

С усилением позиций в мире руководство Соединенных Штатов предприняло шаги по их обеспечению на международной арене с помощью военной силы. В 1947 г. был принят закон о национальной безопасности. Им предусматривалось формирование постоянного государственного механизма военно-политических решений, обеспечивающего использование вооруженных сил США в мирное и военное время в различных районах мира. В этих целях была перестроена военная организация и усовершенствован разведывательный аппарат.

В соответствии с принятым законом при президенте Соединенных Штатов был создан высший консультативный военно-политический орган — Совет национальной безопасности (СНБ). Военное министерство и морское министерство были заменены на единое министерство обороны (МО). Ему подчинялись министерства армии (сухопутных войск), военно-морских сил и созданное министерство военно-воздушных сил, а также Комитет начальников штабов (КНШ) и объединенный штаб при нем. СНБ придавалось новое ведомство — Центральное разведывательное управление (ЦРУ). Председатель Комитета начальников штабов и директор ЦРУ являлись советниками президента [51]. Директор ЦРУ в последующем стал директором разведывательного сообщества США, в которое вошли американские разведывательные службы других министерств и ведомств.

Согласно закону 1947 г. президент являлся верховным главнокомандующим вооруженными силами. Совет национальной безопасности был призван обеспечить координацию внешней, внутренней и военной политики в интересах национальной безопасности США. СНБ должен был разрабатывать рекомендации по вопросам внутренней и внешней политики, осуществлять взаимодействие между военными и гражданскими учреждениями, определять военную политику и решать другие проблемы разработки стратегии национальной безопасности.

Министр обороны назначался из числа гражданских лиц. На него возлагалась задача по определению основных направлений деятельности министерств видов вооруженных сил, контролю над ними, устранению ненужного дублирования и координа-

ции подготовки бюджетов¹. Комитет начальников штабов получил статус консультативного органа при президенте и министре обороны и не имел распорядительной власти. Ею наделена только высшая командная власть (National Command Authority) в лице президента и министра обороны. Статус КНШ как консультативного органа определялся нежеланием политического руководства Соединенных Штатов допустить его превращение в генеральный штаб по типу германского.

В состав Комитета начальников штабов входят начальники штабов видов вооруженных сил и комендант (командующий) морской пехоты. Председателем КНШ по закону должен быть начальник штаба при главнокомандующем. В связи с тем что после Второй мировой войны при президенте США штаб не создавался, функции председателя выполнял вначале министр обороны. Решения в КНШ принимались простым большинством голосов [52].

На Комитет начальников штабов согласно закону возлагались следующие задачи.

- Разрабатывать стратегические планы и обеспечивать стратегическое руководство вооруженными силами, включая общее руководство всеми боевыми действиями.
- Разрабатывать общие планы тылового обеспечения и распределять задачи по тыловому обеспечению между видами вооруженных сил.
- Разрабатывать совместные планы военной мобилизации и определять основные потребности вооруженных сил в личном составе по специальностям и численности и в оружии и военной технике в соответствии со стратегическими планами и планами тылового обеспечения.
- Предлагать министерствам видов вооруженных сил общие направления строительства и использования войск (сил) в качестве основы для подготовки ими собственных детальнейших планов.
- При соответствующих указаниях участвовать в подготовке совместных планов военных действий во взаимодействии с вооруженными силами других стран.

¹ The Army Almanac. Wash., 1950. P. 16.

- Создавать объединенные командования видов вооруженных сил в стратегических районах, где это необходимо для национальной безопасности.
- Рекомендовать в случае необходимости министру обороны обратить особое внимание на отдельные области деятельности вооруженных сил.
- Разрабатывать и представлять министру обороны для его сведения и рассмотрения указания министерствам видов вооруженных сил по подготовке проектов ежегодных бюджетов. После их согласования готовить доклад о потребностях военного ведомства. Доклад о потребностях должен включать: задачи; очередность выполнения задач; силы, необходимые для их выполнения; общие соображения по созданию военных баз и сооружений, оснащению и содержанию войск (сил), программам исследований и разработок, а также мобилизации промышленности¹.

В 1949 г. председатель КНШ стал назначаться из числа военнотружущих, что позволяло значительно расширить круг проблем по боевому использованию войск, поскольку они решались компетентными людьми. На Комитет начальников штабов было возложено дополнительно составление стратегического плана задач, в котором определялись: уровень вооруженных сил мирного времени, степень их боеготовности и потребности в случае мобилизации [53].

Согласно закону 1947 г. на министерство армии была возложена ответственность за формирование, подготовку, содержание и оснащение сухопутных войск. Министр армии назначался из числа гражданских лиц. На него возложены обязанности по правильному использованию финансовых и материальных средств, поступающих сухопутным войскам, а также по боевой подготовке личного состава, обеспечению дисциплины и морального духа армии, совершенствованию оружия и военной техники. Министр армии отвечает за охрану морского побережья и руководство гидростроительством. До конца 1970-х гг. на министерство армии возлагались оборона и управление зоной Панамского канала.

¹ The Army Almanac. Op. cit. P. 38–39.

Министр армии осуществляет руководство контингентами сухопутных войск через штаб армии, армейские военные округа на континентальной части США, командование сухопутных войск и командующих сухопутными войсками на заморских театрах военных действий. Штаб сухопутных войск возглавляет начальник штаба. Он является советником президента, министра обороны и министра армии по строительству и использованию сухопутных войск, а также главным военным советником и помощником министра армии по военным вопросам. Он отвечал за использование сухопутных войск в ходе военных действий, планирование их применения и боевую готовность.

В 1947 г. на континентальной части США было развернуто шесть армейских военных округов. Командующий округом отвечал за мобилизацию и демобилизацию личного состава, за боевую подготовку частей и соединений регулярной армии, национальной гвардии и организованного резерва, снабжение и расквартирование войск и пр. Командование сухопутных войск было лишено командных функций. Оно ведало формированием и боевой подготовкой частей, разрабатывало штаты и учебные программы, организовывало и проводило учения и маневры на континентальной части США¹.

Министерство военно-морских сил занимает важное место в военной организации Соединенных Штатов. Его значение особенно возросло с конца XIX г., когда военно-морские силы стали главным инструментом внешней экспансии. Особое положение американских военно-морских сил обусловило наличие в них трех самостоятельных родов сил: военно-морского флота, авиации ВМС и морской пехоты. Организационно же ВМС включала три составные части: аппарат министерства и штаба, оперативные силы и береговые учреждения и службы.

В военно-морских силах США традиционно управление осуществлялось посредством двух форм организации: административной и оперативной. Административная (или повседневная) организация обеспечивала повседневное управление силами, руководство боевой подготовкой, материальное и техническое снабжение и обслуживание военно-морских сил в целом. Опе-

¹ The Army Almanac. Op. cit. P. 30, 46, 48, 52.

ративная организация обеспечивала управление соединениями и объединениями разнородных сил ВМС, формируемых на период подготовки и проведения боевых операций или учений и маневров. Соответственно, согласно административной организации военно-морские силы Соединенных Штатов состояли из двух основных флотов: Атлантического и Тихоокеанского. Для проведения операций в Средиземном море, например, после Второй мировой войны был развернут оперативный 6-й флот, сохраняющийся и поныне.

В 1940-х гг. управление американскими вооруженными силами организационно было разделено по опыту ВМС на боевое управление (оперативная форма) и обеспечение (административная форма). Боевое управление стало осуществляться президентом и министром обороны через Комитет начальников штабов к выполняющим боевые (оперативные) задачи объединениям, соединениям и частям. Административное управление осуществлялось президентом и министром обороны через аппарат министерства обороны и министров видов вооруженных сил к объединениям, соединениям и частям, находящимся в стратегическом резерве. Командующие (командиры) оперативных воинских формирований становились независимыми от административного управления на период выполнения боевой задачи [54].

Оперативная организация, по мнению американского военно-политического руководства, должна иметь:

- регулярные войска (силы), численность которых совместно с союзниками должна обеспечить ведение военных действий на начальном этапе войны или вооруженного конфликта;
- резервные войска (силы), которые могут быть быстро мобилизованы;
- силы и средства перебросок, способные осуществлять быстрые переброски регулярных войск и резервов в район кризиса или военных действий [55, с. 323–324].

В соответствии с этими положениями после Второй мировой войны шло строительство сухопутных войск США. Вот как говорилось об этом в докладе первого американского министра обороны: «Соединения и части сухопутных войск на кон-

тинентальной части Соединенных Штатов составляют общий резерв, включающий стационарные силы обороны... и мобильные ударные силы, находящиеся в готовности к переброске на заморские ТВД»¹. Крупным шагом в становлении нынешней оперативной организации вооруженных сил США стало развертывание группировок американских войск (сил) на заморских театрах военных действий. Особенностью создания таких группировок являлось то, что впервые в военной истории Соединенных Штатов они стали размещаться вне американской территории уже в мирное время. Объединения, соединения и части американских войск за рубежом объединялись в командования, куда входили представители видов вооруженных сил. Отсюда они получили название Объединенных командований.

Решением президента США в декабре 1946 г. были сформированы шесть Объединенных командований: на Аляске, в зоне Атлантического океана, в Европейской зоне, в зоне Тихого океана, в зоне Центральной и Южной Америки (Карибское), на Дальнем Востоке. На командующего Объединенного командования возлагалось планирование и ведение боевых действий в зоне его ответственности. Все части и соединения, направляемые в район ответственности Объединенного командования, передавались в оперативное подчинение его командующему. Сухопутные войска и военно-воздушные силы имели свои соединения и части в Объединенных командованиях на постоянной основе. Атлантический и Тихоокеанский флоты создавали оперативные объединения и соединения под поставленные задачи. Их состав определялся для каждой задачи еще в мирное время.

* * *

Руководство Соединенных Штатов активно использовало участие во Второй мировой войне для укрепления своих позиций на международной арене. Первым шагом в этом направлении стало заключение Атлантической хартии с крупнейшей колониальной державой мира Великобританией. Американское руководство отошло от политики «изоляциизма» и предприняло шаги по обеспечению выгодного для себя мирового поряд-

¹ First Report of the Secretary of Defense. Wash., 1948. P. 60.

ка в послевоенный период. Принцип атлантизма, сформулированный на основе Атлантической хартии, позволил Соединенным Штатам активно участвовать во всех европейских делах.

В ходе переустройства мира Соединенные Штаты ставили перед собой задачу добиться монопольного положения на мировой арене. Для этого были предприняты усилия по использованию Организации Объединенных Наций в своих целях, обеспечению господствующего положения доллара в мировой финансовой системе и занятию лидирующих позиций в возрождающейся экономике Западной Европы.

С приходом к власти Трумэна в американской администрации усилились сторонники жесткой политики в отношении Советского Союза. Уже в сентябре 1945 г. военное командование США начало разработку американской военной политики после Второй мировой войны. В ней делалась ставка на использование США монополии на атомное оружие и средства его доставки, а также предусматривалось сохранение подавляюще мощных вооруженных сил в мирное время. Они должны были быть в состоянии сделать неразумным для любой крупной «агрессивной нации» (читай — СССР) начать большую войну вопреки воле США.

1.5. Размежевание

Конфликт интересов союзников по антигитлеровской коалиции после окончания Второй мировой войны усиливался. Их политические руководители, вышедшие из горнила этой войны, зачастую видели в использовании силы наиболее приемлемый способ преодоления возникающих разногласий. Но к «горячей» войне ни они, ни их народы были не готовы. Тогда была избрана холодная война, предполагавшая политику угрозы применения вооруженного насилия. Такая политика требовала поддержания постоянной готовности к «горячей войне».

Формальным началом холодной войны часто считается 5 марта 1946 г., когда Черчилль произнес свою знаменитую речь в Фултоне (США, штат Миссури). Речи было придано большое политическое звучание. Она была произнесена подобно

проповеди в церкви. Черчилль уже не занимал пост премьер-министра Великобритании, но на собрании присутствовал действующий президент США Трумэн.

В своей речи Черчилль выразил то, что он исповедовал во время всей своей политической карьеры. В годы Второй мировой войны он был вынужден по тактическим соображениям умерить свой антикоммунизм и антисоветизм. Дело дошло до официального признания своей позиции по Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. С ликвидацией угрозы фашизма в 1944–1945 гг. Черчилль вернулся к политическому неприятию Советского Союза и его политики. Выводы из международной обстановки времен окончания Второй мировой войны он впоследствии так отразил в своих мемуарах:

- Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- необходимо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
- этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин;
- освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- Вена, по существу — вся Австрия должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- необходимо обуздать агрессивные притязания югославского маршала Тито в отношении Италии.

Речь Черчилля в Фултоне очертила новую реальность, которую после заверений в глубоком уважении и восхищении «доблестным русским народом и моим товарищем военного времени маршалом Сталиным» он определил так:

«От Штеттина на Балтике до Триеста в Адриатике железный занавес протянулся поперек континента. По ту сторону воображаемой линии — все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы. <...> Коммунистические партии, которые были очень небольшими во всех восточных государствах Европы, дорвались до власти повсюду и полу-

чили неограниченный тоталитарный контроль. Полицейские правительства преобладают почти повсеместно, и пока нигде, кроме Чехословакии, нет никакой подлинной демократии. Турция и Персия также глубоко встревожены и обеспокоены требованиями, которые предъявляет к ним московское правительство. Русские сделали попытку в Берлине создать квазикоммунистическую партию в их зоне оккупации Германии. <...> Если теперь советское правительство попытается отдельно создать прокоммунистическую Германию в своей зоне, это создаст новые серьезные трудности в британской и американской зонах и разделит побежденных немцев между Советами и западными демократическими государствами. <...> Факты таковы: это, конечно, не та освобожденная Европа, за которую мы боролись. Это не то, что необходимо для постоянного мира».

Черчилль призвал не повторять ошибок 1930-х гг. и последовательно отстаивать ценности свободы, демократии «христианской цивилизации» против тоталитаризма, для чего необходимо обеспечить тесное единение и сплочение англосаксонских наций [56]. Его речь ознаменовала грустный финал победоносной антигитлеровской коалиции. Советский Союз теперь представлялся в обличье нацистской Германии 1930-х гг., и против него необходимо было мобилизовать все виды вооружений, вплоть до ядерной бомбы. Таким образом, голосом Черчилля капиталистический мир объявил СССР холодную войну.

Реакция Сталина была немедленной. Через неделю в интервью газете «Правда» он сказал: «Черчилль не одинок. Он вместе с единомышленниками предъявил народам, а значит, и СССР, определенный ультиматум: признайте наше руководство и превосходство и тогда все пойдет хорошо, в противном случае война неизбежна. Но в течение жестоких пяти лет борьбы народы проливали кровь за свободу и независимость своих стран не для того, чтобы сдаться» [57, с. 48]. Тем самым были заложены идеологические основы будущего противостояния.

Инициатива СССР на Лондонской (сентябрь 1945 г.) и Московской (декабрь 1945 г.) конференциях Совета министров иностранных дел государств антигитлеровской коалиции как-то договориться о «сферах интересов» на политическом уровне

не нашла понимания у рвущихся в единоличные мировые лидеры Соединенных Штатов. Равно как и попытки Запада блокировать появление просоветских правительств в Болгарии и Румынии потерпели неудачу. Фултоновская речь Черчилля перечеркивала даже малейшую надежду на компромисс, на прогресс в международном сотрудничестве.

А тем временем обе стороны стремились максимально использовать политические выгоды, полученные в результате разгрома фашистской Германии и ее сателлитов. Советский Союз инициировал консолидацию просоветских сил Восточной Европы, в которой проживали 90 млн человек. Восточноевропейские страны отказались присоединиться к «плану Маршалла». Существенно повысилось влияние коммунистических партий и левых общественных организаций в жизни европейских стран. В Италии пала монархия. Во Франции в реальную политическую силу превратилась Французская коммунистическая партия, за которую голосовало до 5 млн избирателей. Кроме того, в 1945 г. СССР предъявил территориальные претензии Турции и потребовал изменения статуса черноморских проливов, включая признание права Советского Союза на создание военно-морской базы в Дарданеллах, а также предоставления ему права на протекторат над Триполитанией (Ливией), чтобы обеспечить присутствие в Средиземноморье. Помимо Европы симпатизирующие СССР политические движения активно действовали в Северном Иране, Северной Корее, Индокитае, Малайе, на острове Борнео и Филиппинах¹.

Великобритания и США были особенно недовольны установлением по завершении Второй мировой войны советского контроля над странами Восточной Европы. Создание же просоветского правительства в Польше в противовес польскому эмигрантскому правительству в Лондоне воспринималось ими как угроза со стороны Советского Союза их позициям в Европе. В Соединенных Штатах все это воспринималось как «социализация Европы». По мнению правящих кругов США, с разгромом Германии весь европейский континент превратился в некий «вакуум силы», находящийся вне американского контроля. Сое-

¹ Hill-Norton P. No Soft Options. Montreal, 1978. P. 17.

диненные Штаты опасались остаться единственным бастионом традиционного капитализма [49, с. 15].

В 1947 г. США находились в зените своего материального превосходства над партнерами в капиталистическом мире. Они были еще далеки от достижения даже предвоенного уровня и просто «мерзли той зимой от холода». Советский Союз был занят восстановлением разоренного народного хозяйства. Еще не все из восточноевропейских стран стали «народными демократиями». В 1947 г. Соединенные Штаты экспортировали в Европу в семь раз больше, чем импортировали из нее. У европейских стран уже не было средств оплачивать закупки в США.

Потребовалось политическое обоснование экспансии Соединенных Штатов в Европу в отличие от того, как это было в 1918 г. Оно было сформулировано в так называемой длинной телеграмме тогдашнего политического советника американского посольства в Москве Дж. Кеннана в 1947 г. Ее положения легли в основу политической стратегии США о «сдерживании коммунизма».

Согласно пропагандистской практике в США тех лет, новая политическая стратегия была обнародована в июле 1947 г. во влиятельном журнале «Форин афферс» в статье за подписью некоего «мистера Х». Он призвал Соединенные Штаты «вооружиться политикой твердого сдерживания, предназначенного противостоять русским несокрушимой контрсилой в каждой точке, где они выразят намерение посягнуть на интересы мирного и стабильного мира». Статья приобрела необычайную популярность. Ее бесконечно обсуждали и цитировали. Американские журналы «Лайф» и «Ридерс дайджест», имевшие в то время большие тиражи, напечатали выдержки из нее. Статью рассылали в посольства, особенно в Восточную Европу. В своих комментариях к идеям, изложенным в статье «мистера Х», популярнейший американский обозреватель У. Липпман показал, каким путем будет осуществляться подобное «сдерживание»: «Эта политика может быть приведена в действие только рекрутированием, субсидированием и поддержкой однородного ряда сателлитов, клиентов, зависимых государств и марионеток».

Инициатором обнародования «длинной телеграммы» в «Форин афферс» стал первый министр обороны США Дж. Форре-

стол, который уже много месяцев задавал всем один и тот же вопрос: Соединенным Штатам противостоит обычное государство или они сражаются с воинственной религией? Сам Форрестол не сомневался, что имеет место второй случай. Оптимальное (с точки зрения Форрестола) объяснение дал Кеннан, который вместо испрашиваемых комментариев представил в январе 1947 г. целый опус под названием «Психологические основания советской внешней политики». В изображении Кеннана, уже возглавлявшего в то время отдел планирования госдепартамента, Советский Союз «движется неотвратно по предначертанному пути, как заведенная игрушка, которая останавливается только тогда, когда встречает непреодолимое препятствие». Таким препятствием должна быть целенаправленная политика США по «сдерживанию» СССР. «Умелое и зоркое применение контрсилы в постоянно изменяющих свое положение географических точках, политических кризисах» — вот чего требовал Кеннан от американской политики. Он выдвинул тезис о том, что «провидение, которое потребовало от американского народа ответа на вызов, сделало всю американскую безопасность зависимой от общего национального единства, от принятия на себя ответственности за моральное и политическое лидерство, врученное стране историей».

Стратегия «сдерживания коммунизма» с помощью контрсилы потребовала ужесточения контроля над политическими взглядами внутри страны. В ноябре 1946 г. президент Трумэн создает Временную комиссию по проверке лояльности государственных чиновников. Согласно исполнительному приказу № 9835, сформировалась «федеральная система проверки лояльности». Весной 1947 г. в результате мощных и целенаправленных пропагандистских усилий враждебность американского населения к Советскому Союзу — еще два года назад бывшему важнейшим союзником — стала фактором национальной жизни в США. Между 1945 и 1947 г. численность тех, кто начал воспринимать Россию как «агрессора», увеличилась с 38 до 66%. В стране росла антикоммунистическая истерия. В 1947 г. министр юстиции США создает список «подрывных организаций». Внутренняя безопасность стала в США важнейшим политическим вопросом.

Сталин, в свою очередь, выдвинул в 1947 г. свою стратегию, изложенную в документах Совещания коммунистических партий. В них ставилась задача освободить от империалистического влияния и превратить в естественных союзников европейские страны народной демократии (ближний круг) и зависимые и колониальные государства (дальний круг). Политическое обеспечение этих задач было возложено на Информбюро компартий. Оно стало структурой, координирующей деятельность правящих партий. Тем самым достигалось согласование политик представленных в Информбюро стран. Жесткий контроль со стороны СССР достигался проведением ряда политических процессов над руководством некоторых стран (Румыния, Чехословакия) и усилением просталинского ядра в коммунистических и рабочих партиях восточноевропейских государств.

В Венгрии, где, по оценке госдепартамента США, правила «умеренная коалиция», начался нажим на руководящую Партию мелких хозяев. В мае 1947 г. премьер Ференц Надь был обвинен в шпионаже и выслан из страны. Теперь просоветские политические силы получили главенствующее положение в стране. Исследовательский центр государственного департамента США пришел к выводу, что «свержение венгерского правительства произошло не ввиду его демократического характера. Гнев Советского Союза вызвала внешняя политика, стремление сблизиться с западными державами, особенно с Соединенными Штатами». «Демократический блок» в Польше все жестче выступал против прозападных сил. В 1947 г. была ликвидирована монархия в Румынии. Король Михай, награжденный советским орденом «Победа», отрекается от трона, и провозглашается Народная Республика. В 1948–1949 гг. Румыния получает новую просоветскую конституцию, вступает в СЭВ, проводится национализация в промышленности и коллективизация в сельском хозяйстве. Кризис в Чехословакии начался зимой 1947 / 1948 г. Последний остаток великой антигитлеровской коалиции — политический союз коммунистов с некоммунистами — подошел к печальному концу. Отказ Чехословакии от участия в «плане Маршалла» был первым серьезным знаком, говорящим о том, что компромисс двух систем уже едва ли возможен. Левым в исключительной мере помогло то обстоятельство, что Соединен-

ные Штаты отказались предоставить экономическую помощь этой стране. Это в высшей степени неблагоприятно подействовало на престиж США в Праге. Урожай 1947 г. в Чехословакии был крайне плох. Прага обратилась к Вашингтону. США твердо стояли на том, что за плохую политику они не платят. Без радикальной смены внешнеполитического курса Прага не получит американской помощи. На помощь устремился Советский Союз — страдавший сам от продовольственных проблем, он сумел предоставить Чехословакии 40% необходимого ей продовольствия. Прозападные политики в Праге понесли трудно восполнимый ущерб. Но еще большее значение для чехов имело желание США восстановить западногерманскую экономику. 20 февраля 1948 г. 12 некоммунистических членов чехословацкого правительства сложили свои полномочия. Последовали пять дней политического кризиса. 25 февраля было сформировано коммунистическое правительство.

Внутри СССР была развернута кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом», генетика и кибернетика были объявлены буржуазными лженауками. Остракизму подверглись выдающиеся ученые. Был ликвидирован в 1948 г. Еврейский антифашистский комитет. Он сыграл немалую роль в организации частных пожертвований из США в годы Второй мировой войны. Записка, подписанная Сталиным и Молотовым, была впоследствии оформлена как решение Политбюро и бюро Совета министров СССР. В ней комитет объявлялся центром антисоветской пропаганды, регулярно поставляющим антисоветскую информацию органам иностранной разведки.

Внешнеполитическая деятельность Советского Союза привела к тому, что к 1948 г. начала складываться система межгосударственных договоров о дружбе и взаимопомощи между СССР и странами Восточной Европы, имевшими «антизападную» ориентацию. Эти двусторонние соглашения (в сумме 35 договоров) складывались в единую, взаимосвязанную систему. В 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Проходила консолидация и западноевропейских стран. В 1948 г. был создан Западноевропейский союз. Пять западноевропейских государств — Бельгия, Великобритания, Люксембург, Нидерланды и Франция — заключили так называемый Брюссель-

ский пакт. Первые три статьи Договора были посвящены экономическому, социальному и культурному сотрудничеству, но именно создание «коллективной самообороны» против возможного агрессора (в первую очередь СССР) стало сущностью этого документа. Согласно Пакту страны-участницы обязались, что в случае, если одна или несколько из них становится объектом вооруженного нападения или агрессии, «предоставят военную поддержку атакованной Стороне и другую помощь». Основными причинами подписания Брюссельского пакта были: страх перед «советской военной угрозой» — опасения агрессии со стороны СССР и его союзников из числа стран Центральной и Юго-Восточной Европы; недопущение возрождения германского милитаризма и новых попыток развязывания войны со стороны Германии. Брюссельский пакт, по сути, предвосхитил создание НАТО.

Консолидация западных стран проходила на фоне усиления лидирующей роли Соединенных Штатов. Перед лицом снижения военно-политических возможностей Великобритании сохранить контроль в Средиземном море американское руководство приняло решение взять ответственность за этот регион на себя. С этой целью 12 марта 1947 г. президент США выступил на заседании конгресса с «Доктриной Трумэна». В своей речи американский лидер заявил, то внешняя политика и национальная безопасность Соединенных Штатов находятся под угрозой. США получили от греческого правительства просьбу о финансовой и экономической помощи. Предварительные сообщения от американской экономической миссии в Греции и сообщения от американского посла в этой стране подтверждают утверждение греческого правительства, что помощь крайне необходима, чтобы Греция могла остаться свободной страной. Греция — не богатая страна. С 1940 г. она перенесла вражеское вторжение, четыре года жестокой оккупации и междоусобную борьбу. Когда войска союзников освободили Грецию, они увидели, что отступающие немцы разрушили фактически все железные и шоссейные дороги, портовые сооружения, коммуникации и торговый флот. Более тысячи деревень были сожжены. Инфляция уничтожила практически все сбережения.

«В результате этих трагических событий, — продолжал американский президент, — воинственное меньшинство, эксплуа-

тируя человеческое сознание, было в состоянии создать политический хаос, который мешает восстановлению экономики. В Греции сегодня нет капиталов, чтобы финансировать импорт тех товаров, которые являются жизненно важными. Страна отчаянно нуждается в финансовой и экономической помощи, чтобы возобновить закупки пищи, одежды, топлива и семян, которые крайне необходимы для пропитания и жизненных нужд ее людей и доступны только из-за границы. Греция нуждается в помощи, чтобы импортировать товары, необходимые для восстановления внутреннего рынка и безопасности. Греческое правительство также попросило помощи опытных американских администраторов, экономистов и техников, чтобы финансовая и другая помощь, оказываемая Греции, использовалась бы эффективно в создании устойчивой и самоподдерживающейся экономики и в улучшении ее государственной службы.

В заключении Трумэн заявил: «Самому существованию греческого государства сегодня угрожают террористические действия нескольких тысяч вооруженных партизан, возглавляемых коммунистами, особенно на северной границе. Тем временем греческое правительство неспособно справиться с ситуацией. Греческая армия мала и плохо экипирована. Она нуждается в снабжении и в вооружении для того, чтобы восстановить власть правительства над всей территорией Греции. Соединенные Штаты обязаны предоставить Греции эту помощь. Никакая другая нация не желает и не способна обеспечить необходимую поддержку демократическому греческому правительству. Правительство Греции не идеально. Однако оно представляет восемьдесят пять процентов членов греческого Парламента, которые были выбраны на выборах в прошлом году».

«Турция, сосед Греции, — отмечал президент Трумэн, — также заслуживает нашего внимания. Будущее Турции как независимой и экономически значимой страны не менее важно для демократического мира, чем будущее Греции. Ситуация, в которой Турция оказалась сегодня, значительно отличается от ситуации в Греции. Турцию обошли стороной те бедствия, которые были в соседней стране. И в течение войны Соединенные Штаты и Великобритания оказывали Турции мате-

риальную помощь. Однако сейчас Турция нуждается в нашей поддержке, чтобы осуществить необходимую модернизацию для сохранения ее территориальной целостности. Британское правительство сообщило нам, что вследствие его собственных трудностей оно больше не может оказывать финансовую и экономическую помощь Турции. Как и в случае с Грецией, мы являемся единственной страной, способной оказать эту помощь. Мы должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных поползновений со стороны тоталитарных режимов, подрывающих мир во всем мире путем прямой или косвенной агрессии, и, следовательно, безопасность Соединенных Штатов».

«Правительство Соединенных Штатов, — отметил президент США, — часто заявляло протесты против политики принуждения и запугивания в нарушение Ялтинского соглашения в Польше, Румынии и Болгарии. В настоящий момент почти каждая нация в мире должна выбрать между альтернативными образами жизни. Соединенные Штаты должны поддерживать свободные народы, которые сопротивляются агрессии вооруженного меньшинства или внешнему давлению. Мир не стоит на месте, и статус-кво не нерушим. Но США не могут позволить изменения в равновесии сил методами принуждения или агрессии. Если бы Греция подпала под контроль вооруженного меньшинства, этот эффект мог бы распространиться на ее соседа, Турцию. Беспорядок и анархия могли бы распространиться по всему Ближнему Востоку. Если Соединенные Штаты окажутся не в состоянии помочь Греции и Турции, то это будет иметь далеко идущие последствия как для Запада, так и для Востока».

Трумэн обратился к конгрессу с предложением о предоставлении для помощи Греции и Турции 400 млн долларов в течение периода, заканчивающегося 30 июня 1948 г. В дополнение к деньгам он запросил Конгресс дать разрешение на отправку американского гражданского и военного персонала в Грецию и Турцию по просьбе этих стран, чтобы помочь в решении задач государственной модернизации и ради наблюдения за использованием финансовой и материальной помощи.

Противостояние СССР и США развертывалось и в Организации Объединенных Наций. Советский Союз с самого начала попытался использовать ООН для осуществления разоружения. Это соответствовало принципам внешней политики СССР, выработанным перед Второй мировой войной, когда разоружение было реальной мерой предотвращения войны. Разоружение отвечало также необходимости сокращать после войны собственные вооруженные силы.

Советская программа исходила из того, что регулирование и сокращение вооружений являются одними из основных и важнейших элементов создания системы безопасности. В ней предлагалось осуществить полное разоружение с целью устранения опасности новой войны. В связи с предложением Советского Союза в 1946 г. была создана специальная комиссия. В ее работе приняли участие СССР, США, Великобритания, Франция, Канада. Заседала она в Лондоне. Сразу же выяснилось, что из участников комиссии только Советский Союз настаивает на необходимости разоружения. Другие участники дружно блокировали любое предложение, которое способствовало бы не только разоружению, но и сдерживанию гонки вооружений. Дух Фултона уже в то время витал в комиссии. Причина такой тактики на переговорах была изложена представителем США в комиссии Стивенсоном в частной беседе. Он прямо заявил, что для США неприемлемо само направление дискуссии о разоружении. Американский крупный бизнес не мыслит своего существования без производства оружия. Никто всерьез в Вашингтоне идеи разоружения не принимает. Соединенные Штаты выступают за контролируемое вооружение [21, С. 343].

В условиях американско-британской монополии на атомное оружие Советский Союз также попытался использовать ООН в борьбе за запрещение ядерного оружия, за то, чтобы поставить его вне закона. Советское государство заявило, что использование атомной энергии в военных целях несовместимо с совестью человечества. Оно выступило с предложением заключить международную конвенцию о запрещении навечно военного использования атомной энергии, переключив ее только на мирные цели. От имени Советского Союза в созданной

в 1946 г. комиссии по атомной энергии Организации Объединенных Наций было заявлено:

«Обстоятельства сложились так, что одно из величайших открытий человечества вначале нашло свое материальное претворение в определенном виде оружия — в атомной бомбе. Однако хотя до настоящего времени такое использование атомной энергии является единственным практически известным путем ее применения, человечество стоит на пороге широкого применения атомной энергии в мирных целях на благо народов... Существуют два возможных пути для использования этого открытия: один — использование в целях производства средств массового истребления, второй — использование его во благо человечества. Парадоксальность положения состоит в том, что первый путь более изучен и освоен. Второй — практически неизвестен.

Открытие методов использования атомной энергии не может оставаться в течение более или менее продолжительного времени достоянием только одной страны... Оно неизбежно станет достоянием ряда стран... В развитие этих общих положений были внесены на рассмотрение комиссии конкретные предложения:

а) не применять ни при каких обстоятельствах ядерного оружия;

б) запретить производство и хранение оружия, основанного на использовании атомной энергии;

в) уничтожить в трехмесячный срок весь запас готовой и незаконченной продукции атомного оружия... [21, С. 347]».

Советское предложение рассматривалось на комиссии по атомной энергии, в которую входили представители государств — членов Совета Безопасности. Естественно, что ядро в комиссии составляли представители пяти держав — постоянных членов Совета. Председателем комиссии был назначен американец Бернард Барух. Но к видимым результатам обсуждение советского предложения не привело. При обсуждении вопроса усилия одних стран направлялись на сохранение ядерного оружия, утверждение монополии США, а других — на то, чтобы запретить это оружие на вечные времена.

В качестве противодействия инициативе СССР был выдвинут «план Баруха». Суть предложения сводилась к тому, чтобы

сохранить за США монополию на ядерное оружие. Фактически Советскому Союзу, да и всему миру предлагалось надеяться на Вашингтон и в значительной мере отдать в его руки судьбу своей безопасности. Для этого в плане предусматривалось создание международного органа для контроля за использованием атомной энергии. Соединенные Штаты, по существу, и не скрывали, что намерены занять в указанном органе как единственный обладатель атомной технологии главенствующее положение, удерживать за собой бразды руководства всем делом производства расщепляющихся материалов и их хранения, вмешиваться под предлогом необходимости международной инспекции во внутренние дела суверенных стран. В качестве санкции за нарушение правил контроля предусматривалось нанесение превентивного атомного удара. По свидетельству американского историка М. Шерри, Комитет начальников штабов США в развитие «плана Баруха» выступал «за атомную атаку не только в случае готовящегося советского нападения, но и в том случае, если успехи противника в промышленности или науке дадут основание предположить о приобретении им способности к нападению в конечном итоге на Соединенные Штаты или же к обороне против нашего нападения» [58]. Разумеется, такого рода контроль и инспекция применительно к ядерному оружию оказались нереальными. Советский Союз не мог принять план, который означал грубое нарушение суверенитета и интересов безопасности страны.

Вторым направлением борьбы за разоружение стал вопрос о создании вооруженных сил ООН, способных обеспечивать мир и безопасность от имени организации. В Уставе Организации Объединенных Наций предусмотрена Глава VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Ключевую роль в реализации мер, предусмотренных в этой главе, играет Совет Безопасности ООН.

Согласно статье 39, на него возлагается определение существования любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и выработка рекомендации или решения о том, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

Статьей 41 Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил,

должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от членов организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв в экономических отношениях, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средствах сообщения, а также разрыв дипломатических отношений.

Статья 42 гласит: «Если Совет Безопасности сочтет, что меры, предусмотренные в статье 41, могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными, он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду и другие операции воздушных, морских или сухопутных сил членов организации».

Согласно статье 45, в целях обеспечения для Организации Объединенных Наций возможности предпринимать срочные военные мероприятия, члены организации должны держать в состоянии немедленной готовности контингенты национальных военно-воздушных сил для совместных международных принудительных действий. Численность и степень готовности этих контингентов, планы их совместных действий определяются Советом Безопасности с помощью Военно-Штабного комитета в пределах, указанных в особом соглашении или соглашениях.

Статья 47 предусматривала:

Создается Военно-Штабной комитет для того, чтобы давать советы и оказывать помощь Совету Безопасности по всем вопросам, относящимся к военным потребностям Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности, к использованию войск, предоставленных в его распоряжение, и к командованию ими, а также к регулированию вооружений и к возможному разоружению.

Военно-Штабной комитет состоит из Начальников Штабов постоянных членов Совета Безопасности или их представителей. Любой член организации, не представленный постоянно в Комитете, приглашается Комитетом сотрудничать с ним,

если эффективное осуществление обязанностей Комитета требует участия этого члена организации в работе Комитета.

Военно-Штабной комитет, находясь в подчинении Совета Безопасности, несет ответственность за стратегическое руководство любыми вооруженными силами, предоставленными в распоряжение Совета Безопасности. Вопросы, относящиеся к командованию такими силами, должны быть разработаны позднее.

Военно-Штабной комитет может, с разрешения Совета Безопасности и после консультации с надлежащими региональными органами, учредить свои региональные подкомитеты.

Вопрос формирования вооруженных сил ООН был предметом дискуссий в первые годы существования организации. США настойчиво пробивали предложение о превращении Военно-Штабного комитета (ВШК) в Объединенный комитет начальников штабов по типу американско-британского Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) периода Второй мировой войны. Ему должен был подчиняться постоянный военный контингент, сформированный из представителей вооруженных сил стран — членов ООН. Но это предложение не было реализовано, и ВШК стал функционировать как чисто консультативный орган.

Советскому руководству не удалось решить вопрос в ООН и об американских базах в Европе после окончания Второй мировой войны. Советский Союз всегда исходил из того, что войска США и американские базы на территории западноевропейских государств представляют собой фактор, противоречащий интересам мира. Их сохранение шло в разрез с настроениями в Соединенных Штатах по этому вопросу в годы Второй мировой войны. Во время Ялтинской конференции президент Рузвельт высказал мысль, что Соединенные Штаты примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии 3 тыс. миль от США. Поэтому американская оккупация ограничится сравнительно коротким сроком. В реальности же решение о размещении американских войск за рубежом на постоянной основе было принято еще при жизни президента Рузвельта.

Сразу после войны лидеры стран Запада при постановке этого вопроса отмалчивались, а на всех переговорах отказывались обсуждать вопрос о военных базах на чужих территориях. Так обстояло дело и на сессиях Генеральной Ассамблеи, в Совете Безопасности ООН, разных комитетах и подкомитетах по разоружению. К тому же в 1948 г. Соединенные Штаты принимают «резолюцию Ванденберга» как официальный отказ США от практики неприсоединения к военно-политическим блокам за границами Западного полушария в мирное время.

Центром противостояния ведущих стран антигитлеровской коалиции после Второй мировой войны стала поверженная Германия. Управление ею осуществлялось Контрольным советом из представителей держав-победительниц. В соответствии с Декларацией о поражении Германии, подписанной в Берлине 5 июня 1945 г., верховную власть в стране временно взяли на себя правительства СССР, США, Великобритании и Франции. Германия была разделена на четыре оккупационные зоны. В каждой из них верховная власть принадлежала главнокомандующему соответствующими оккупационными войсками. Вопросы, затрагивавшие Германию в целом, был призван разрешать Контрольный Совет (КС) в составе четырех главнокомандующих.

Для осуществления контроля за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции и управления советской зоной оккупации в Германии, то есть для упорядочения и централизации деятельности советского военного командования в Германии по переводу страны на мирные рельсы, 6 июня 1945 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР была образована Советская военная администрация (СВАГ). Главноначальствующим СВАГ в Германии был назначен главнокомандующий Советскими оккупационными войсками в Германии Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Его первым заместителем стал генерал армии В. Д. Соколовский, заместителем по делам гражданской администрации — комиссар госбезопасности 2-го ранга И. А. Серов, начальником штаба — генерал-полковник В. В. Курасов. При Главноначальствующем СВАГ в качестве политического советника действовал политический советник при Главнокомандующем Советскими оккупационными войсками.

Таким образом, в Германии в тот период устанавливались как бы две параллельные военные и военно-административные структуры: Советские оккупационные войска и Советская военная администрация. Руководство обеими структурами осуществлял один Главнокомандующий. У него в тот период сосредоточивалась фактически абсолютная власть в советской зоне оккупации в Германии. Для решения конкретных вопросов при Главном начальствующем СВАГ устанавливались должности помощников: по военно-воздушным делам, военно-морским делам и по экономическим вопросам. Для осуществления функций Советской военной администрации в бывших федеральных землях Германии, входящих в советскую зону оккупации, были учреждены должности уполномоченных по СВАГ, на которые назначались старшие офицеры приказом главнокомандующего Советскими оккупационными войсками в Германии.

9 июня 1945 г. маршал Г. Жуков издал приказ СВАГ № 1 об организации Советской военной администрации. Следующим приказом № 2 от 10 июня разрешалась деятельность демократических партий и свободных профсоюзов в Германии. Сразу же после приказа Г. Жукова № 2 по СВАГ было выпущено «Обращение ЦК Коммунистической партии Германии» к немецкому народу, где выдвигалась программа преобразований в стране. С самого начала немецкие коммунисты были опорой советской военной администрации и составляли костяк местных органов власти. С другой стороны, значительная часть местного населения оккупированных районов Германии старалась держаться подальше от всяких политических партий и общественных организаций.

Одной из важнейших задач, которая встала перед Советской военной администрацией в Германии, стала работа по демонтажу ряда немецких промышленных предприятий, которая велась в рамках взыскания с Германии репараций. Эта большая политическая задача, неоднократно обсуждавшаяся и решенная великими державами еще до окончания войны, вызывала естественное недовольство местного немецкого населения. Проблемы большой политики были для простых жителей немецких городов и сел абстракцией, а вот демонтаж предприятия, где они работали многие годы, был для них большой трагедией.

В политических донесениях советских войск встречаются негативные высказывания немцев в отношении демонтажа оборудования и его вывоза в СССР.

Вскоре трения между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции стали нарастать. Если в 1945–1946 гг. Контрольный Совет еще смог принять ряд решений, направленных на осуществление решений Потсдамской конференции о демилитаризации Германии, то в последующем его деятельность оказалась практически парализованной. Западные страны все более ориентировались на конфронтацию с Советским Союзом. Наиболее последовательным выразителем этого курса стал в последние месяцы войны Черчилль. Аналогичные взгляды в целом разделяло и американское руководство. Так, заместитель государственного секретаря США Дж. Грю в меморандуме, составленном им весной 1945 г., заявил, что война с Советским Союзом «неизбежна», что она может разразиться в ближайшие годы. Он призывал американское правительство к укреплению своих позиций по отношению к СССР, чтобы держать его под угрозой. В США появился тезис о необходимости «сдерживания» коммунизма. С приходом к власти Г. Трумэна антисоветский курс стал во внешней политике США официальным.

В ноябре 1945 г. советская сторона представила Контрольному Совету меморандум, в котором указывалось, что в одной только английской зоне оккупации содержалась целая немецкая армейская группа под командованием Мюллера численностью свыше 200 тыс. человек и были заново организованы два военных округа с соответствующими управлениями, штабами, службами, комендатурами, а в Шлезвиг-Гольштейнии расквартировано около 1 млн немецких солдат и офицеров. В декабре 1945 г. Контрольный Совет принял решение о роспуске такого рода военных формирований, но фактически они были сохранены в урезанном виде как «рабочие батальоны», «вспомогательные части» и пр. Эти формирования в дальнейшем составили основу бундесвера. Крайне острой в отношениях между бывшими союзниками стала проблема Рурской области. Советский Союз добивался того, чтобы значительная часть выплавленной в этой области стали была предоставлена ему в качестве репараций. Западные страны активно препятствовали этому, понимая, на

какие нужды немецкая сталь пойдет в Советском Союзе. Взаимное недовольство в средствах массовой информации между западными союзниками и СССР приобрело в конце концов черты пропагандистской войны. Одной из основных ее тем стал якобы принудительный и не оговоренный предыдущими договоренностями демонтаж немецких предприятий и оборудования, производимый советскими властями. Такие факты действительно имели место, но демонтаж производился также и англичанами, и американцами.

В 1946 г. в английской оккупационной зоне сложилось едва ли не катастрофическое положение с продовольственным обеспечением немецкого населения, что побудило британское руководство публично заявить о своей неспособности самостоятельно решить эту задачу. Но ни одна из сторон не собиралась уступать ни при каких обстоятельствах. В сложившейся обстановке политико-дипломатическое пространство для взаимных компромиссов в отношениях между СССР и Западом сокращалось с каждым днем. Первыми в наступление перешли западные союзники.

В июле 1946 г. США выдвинул требование о сохранении экономической целостности Германии. 6 сентября 1946 г. в Штутгарте государственный секретарь США Бирнс подтвердил объявленное накануне решение об экономическом объединении американской и английской зон оккупации и наметил основные направления этого курса. Его ближайшей целью являлась ликвидация четырехстороннего управления оккупированной территорией и создание сепаратного западногерманского государства. Подобное решение было продиктовано одним. Возрождение экономически сильной Западной Германии и в Соединенных Штатах, и в Великобритании стало рассматриваться в качестве решающего фактора в западноевропейской системе безопасности в целом. Для Москвы это было абсолютно неприемлемо. В ответ на отказ СССР Соединенные Штаты и Великобритания приступили к объединению их оккупационных зон. 2 декабря 1946 г. они подписали в Нью-Йорке соответствующее соглашение, положив начало Бизонии. Она была создана в нарушение четырехсторонних соглашений (СССР, США, Великобритании и Франции) о Германии.

В конце марта — начале апреля 1947 г. в Москве состоялась конференция четырех министров иностранных дел (США, СССР, Великобритания, Франция), призванная наконец решить будущую судьбу Германии. На самом деле конференция лишь продемонстрировала всю глубину и непреодолимость возникших противоречий по этому вопросу. Бывшие союзники расстались почти враждебно. Советская разведка установила факт тайной договоренности между Соединенными Штатами и Великобританией о том, что в ходе реализации программы послевоенного восстановления Европы и прежде всего Германии будут прекращены репарационные платежи Советскому Союзу из текущей продукции западногерманских предприятий. Уже в ноябре 1947 г. США начали вводить в действие целую систему ограничительных и запретительных мер в сферах финансов и международной торговли, что фактически ознаменовало начало полномасштабной экономической войны Запада против Москвы.

На Лондонском сепаратном совещании представителей США, Великобритании и Франции по германскому вопросу (1948) было принято решение о присоединении к Бизонии французской зоны оккупации Германии. 8 апреля 1949 г. Франция присоединила к ней свою зону. Американо-английская Бизония превратилась в Тризонию, из которой в том же году образовалась Федеративная Республика Германия. В соответствии с этим решением в сентябре 1949 г. были сформированы органы государственной власти ФРГ.

После создания Бизонии стало очевидно, что политический диалог союзников о путях развития Германии зашел в тупик. Еще в ходе Московской сессии Совещания министров иностранных дел (СМИД), проходившей в марте-апреле 1947 г., советская делегация возобновила требования по организации поставок текущей продукции в счет репараций. Ее оппоненты настаивали на прекращении репарационных изъятий и предоставлении немцам возможности восстановить экономическую систему. Дискуссия не привела к какому-либо конкретному результату. Сорвалась и попытка проведения совещания представителей всех германских земель, посвященного выработке единой стратегии восстановительных мероприятий. Следующая Лон-

донская сессия СМВД, состоявшаяся в ноябре-декабре 1947 г., завершилась также безрезультатно, даже без согласования места и времени следующей встречи. В феврале-июне 1948 г. состоялись два раунда Лондонской конференции по германскому вопросу, на которой впервые не было советской делегации, но зато участвовали представители Бельгии, Голландии и Люксембурга. Конференция приняла решение о созыве Учредительного собрания для выработки конституции нового германского государства.

Помимо жесткой позиции СССР в выплате репараций, обострение германского вопроса было связано с изменением внешнеполитического курса США. С принятием «доктрины Трумэна» Соединенные Штаты начали рассматривать Европу в контексте блоковой стратегии, проявившейся в сохранении своих баз за рубежом. Важным шагом стал «план Маршалла». Первоначально ни Германия в целом, ни ее западные зоны не рассматривались в качестве участника программы экономической помощи. Ситуация изменилась в январе 1948 г. На совещании министров Бизонии было принято решение о проведении комплекса мер по подготовке экономической реформы в этих землях. Создавались верховный суд и центральный банк, расширялись функции Экономического совета и центральных управлений, объединенных в директорат. Был достигнут компромисс с французским правительством. После передачи под французское управление Саарской области в залог репарационных выплат Франция согласилась на присоединение своей оккупационной зоны к британо-американской. Саар же находился под контролем Франции до возвращения в состав ФРГ в 1957 г.

В период проведения Лондонской конференции по германскому вопросу американская администрация приняла решение о распространении «плана Маршалла» на западные оккупационные зоны Германии. В соглашении по этому поводу оговаривалось, что возрождение экономики Западной Германии является частью плана европейского развития на принципах индивидуальной свободы, свободных учреждений, построении «здоровых экономических условий, прочных международных связей, обеспечения финансовой стабильности». Обеспечива-

лись также условия контроля американских специальных органов над ходом экономической реформы, снятие таможенных ограничений немецкого рынка, продолжение политики демонаполизации. За первый год реализации «плана Маршалла» Западная Германия получила от США 2,422 млрд долларов (почти столько же, сколько Великобритания и Франция вместе взятые, и почти в три с половиной раза больше, чем Италия). Но поскольку часть германской продукции сразу начала поступать в США в счет погашения долга, то в итоге на долю Германии пришлось не самая крупная часть американской помощи — в общей сложности около 10% (6,7 млрд марок).

Ключевой проблемой для развертывания экономической реформы в Германии являлось создание «твердых денег», ликвидация губительных последствий гиперинфляции. Денежная реформа в западных зонах началась 20 июня 1948 г. Официальное соотношение обмена было установлено в пропорции 10 рейхсмарок за одну новую немецкую марку (кроме того, каждый человек мог обменять 40 марок по курсу 1:1). Получить на руки можно было вначале лишь 5% обмениваемой суммы. После проверки законности доходов налоговыми властями выдавалось еще 20%, затем — 10%. Остальные 65% ликвидировались. Окончательная квота обмена составила 100 рейхсмарок за 6,5 немецких марок. Пенсии, заработная плата, пособия пересчитывались в соотношении 1:1. Все старые государственные обязательства аннулировались. Таким образом, огромная денежная масса ликвидировалась. Появление «твердых денег» уничтожило «черный рынок» и подорвало систему бартерных сделок.

Успешная экономическая реформа 1948 г. сопровождалась обострением политической ситуации в Германии. Несмотря на наличие сведений о подготовке обмена денежных купюр в западных зонах (западные губернаторы официально известили советскую сторону о предстоящей реформе только за два дня до ее проведения, но оперативные данные позволяли проследить весь ход подготовки), СВАГ не предприняла каких-либо мер, предупреждающих появление в Восточной Германии массы обесцененных старых марок, способной подорвать потребительский рынок. С этого момента не только в Германии в целом, но и внутри самого Берлина в обращении стали циркулировать

две различные денежные единицы, что создало серьезные сложности в работе советской администрации.

В конце февраля 1948 г. просоветские силы пришли к власти в Чехословакии. Тогда западные лидеры удвоили свои усилия по созданию Западной Германии и включению нового государства в европейскую систему экономического восстановления по американским лекалам. В ответ советские власти выступили с требованием о предоставлении им права осматривать составы военного назначения, идущие из западных зон Германии в Берлин. Среди берлинского населения стал быстро распространяться военный психоз. Немалую роль в подспудно назревавшем кризисе сыграл и личностный фактор, прежде всего непримиримая антисоветская позиция американского генерала Клея, назначенного военным комендантом Западного Берлина.

Очевидным недостатком Клея было отсутствие сколько-нибудь значимого боевого опыта. В годы Второй мировой войны он пробыл на театре военных действий лишь несколько месяцев. Об опыте боевого сотрудничества советских и американских войск он имел самое смутное, приблизительное представление. Направляясь в Германию, к месту своего нового назначения, Клей отнюдь не был настроен на какое-либо тесное взаимодействие с советскими властями. В результате с первых же шагов он сознательно пошел на обострение и без того сложных отношений между союзниками. Несмотря на возражения своих западных коллег в Союзной администрации, генерал Клей настоял на быстром восстановлении механизма самоуправления в Германии. Кроме того, он потребовал передать процесс денацификации страны под контроль самих немцев. Это привело к определенным осложнениям во взаимоотношениях Клея даже с британским главнокомандующим в Германии маршалом Королевского воздушного флота Ш. Дугласом, считавшим эти действия преждевременными.

В марте 1948 г. напряженность в отношениях между бывшими союзниками достигла своего пика после инцидента, происшедшего на заседании Союзной контрольной комиссии. В ходе ее работы глава советской делегации маршал В. Д. Соколовский покинул зал заседания, заявив, что действия западных держав в их зонах оккупации фактически парализовали деятельность

комиссии. Уход советской делегации был вызван атмосферой недоверия и подозрительности, сложившейся в Контрольном Совете. В частности, западные союзники обвиняли советское правительство в том, что оно предпринимает «слишком энергичные меры» для создания коммунистического правительства в восточной зоне. Запад заявлял также о наличии некоего «всеобъемлющего советского плана» в отношении Германии, разработанного «специальной комиссией». В ее состав якобы входили шесть высших немецких штабных офицеров и два влиятельных бывших члена организации «Стальной шлем».

Не оставалась в долгу и советская сторона, также подозревавшая западные державы в «нечистоплотной игре». Маршал Соколовский неоднократно настаивал на неприемлемом для западной стороны условии: предоставить советским властям право выдавать торговые лицензии на всей территории Берлина. Даже незначительного повода в установившейся обстановке нетерпимости между бывшими союзниками было достаточно для разрыва отношений. Однако инициативный выход советской стороны из Контрольного Совета был явно поспешен. Его негативно восприняло и немецкое население советской зоны оккупации, и даже политические союзники. Бюро информации СВАГ периодически фиксировало это в своих документах и обзорах. Так, член Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Х. Шлегель, комментируя уход маршала Соколовского с заседания Контрольного Совета, заявил: «Соколовский показал, чего стоят заявления Советского Союза о своей воле к единству Германии и миру. Русские постоянно утверждают, что они правы, но на деле выходит, что их понятие права совершенно другое, чем у остального мира».

Еще более резко выказывали недовольство представители других политических партий, деятельность которых была разрешена СВАГ в соответствии с договоренностями в Ялте и Потсдаме. Помимо Коммунистической партии Германии, в советской зоне официально возобновили свою деятельность Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Христианско-демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия (ЛДП) и Объединение свободных немецких профсоюзов. В апреле 1946 г. коммунисты и социал-демократы объединились

в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Нежелание сторон искать и даже обсуждать какие бы то ни было компромиссы в своих взаимоотношениях загоняло ситуацию в тупик.

В этих условиях Москва приступила к подготовке своего «ответа» бывшим союзникам в наиболее уязвимом для них месте. Таким местом являлись коммуникационные линии, ведущие из западных зон оккупации Германии в Западный Берлин. Четко согласованных норм, регламентировавших систему коммуникаций между западными оккупационными зонами и соответствующими секторами Берлина, не было. По завершении войны для этой цели просто было выделено несколько шоссе и железных дорог, а также три «воздушных коридора».

После сепаратной Лондонской конференции по германскому вопросу в феврале-июне 1948 г. был разработан план «контрольно-ограничительных мероприятий на коммуникациях Берлина и советской зоны с западными зонами оккупации Германии». Он представлял собой программу давления на западных союзников путем введения транспортной («кроме ограничений по воздушному сообщению») блокады западных оккупационных секторов Берлина. Осуществление плана возлагалось на Главнокомандующего Группой Советских оккупационных войск (ГСОВГ) и руководителя Советской военной администрации в Германии (СВАГ) Маршала Советского Союза В. Соколовского.

25 марта 1948 г. В. Соколовский подписал приказ «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации в Германии», в котором начальнику транспортного управления СВАГ предписывалось обеспечить сокращение до минимума движения пассажирских поездов и транспортов американских, английских и французских войск. Через два дня, в соответствии с его же приказом «Об усилении охраны и контроля на внешних границах Большого Берлина», были введены существенные ограничения на передвижение людей и транспортные перевозки через берлинские границы. 15 апреля американской стороне было предложено эвакуировать подразделения войск связи, расположенные в советской зоне оккупации в Веймаре. 31 марта советское правительство заявило, что деятельность «подрывных и террористических элементов»

обусловливает необходимость принятия более жестких мер для регулирования движения между Берлином и западными зонами, и ввело целый ряд ограничений, резко сокративших объем движения транспортных средств в город. При этом движение военных эшелонов из западных зон оккупации вообще было прекращено.

Раздраженный действиями советского командования, американский военный комендант в Германии генерал Клей направил в Берлин несколько эшелонов с вооруженной охраной и приказом не допускать никаких проверок и инспекций со стороны русских. Однако эшелоны уперлись в советские блокпосты, перекрывшие доступ в Берлин. Не дожидаясь санкции Вашингтона, Клей приказал доставлять необходимые грузы самолетами. Одновременно он перекрыл все виды поставок из западных зон в советскую. В последующем советские действия получили в западной литературе наименование «детской блокады». Однако и после отмены «детской блокады» Советский Союз продолжал оказывать давление на западные державы с целью заставить их отказаться от односторонних действий в западных зонах оккупации.

В итоге в Вашингтоне возобладала точка зрения, согласно которой Советский Союз не готов к чрезмерно решительным действиям. По мнению директора ЦРУ США Р. Хилленкветтера, жесткая и твердая позиция западных держав по берлинскому вопросу в целом сама по себе является сдерживающим фактором при любых действиях Москвы. Эта точка зрения нашла понимание у Трумэна, который однозначно считал, что любые советские уступки или колебания являются прямым следствием твердости США. В то же время он сознавал, что американское общественное мнение не настроено на крупный вооруженный конфликт с Советским Союзом по поводу Берлина. Это подтверждали его гражданские и военные советники. Так, начальник штаба армии генерал О. Брэдли в разговоре с Клеем выразил мнение, что американский народ не разделяет стремления нести ответственность за Берлин в случае угрозы возникновения там войны. Такую же точку зрения во многом разделяли и союзники США. В середине апреля американское посольство в Лондоне сообщило, что британские лидеры счи-

тают: уход западных держав из Берлина — это лишь вопрос времени. Одновременно они предложили в качестве будущей столицы Западной Германии выбрать город Франкфурт. В свою очередь, и французы считали, что утрата Берлина не станет особой трагедией, и предостерегали своих союзников от слишком рискованных действий по берлинской проблеме.

Наличие многочисленных противоречивых мнений по берлинской проблеме привело к тому, что США так и не успели разработать четкий план действий на случай чрезвычайной обстановки в Берлине. Поэтому временное приостановление всех грузовых и пассажирских перевозок, введенное советскими властями 24 июня 1948 г. и означавшее не что иное, как начало полномасштабной блокады, вновь застало США врасплох. Это произошло несмотря на то, что уже 12 июня советская военная администрация под предлогом ремонта закрыла автомобильный мост через Эльбу. Эта акция носила в большей степени политический характер. Советские представители говорили, что блокада будет продолжаться, пока Запад не откажется от намерения создать западногерманское правительство.

24 июня в советской зоне была осуществлена собственная реформа, в ходе которой на старые марки были наклеены особые купоны. Экономическая опасность притока денежной массы с Запада была, таким образом, в значительной степени снята. Блокада же Западного Берлина являлась средством давления на западные державы с целью вынудить их к уступкам на переговорах. Итог акции оказался обратным.

С началом блокады соединения и части ВВС Группы Советских оккупационных войск в Германии были приведены в состояние повышенной степени боевой готовности. Это, естественно, не означало приказ открывать огонь по транспортам недавних союзников, но в ведущих столицах мира этого не знали. Там царили напряженность и страх перед неизвестным будущим. Работала логика эскалации конфликта — уступки, компромиссы, отступление в этих условиях напрочь исключались обеими сторонами. Для американцев это означало бы полную компрометацию их новой европейской политики, являвшуюся для них важнейшим послевоенным приоритетом. Генерал Клей и его политический советник Мэрфи настаивали на жестком

Воздушный мост в Западный Берлин. 1948 г.

противостоянии Москве, вплоть до применения военной силы. Фактически их позиция заключалась в решимости идти до конца, не останавливаясь даже перед угрозой развязывания третьей мировой войны между СССР и западными державами.

В американской столице развернулась острая дискуссия в отношении путей выхода из кризиса. Ряд политических и военных деятелей исходил в своих рекомендациях из военно-стратегической целесообразности пребывания в Берлине. Другие руководствовались преимущественно политическими соображениями. Первые опасались, что жесткое выполнение взятых на себя обязательств вынудит США развернуть значительный военный потенциал в Европе, что одновременно резко повысит риск развязывания войны на относительно малом

и крайне уязвимом для обороняющихся участке территории. Эта позиция в обобщенном виде поддерживалась главой президентского аппарата, многими высокопоставленными военными деятелями, включая министра армии и некоторых советников генерала Клея. Сторонники другой точки зрения исходили из того, что США не могут оставить Берлин без непоправимой «потери лица» на международной арене. Наиболее яркими адвокатами этой точки зрения были Клей и Мэрфи.

Однако по мере развития берлинского кризиса в Вашингтоне сложилось единое мнение, что уход из Берлина станет непоправимым ударом по престижу США. Оптимальное решение из создавшейся тупиковой обстановки в отношениях между странами Запада и СССР по вопросу Берлина было неожиданно подсказано самой жизнью. В первые дни кризиса генерал Клей в качестве временной меры для доставки продовольствия в западные сектора Берлина прибегнул к использованию транспортных самолетов. И это неожиданно оказалось эффективным. В конечном счете был выбран именно этот вариант, хотя в тот момент никто в США не был уверен, что для преодоления кризиса этого окажется достаточно. Мало кто верил, что воздушный мост сможет длительное время бесперебойно обеспечивать жителей западных секторов Берлина всем необходимым. К примеру, представители американских ВВС на заседании совета национальной безопасности 15 июля отозвались о воздушном мосте как о полумере. Но уже 22 июля на заседании того же совета национальной безопасности генерал Клей безапелляционно гарантировал эффективность воздушного моста. В ходе обсуждения проблемы было принято решение об увеличении воздушных поставок. Так, только за один день, 18 сентября 1948 г., американские и английские военно-транспортные самолеты доставили 7 тыс. т продовольствия, горючего, снаряжения и др. И все же, несмотря на большой объем перевозимых грузов, жители Западного Берлина по-прежнему испытывали значительные трудности, особенно в связи с нехваткой топлива в зимний период.

«Воздушный мост» функционировал в течение 300 дней. Вокруг этого предприятия на Западе была организована громкая пропагандистская кампания. Берлин изображался «аванпостом

свободного Запада», который необходимо отстоять любой ценой. Грамотно спланированная и проведенная кампания принесла ощутимые плоды. СССР оказался в затруднительном положении, а в американцах немцы начали видеть своих подлинных защитников.

В качестве средства «сдерживания Москвы» Трумэн приказал 15 июля направить на территорию Великобритании две группы стратегических бомбардировщиков В-29, способных нести ядерное оружие. Ни ядерного оружия на борту, ни приспособлений для его транспортировки на самолетах не было. Но в Москве этого не знали. Игра велась опасная. Неясность в отношении намерений Запада могла подтолкнуть Советский Союз на крайние меры, вплоть до инициирования военных действий. Но и в Соединенных Штатах на протяжении всего кризиса не прекращалась отработка различных сценариев возможных ответных действий. Так, проведенная в самый разгар Берлинского кризиса осенью 1948 г. штабная игра «Пэдрон» показала американскому военно-политическому руководству, что выиграть войну против Советского Союза США не сумеют даже с помощью ядерного удара силами своей авиации.

В свою очередь, СССР не мог прервать воздушное сообщение, налаженное западной стороной, не идя на риск войны. Неожиданный успех в организации воздушного моста западными союзниками нельзя отнести к безусловным просчетам московских аналитиков — даже в западных столицах первоначально не было особой уверенности в его эффективности, пока жизнь не подтвердила обратного. Безусловным просчетом советского руководства стала явная недооценка экономических трудностей, с которыми столкнется находящаяся под его контролем восточная зона Германии в случае полной изоляции от Запада.

28 июня, спустя четыре дня после введения блокады, советские и восточногерманские власти провели тщательное обсуждение экономических последствий свертывания транспортных и торговых связей с Западом. Аналитический доклад содержал вывод о весьма сложных последствиях блокады для восточногерманской промышленности. До этого весь расчет делался на то, что экономика восточной зоны сможет выжить даже

в условиях блокады. Тем не менее скорее из пропагандистских соображений советская администрация объявила о повышении норм выдачи продовольствия в своей зоне оккупации. Это привело, однако, к обратному результату — к росту отрицательных настроений.

Ситуацию усугубили серьезные события, произошедшие в советской зоне оккупации. 9 сентября 1948 г. состоялась демонстрация восточных немцев у Бранденбургских ворот. Сначала митингующие выдвигали экономические требования, затем из толпы все чаще стали раздаваться политические лозунги антисоветской направленности. Кто-то из митингующих сорвал советский флаг. Со стороны советских солдат раздались одиночные выстрелы по толпе. События 9 сентября не оказались досадной случайностью. Они стали вспышкой недовольства политикой советских властей, накопившегося у части немецкого населения в восточной части Берлина. Вооруженное подавление демонстрации привело лишь к нарастанию антисоветских настроений в Восточном Берлине. Этому способствовали и проведенные восточногерманскими властями многочисленные аресты среди нарушителей общественного порядка.

К концу февраля 1949 г. в результате встречной контрблокады Западом восточной зоны Берлина практически прекратились поставки из Западной Германии продовольствия, химикатов, стали и других видов жизненно важной продукции, что не замедлило сказаться на экономическом состоянии Восточной Германии. Создававшаяся обстановка и осознание неудачи с проектом блокады Берлина многое объясняет в последующей уступчивости СССР. Кризис сопровождался неожиданными поворотами. Уже в самом начале советское руководство, столкнувшись с умелой организацией воздушного моста западными союзниками, стало намекать, что готово на такой оригинальный способ разрешения конфликта, как обмен территорий. Речь шла, в частности, о ряде территорий в Тюрингии или Саксонии, входивших в советскую зону оккупации, на западные секторы в Берлине.

3 августа 1948 г. в переговорах между Сталиным и представителями трех западных правительств советский лидер заявил, что готов снять блокаду, если западные державы согласятся на

совместное коммюнике, в которое будет включено положение о «непоколебимой позиции советского правительства», несогласного с лондонскими решениями, фактически декларировавшими намерение создать ФРГ. США, однако, отказались даже рассматривать это пожелание. В предложенном американской стороной тексте коммюнике, отправленном в Москву 6 августа, слова Сталина не нашли никакого отражения. Это вынудило министра иностранных дел Молотова заявить, что содержание коммюнике полностью отличается от того текста, который был согласован тремя днями ранее. После долгих месяцев дипломатического тупика Сталин в конце января 1949 г. в интервью американскому журналисту намекнул на готовность Советского Союза рассмотреть возможность снятия ограничений на поставки в Берлин, если одновременно будет снята и контрблокада.

4 мая 1949 г. состоялись секретные переговоры между представителями СССР и США в ООН, в результате которых две стороны согласились отказаться от любых видов блокадных действий. Тем самым первый Берлинский кризис подошел к концу. Советская блокада Западного Берлина, длившаяся 343 дня, закончилась. Несмотря на относительно мирное протекание кризиса, в ходе его несколько раз возникали ситуации, грозившие большой войной между двумя сверхдержавами. Берлинский кризис стал своеобразной пробой на взаимное истощение. Советский Союз на этот раз был вынужден отступить. Основными, глубинными причинами провала блокады являлись в первую очередь тяжелое экономическое и политическое положение в самой советской зоне оккупации и очевидные успехи западных союзников в организации воздушного моста. США и Великобритания действительно проделали большую работу. К осуществлению воздушного моста было привлечено 575 самолетов (405 американских и 170 английских), из которых по разным причинам было потеряно 19 машин. Было совершено 277 264 полета в Берлин и доставлено 2,35 млн т грузов. Всего на работах по обеспечению воздушного моста было занято 57 тыс. человек.

Берлинский кризис показал, что и Запад, и СССР не хотели крупномасштабного военного конфликта. Одновременно он

привел к окончательному расколу Германии на два государства. В сентябре 1949 г. была провозглашена Федеративная Республика Германии, в которую вошли три западные оккупационные зоны, в октябре того же года — Германская Демократическая Республика, созданная на территории советской оккупационной зоны.

В разгар берлинского кризиса с 15 по 22 июля 1948 г. в Рюдесхайме состоялось совещание министров — президентов западных земель, в ходе которого берлинский обер-бургомистр Эрнст Рейтер призвал к скорейшему созданию западногерманского государства-«ядра» с включением в него Западного Берлина. Участники совещания подтвердили решение о созыве Учредительного собрания к 1 сентября 1948 г. Но затем термины «Учредительное собрание» и «конституция» были сняты во избежание дискуссий о сепаратизме. Из представителей земельных ландтагов был сформирован Парламентский совет, получивший полномочия по разработке Основного закона западногерманского государства как временной конституции, призванной действовать до окончательного решения вопроса о воссоединении Германии.

В апреле 1949 г. Парламентскому совету был передан разработанный тремя державами «Оккупационный статут», закрепляющий контроль США, Великобритании и Франции над внешней политикой Западной Германии, ее внешней торговлей и зарубежными активами, системой безопасности, а также конституционный контроль. 8 мая 1949 г. Парламентский совет принял Основной закон Федеративной Республики Германии, одобренный военными губернаторами 12 мая (по совпадению в тот же день вступило в силу межсоюзническое соглашение о прекращении «блокады» Берлина и западной «контрблокады»). Торжественный акт обнародования Основного закона 23 мая стал днем образования ФРГ. Преобразование института военных губернаторов в институт Верховных комиссаров западных держав в Германии 20 июня 1948 г. закрепило предоставление Западной Германии ограниченного суверенитета.

Одновременно происходило и становление восточногерманского государства. Еще в 1947 г. в советской зоне начал функционировать Немецкий народный конгресс (ННК). В ходе его

первого заседания в декабре 1947 г. была поставлена задача по развертыванию широкого народного движения за единую Германию. Второй ННК в марте 1948 г. выдвинул инициативу проведения референдума во всех немецких землях по поводу принятия закона о единстве Германии. Но одновременно был образован Немецкий народный совет, получивший полномочия по подготовке проекта конституции восточногерманского государства. Такой проект был подготовлен представителями Социалистической единой партии Германии и принят на заседании Немецкого народного совета 19 марта 1949 г. Третий ННК, состоявшийся 29–30 мая 1949 г., утвердил конституцию Германской Демократической Республики и провозгласил ведущей политической силой межпартийный Национальный фронт демократической Германии. 7 октября 1949 г., когда была образована временная Народная палата, стал официальным днем образования ГДР. Раскол Германии завершился. Он сохранялся в течение последующих 40 лет.

Последняя Парижская сессия СМВД, работавшая в мае-июне 1949 г., не предотвратила этот процесс. Германский вопрос превратился в одну из наиболее сложных международных проблем послевоенной истории.

* * *

Черчилль своей речью в Фултоне объявил о холодной войне против Советского Союза. Но он не мог ее начать, поскольку перестал быть премьер-министром Великобритании. К тому же его страна, ослабленная войной и проблемами своей колониальной империи, не могла возглавить этот поход против СССР.

Для реализации идеи Черчилля понадобились объединение сил развитых капиталистических стран и более мощный лидер. Эту роль взяли на себя Соединенные Штаты. Они развернули активную деятельность в идеологической, политической, экономической и военной областях в качестве гаранта капиталистической системы. Советское руководство также активно укрепляло свои позиции в Европе и Азии.

Консолидация социалистического и капиталистического лагерей сопровождалась ограниченными конфликтами в политической и экономической сфере. Берлинский кризис 1948 г.

наглядно показал, что противоборствующие стороны не готовы идти на прямое военное столкновение. В то же время именно в первые послевоенные годы обрели реальность проблемы, оказавшие существенное влияние на ход холодной войны. К ним можно отнести сохранение американского военного присутствия в различных странах мира в мирное время, появление двух германских государств в центре Европы, отказ от разоружения и подмена его контролем за вооружениями.

1.6. Гонка вооружений

Противостояние в идеологии, политике и экономике не могло не проявиться в военной сфере. В результате вместо разоружения после кровопролитной и разрушительной войны мир оказался втянутым в достижение военного превосходства над предполагаемым противником, в гонку вооружений.

США в качестве лидера и «гаранта» капиталистического мира делали ставку при достижении своих целей на применение силы или угрозы ее применения в любом районе земного шара. «Национальная безопасность сегодня, — указывалось в первом докладе американского министра обороны, — не может ограничиваться лишь Соединенными Штатами. Она должна охватывать весь мир» [59]. Для обеспечения национальной безопасности, согласно официальным источникам, необходимо иметь: военное превосходство над любым иностранным государством или группой государств; прочные внешнеполитические позиции; военную организацию, способную успешно противостоять военным и подрывным действиям извне или изнутри в открытой или скрытой форме [60].

Для выполнения задачи по защите американских интересов в различных районах мира непрерывно, в мирное и военное время на вооруженные силы США возлагалось две функции: «устрашения» и «обороны». Под устрашением понимается спланированное и постепенное принуждение противника угрозой применения силы к действиям на американских условиях. Оборона означает непосредственное использование вооруженных сил (с объявлением и без объявления войны).

Хиросима после атомной бомбардировки

Основным направлением формирования двух послевоенных международных центров силы оказалось атомное оружие как конечный аргумент в военном противостоянии двух систем. 16 июля 1945 г. в Аламогордо (штат Нью-Мексико) впервые была испытана атомная бомба. После намека Сталину на Потсдамской конференции на наличие у США атомной бомбы американский президент США Трумэн потребовал сбросить атомную бомбу на Японию не позднее 10 августа. Такая спешка обуславливалась тем, что в середине августа в войну с Японией должен был вступить Советский Союз. В этой обстановке американское руководство полагало, что атомный удар, а лучше — два заставит японцев капитулировать до того, как советские армии хлынут в оккупированные Японией Китай, Корею, а может быть, и на японские острова. И приказ был отдан.

Было уже светло, когда американский бомбардировщик подлетал к Хиросиме. Город был легко узнаваем в лучах яркого утреннего солнца. Цель была видна издалека во всех подробностях, и второй заход не понадобился. Бомба была нацелена точно в центр города. Было 8 часов 15 минут. Взрыв ее произошел на высоте около 700 м. Хиросима исчезала в пелене дыма и гари.

Исполнители приговора Хиросиме и Нагасаки Т. Фриби и К. Бехан

Через 20 минут после взрыва бомбы генералу Фаррелу, заместителю начальника «Манхэттенского проекта», было доложено: «Результаты во всех отношениях абсолютно очевидные и успешные. Рекомендуются немедленные действия для осуществления других планов. Визуальный эффект большой, чем в Аламогордо. Цель — Хиросима... на борту самолета все нормально».

Вслед за успешным боевым применением атомного оружия в Соединенных Штатах была начата разработка принципов его использования в будущей войне. 19 сентября 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США опубликовал документ «Основы для формулирования военной политики США». «Наше правительство... — говорилось в документе, — должно оказывать давление с целью быстрого разрешения спорного вопроса политическими средствами, в то же время осуществляя все приготовления для того, чтобы нанести первый удар» [44, с. 162]. В развитие сентябрьского документа в ноябре 1945 г. было подготовлено исследование ОКНШ «Стратегическая уязвимость России для ограниченного

воздушного нападения». Авторы этого документа анализировали возможности превентивного ядерного удара по Советскому Союзу в случае, если «Советский Союз или начал агрессию (в Европе или Азии), или появились явные признаки того, что возможна агрессия против Соединенных Штатов» [61]. Тем самым в американскую военную доктрину включалось положение о превентивном первом ударе, наносимом по усмотрению США. Превентивный удар, согласно американской военной науке, проводится по стране или группе стран, возможности которых (экономические, геополитические, демографические, военно-политические и др.) могут представить военную угрозу в обозримом будущем. Упреждающий (преэмптив) удар наносится, когда вооруженные силы противника изготовились к нападению. Цель такого удара — сорвать нападение.

Для нанесения атомных ударов предполагалось использовать стратегические бомбардировщики. В марте 1946 г. они были сведены в стратегическое авиационное командование (САК). В его состав вошли 279 самолетов, в том числе 148 Б-29. А в 1947 г. военно-воздушные силы получили административную независимость и стали самостоятельным видом вооруженных сил США¹. Согласно докладу Комитета военного планирования при ОКНШ от ноября 1945 г., было необходимо отобрать приблизительно 20 целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории. При выборе целей рекомендовалось учитывать возможности нового оружия, то есть иметь в виду площадь эффективного поражения районов с высокой концентрацией материальной части и живой силы. Использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети, по мнению авторов доклада, было нерационально. К наиболее выгодным целям для атомных бомб были отнесены индустриальные центры, в которых сосредоточено много научно-исследовательских учреждений, специализированных промышленных предприятий, ядро государственного аппарата [62].

Вопросы подготовки к ведению войны с применением атомного оружия определялись стратегией «превентивной войны» (1945–1948). Ею предусматривалось обеспечение решения двух

¹ См.: Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 554.

задач: «уменьшить мощь и влияние Москвы» и «осуществить коренные изменения в теории и практике международных отношений, осуществляемых правительством, находящимся у власти в России» [63]. Основным средством ведения войны против Советского Союза считалось атомное оружие. В 1946 г. у США было всего 9 атомных бомб, в июле 1947-го — 13, в 1948-м — 50 [64]. Затем производство атомного оружия ускорилося, и в 1949 г. Соединенные Штаты располагали уже 250 атомными бомбами [65].

Стратегические бомбардировщики, предназначенные для нанесения атомных ударов, при базировании на американском континенте не могли достичь намеченных на территории СССР объектов. Дальность действия В-29 составляла 6000 км, тогда как расстояние от Нью-Йорка до Москвы — 7505 км, от Сан-Франциско до Хабаровска — 7762 км. Поэтому в директиве № 432/Д Комитета военного планирования от 14 декабря 1945 г. предлагалось использовать для В-29 авиабазы на Британских островах, в Италии (Фоджа), Индии (Агра), Китае (Чэнду) и на Японских островах (Окинава). Однако некоторые объекты в СССР и при этом варианте находились вне досягаемости для тогдашних стратегических бомбардировщиков. В связи с этим планировалось, что часть бомбардировщиков на обратном маршруте будет садиться или имитировать «вынужденную посадку» на территории дружественных или нейтральных стран.

Первый план войны против СССР был разработан американским Комитетом начальников штабов (КНШ) в июне 1946 г. (кодовое название — «Пинчер»). План, составленный, как указывалось, на случай непредвиденных обстоятельств, исходил из того, что советско-американская война произойдет в 1946 или 1947 г. с предварительным угрожаемым периодом не менее трех месяцев. В приложении к плану «Пинчер» содержались плановые наметки по атомной бомбардировке и разрушению 20 советских городов с наиболее развитой промышленностью [66]. В список были включены Москва, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

План считался «экспериментальным», что отражало неуверенность Комитета начальников штабов относительно количества атомных бомб, которое нужно было использовать для поражения целей в СССР. Сомнения усугублялись тем, что планирование «воздушно-атомной» стратегии проводилось без учета реально имеющихся и производимых в стране атомных боеприпасов и боевых возможностей авиации. К весне 1947 г., по данным американской комиссии по атомной энергии, США имели «не более дюжины атомных бомб, ни одна из которых не была готова к немедленному применению, производилось же их по две штуки в месяц»¹. Кроме того, в ходе работы над «Пинчером» планировщики из КНШ вдруг обнаружили, что многие советские города — объекты ударов — находились за пределами досягаемости бомбардировщиков В-29 даже при старте из стран Европы. В плане отмечалось, что для «воздушно-атомного» наступления и поражения нефтедобывающих районов Баку необходимо использовать территорию Турции, а недосыгаемость глубинных районов СССР для американской стратегической авиации того времени требует создания новых типов бомбардировщиков и более близких к СССР авиабаз.

Поэтому Комитет начальников штабов продолжал интенсивно разрабатывать более реальные планы атомного нападения на СССР. На свет каждый год стали появляться новые, усовершенствованные планы воздушно-атомного нападения на социалистический блок: «Бройлер» (1947), «Граббер» (1948), «Флитвуд» (1948) и другие. В этих планах уточнялись (и множились) главные объекты ударов; просчитывалась протяженность маршрутов стратегических бомбардировщиков; определялось количество атомных бомб для достижения нужного эффекта бомбардировок; учитывался минимально необходимый «неприемлемый» урон, который понесет противник в результате атомного нападения; предусматривались способы преодоления противовоздушной обороны противника. В ходе планирования небывалой войны выяснилось, что воздушно-атомное нападение могло стать эффективным только при действиях авиации

¹ Herken G. The Winning Weapon. The Atomic bomb in the Cold War. N.Y., 1980. P. 197.

из районов передового базирования — островов Рюкю (Япония), а также с баз в Англии, Египте и Индии, которые еще предстояло создать.

А тем временем шли споры, какие объекты удара считать первостепенными. И в 1948 г. пришли к заключению, что целесообразно наносить в первую очередь удары по «политическим, правительственным, административным, техническим и научным компонентам Советского государства» и в особенности — «ключевым правительственным и административным органам в городах». Было выбрано 24 города в СССР, по которым планировалось нанести 34 атомных удара, а общая для поражения Советского Союза потребность исчислялась в 400 атомных бомб¹. Однако план этот был иллюзорным, поскольку ежемесячный темп производства атомных боеприпасов в США составлял в 1947–1948 гг. всего четыре бомбы. В начале 1948 г. командование ВВС, уже имевшее к тому времени 31 бомбардировщик-носитель атомного оружия, запланировало довести к ноябрю 1949 г. число самолетов-носителей до 120 единиц [67].

Поскольку нанесение атомных ударов по СССР предусматривалось в первые дни войны, в плане ставился вопрос о том, что ВВС должны заранее иметь в своем распоряжении атомные бомбы². Но для поражения объектов далеко в глубине территории СССР было нужно иметь достаточно передовых баз, выдвинутых поближе к границам Советского Союза. Для них требовались хорошо оборудованные аэродромы, имеющие достаточно длинные взлетно-посадочные полосы с твердым покрытием, современные навигационные системы, склады горючего и боеприпасов, в том числе атомных, ремонтные мастерские и т. д. В странах Азии и Африки еще остались со времен войны крупные авиабазы, но их нужно было срочно модернизировать. Кроме того, надо было иметь на это официальное разрешение. Американское министерство обороны, однако, спешило. Поэтому для передового базирования решили использовать в первую очередь уже имевшиеся вполне современные авиабазы на территориях европейских союзников.

¹ Herken G. Op. cit. P. 227–229.

² Herken G. Op. cit. P. 248.

В связи с этим встал вопрос о переброске части стратегических бомбардировщиков и атомных боеприпасов на Британские острова. Великобритания была готова пойти навстречу. Еще в марте 1946 г. Черчилль призывал к продолжению «тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей... и обеспечению взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами» [68]. Уже через две недели после окончания военных действий в Европе начальник имперского генерального штаба фельдмаршал А. Брук приступил к подготовке меморандума о военных мероприятиях, «направленных против России».

В первом полугодии 1946 г. Комитет начальников штабов Великобритании разработал планы войны против Советского Союза с применением атомного и бактериологического оружия. По тогдашним расчетам британских военных специалистов, бомбардировочная авиация, действуя с Британских островов, могла нанести удары по 58 советским городам с населением 100 тыс. человек в каждом, расположенных на расстоянии 1500 миль (1700 км) от Великобритании. При увеличении дальности полета до 1850 миль (около 3700 км) авиация могла поразить еще 21 город на территории СССР. Предлогом для официального размещения американских стратегических бомбардировщиков с атомными бомбами на британской территории стал Берлинский кризис летом 1948 г. К осени обстановка вокруг Берлина практически нормализовалась, однако девяносто В-29 с атомными бомбами стали постоянно базироваться в Великобритании. Американская пропаганда не скрывала целей этой акции. Журнал «Ньюсуик» писал: «Американская стратегия исходит из создания баз вокруг сферы влияния русских с последующим нанесением ударов с воздуха. США не намерены сражаться по принципу «солдат за солдата». Наполеон и Гитлер допустили подобную ошибку и были проглочены Россией, имевшей колоссальные людские резервы. Американские стратеги предпочитают окружать Россию кольцом военно-воздушных сил»¹.

¹ Newsweek, 1948.

По мере роста запасов атомных бомб количество целей на территории СССР увеличивалось. В 1948 г. предусматривалось уничтожение уже 60 советских городов с помощью одновременного массированного удара 133 атомными бомбами. При этом на одну Москву отводилось 8 бомб, а на Ленинград — 7 [67, с. 68–71, 69]. Если бы война затянулась, то против Советского Союза предполагалось использовать примерно 200 бомб, что привело бы к уничтожению 40% промышленности и гибели 7 млн людей. Атомная война должна была вестись на истребление населения и разрушение жилищной и промышленной инфраструктуры и, по американской терминологии, должна была носить «тотальный» характер. Вот как такая война оценивалась в сентябре 1946 г. в докладе «Американская политика в отношении Советского Союза»: «Надо указать Советскому правительству, что мы располагаем достаточной мощностью не только для отражения нападения, но и для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим, ибо его промышленность и естественные ресурсы широко расщеплены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия и дальних бомбардировщиков... Война против СССР будет «тотальной» в куда более страшном смысле, чем любая прежняя война, и поэтому должна вестись постоянная разработка как наступательных, так и оборонительных видов вооружения» [70].

Тотальная война требовала и «тотального» охвата союзников. Военно-политическое руководство США особенно беспокоило то, что из-за небольшого числа атомных бомб и их носителей атомные удары с воздуха хотя и значительно ослабят Советский Союз, но сами по себе не приведут к его поражению. После атомных ударов достижение окончательной победы возлагалось на сухопутные войска США и их союзников, а также силы флота, которые должны были обеспечить снабжение американской действующей армии и охранять морские коммуникации. В документе Комитета начальников штабов США от 9 апреля 1947 г. подчеркивалось: «Районы, на которые распространяются оборонительные обязательства США, охватывают наземное и водное пространство примерно от Аляски до Филиппин и Австралии в Тихом океане и от Гренландии

до Бразилии и Патагонии в Атлантическом океане. В это пространство входит 40 процентов суши, но всего лишь 25 процентов населения Земли. Старый Свет (Европа, Азия и Африка) охватывает 60 процентов суши. Однако там проживает 75 процентов населения...» [47, с. 115].

Для выполнения этих задач после Второй мировой войны потребовалось уточнить потребные силы и средства. После того как Военно-воздушные силы стали самостоятельным видом вооруженных сил, между ВВС и ВМС возникли разногласия по получению доступа к атомному оружию. Военно-морские силы настаивали на создании для них специального морского носителя атомного оружия. Активная позиция морского ведомства в вопросах использования атомного оружия получила название «адмиральского бунта». Результатом бурных дискуссий между представителями видов вооруженных сил США стал исполнительный приказ американского президента в конце марта 1948 г., в котором были уточнены состав и функции видов американских вооруженных сил [71].

Сухопутные войска (по американской терминологии — армия) состояли из регулярных войск, национальной гвардии и резервов. Регулярная армия включала боевые объединения, соединения и части, находящиеся в полной боевой готовности на территории США и за границей. Национальная гвардия была представлена милиционными соединениями и частями на территории Соединенных Штатов. Они подчинялись федеральным властям и губернаторам штатов. Личный состав национальной гвардии в мирное время состоит на гражданской службе. Он призывается в случае войны или чрезвычайного положения. По закону 1952 г. резервы делились на три категории. Наиболее важный резерв первой очереди включал части и подразделения (организованный резерв) и резервистов индивидуального боевого резерва. Резерв первой очереди являлся основной мобилизационной базой регулярной армии. Резервы второй и третьей очереди состояли из отставников и уволенных из вооруженных сил.

Получило развитие деление сухопутных войск на рода войск и службы. К родам войск были отнесены части и подразделения, непосредственно участвующие в боевых действиях (пехота,

бронетанковые войска, артиллерия, армейская авиация, инженерные войска) или выполняющие задачи боевого обеспечения (войска связи, военная полиция, химические войска, войсковая разведка). Инженерные, химические войска и войска связи относились и к службам, поскольку они обеспечивали боевые соединения и части соответствующим имуществом. Службы включали части и подразделения, решающие задачи административного, тылового и специального обеспечения. Такое деление определялось тем, что в американских вооруженных силах военнослужащие занимают должности, связанные только с выполнением боевых задач. Обеспечение может осуществляться гражданскими служащими.

Военно-воздушные силы США состояли из стратегической авиации, тактической авиации и военно-транспортной службы. После Второй мировой войны только в стратегической авиации имелись носители атомного оружия. С принятием на вооружение межконтинентальных баллистических ракет они были включены в состав стратегической авиации. Резерв ВВС состоял из авиационных и обслуживающих частей и подразделений военно-воздушных сил национальной гвардии и резерва ВВС, а также отдельных резервистов. В 1951 г. был создан так называемый резерв гражданской авиации. В него ежегодно резервируется определенное количество самолетов частных компаний для использования в военных целях через 48 часов с начала военных действий. Выделяемые гражданские самолеты приспособляются к межконтинентальным перевозкам личного состава и военных грузов¹.

Военно-морские силы США включали надводные силы флота, представленные боевыми надводными кораблями основных классов. В подводные силы флота входили подводные лодки, в том числе планируемые носители атомного оружия. Воздушные силы состояли из палубной и базовой авиации флота и авиации морской. Вспомогательный флот располагал судами подвижного тылового обеспечения и тылового обслуживания. Самостоятельным видом вооруженных сил исторически является морская пехота. Она организационно входит в ВМС США.

¹ Военный зарубежник. 1961. № 10. С. 75, 77.

Картины «тотальной» войны против СССР не скрывались от мировой общественности. Американский журнал «Кольерс» в номере от 27 октября 1951 г. писал: «Советское правительство должно изменить свои взгляды и политику. Если этого не произойдет, то, несомненно, придет день, когда это правительство исчезнет с лица Земли». По сценарию «Кольерса», война началась 14 мая 1952 г. Поднявшись с аэродромов Англии, Франции, Италии, Японии и Аляски, эскадрильи тяжелых бомбардировщиков В-36 сбрасывали атомные бомбы на наиболее важные военные и промышленные объекты Советского Союза. Ежедневно над советской территорией разбрасывались с воздуха миллионы листовок. Тысячи агентов спускались на парашютах для ведения саботажа и разрушения систем связи. 22 июля атомную бомбу взорвали над Москвой. В журнале публиковался «наиболее вероятный» репортаж с борта бомбардировщика, приводился рисунок атомного взрыва недалеко от Кремля.

Пропаганда не сильно отличалась от реальных планов атомной войны. В 1949 г. специальный комитет во главе с генерал-лейтенантом Х. Хармоном разработал для президента (доложен 23 января 1950 г.) доклад о возможностях США нанести поражение Советскому Союзу. В докладе указывалось, что если с помощью новых тяжелых бомбардировщиков В-36 удастся сбросить на объекты в СССР 200 атомных бомб, то в результате этого удара погибнет 2,71 млн человек, получат ранения 4 млн и «в огромной степени была бы осложнена жизнь 28 млн человек» [47, С. 125]. Однако и при этом условии США все еще не хватало сил, чтобы уничтожить Советский Союз или помешать Красной Армии и его союзникам захватить Европу и Азию. На основе доклада Хармона КНИИ информировал руководство США, что «решающий удар», вероятно, невозможен до середины 50-х гг. Комитет начальников штабов считал необходимым, чтобы военная промышленность США к 1953 г. выпустила 400 атомных бомб, каждая из которых по мощности равнялась бы плутониевой бомбе, сброшенной на Нагасаки.

Эти идеи нашли отражение и в новом американском плане ядерной войны против СССР (кодовое наименование — «Дропшот»), который был утвержден президентом Трумэном в 1949 г. В плане подчеркивалось, что «наиболее серьезную

угрозу национальной безопасности США представляет... сама природа социалистического строя». В соответствии с этим главная политическая цель войны заключалась уже не в ограничении «мощи и влияния Москвы», как в предыдущих планах, а в ликвидации советского социалистического государства, уничтожении «корней большевизма», реставрации капитализма и колониализма и установления с помощью Североатлантического союза американского мирового господства. Главная стратегическая цель состояла в том, чтобы «во взаимодействии с союзниками... уничтожить советскую волю и способность к сопротивлению путем стратегического наступления в Западной Евразии и стратегической обороны на Дальнем Востоке» [72].

План предусматривал начать войну против СССР массированными ударами стратегической авиации по административно-политическим и промышленным центрам нашей страны, а также районам сосредоточения войск. Планировалось на первом этапе в течение 30 суток сбросить на Советский Союз 300 атомных и 200 тыс. т обычных бомб. Авторы плана рассчитывали таким путем сломить волю и способность советского народа к сопротивлению и принудить Советский Союз к капитуляции. В случае если массированные атомные бомбардировки не приведут к быстрой капитуляции СССР, предполагалось продолжить бомбардировки атомными и обычными бомбами.

Последующие этапы включали вторжение сухопутных войск США и их союзников в СССР, захват его территории и территорий стран народной демократии с применением не только атомного, но и других видов оружия массового поражения: химического, биологического и радиологического. На этот счет в плане «Дропшот» говорилось: «В данной кампании упор делается на физическое истребление противника». В дальнейшем планировалось установление оккупационного режима на территории СССР, расчленение страны на оккупационные зоны с дислокацией американских войск в ключевых городах СССР, а также в ряде городов государств Восточной Европы. После разгрома СССР и его союзников в Европе планировалось захватить КНДР, МНР, Китай и всю Юго-Восточную Азию [47, С. 241]. Предусматривались также

операции психологической войны, направленные на подрыв морального духа населения СССР.

Для того чтобы убедиться в правильности расчетов КНШ, было проведено командно-штабное учение по выведению из строя девяти стратегических районов: Москва — Ленинград, Урал, объекты Черноморского побережья, Кавказ, Архангельск, Ташкент, Алма-Ата, Байкал, Владивосток. Результаты оказались неутешительными. Вероятность достижения целей составила 70%, потери участвовавших в воздушном наступлении бомбардировщиков превышали 55%¹. Учение выявило ряд просчетов в планировании и обеспечении первого удара, из-за которых воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно. Атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда могли быть осуществлены только на 9-й день войны. В то же время расчеты показывали, что, например, базы на Британских островах будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР с применением атомного оружия максимум через два месяца. Стало ясно, что стратегическая авиация США, нанеся значительный урон городам СССР в первом ударе, не может продолжать боевые действия из-за недостаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания. А советские войска к этому времени, по расчетам участников учения, уже выйдут на берега Атлантического и Индийского океанов. Получалось, что план войны против СССР, разработанный министерством обороны США, приводил к утрате в первые месяцы войны Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Начальник оперативного управления штаба ВВС доложил 11 апреля 1950 г. министру авиации, что военно-воздушные силы США не могут выполнить все задачи воздушного наступления, предусмотренного планом, и обеспечить имеющимися силами противовоздушную оборону территории США и Аляски². Кроме того, успех планируемого воздушного нападения зависел от живучести передовых баз, а они легко могли быть выведены противником из строя.

Трезвый анализ «атомных возможностей» США показал иллюзорность планов нападения на Советский Союз [63, Р. 303].

¹ См.: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1985. С. 53.

² Там же. С. 54.

К тому же в 1949 г. СССР ликвидировал атомную монополию США. Это вынудило американское военно-политическое руководство выработать новую стратегию, получившую название стратегии «сдерживания». В соответствии с ней при определении характера атомной войны руководствовались концепцией «центральной войны».

Согласно концепции «центральной войны», применение атомного оружия являлось обязательным условием ведения военных действий для воюющих сторон. Не исключалось их распространение на территорию Советского Союза и Соединенных Штатов. Вывод об уязвимости американской территории в случае атомной войны оказал существенное влияние на военное строительство США. Основная ставка уже делалась на повышение боеспособности всех видов вооруженных сил при одновременном сохранении превосходства в атомном оружии и средствах его доставки. В меморандуме совета национальной безопасности США СНБ-68 указывалось в связи с этим: «Без совокупной превосходящей военной силы, находящейся в состоянии боевой готовности и быстро мобилизуемой, политика устрашения, являющаяся практически политикой спланированного и постепенного принуждения, будет не более чем блефом» [73]. Это положение легло в основу концепции «сбалансированного развития» всех трех видов вооруженных сил США. Кроме того, Соединенными Штатами был определен «периметр обороны» вокруг Советского Союза. В Европе он проходил по линии границ со странами народной демократии, в Азии — вдоль Алеутских островов к Японии и далее к островам Рюкю и Филиппинам [74].

Соединенные Штаты, в отличие от Великобритании и Франции, уделили особое внимание добыче информации и технологий военно-промышленного комплекса фашистской Германии. Полученные сведения и материальная часть были активно включены в развернувшуюся после Второй мировой войны гонку вооружений. Захваченные американскими войсками в поверженной Германии ракеты «Фау-1» и «Фау-2» легли в основу разработки американского ракетного оружия, а вывезенные в США немецкие специалисты под руководством американцев занимались их совершенствованием.

Работы по созданию ракетного оружия были развернуты еще в 1945 г. Первоначально центром работ был арсенал Редстоун (штат Алабама), находившийся в ведении армии США. К 1950-м гг. в Редстоуне уже работало до 400 немецких и американских специалистов. Они образовали ядро ракетного центра, в котором на базе «Фау-2» создавалась под руководством немецкого ученого В. Брауна американская баллистическая ракета «Редстоун» с дальностью действия до 300 км. Велись также работы над ракетой «Капрал» с дальностью стрельбы 160 км. Однако эти ракеты могли применяться только для поддержки сухопутных войск и были совершенно непригодны для ударов по объектам в глубине стран-противников и тем более — СССР.

Военно-воздушные силы самостоятельно занялись разработкой стратегических ракет (дальность — свыше 5000 км) и ракет средней дальности (1000–1500 км). Для руководства работами в области создания ракетного оружия ВВС США создали Главное управление научных исследований и разработок в этой области военной техники. В 1952–1957 гг. ВВС израсходовали свыше 1850 млн долларов на ракетное оружие (армия — более 1260 млн долларов).

Параллельно с работами над баллистическими ракетами широким фронтом велись разработки моделей крылатых ракет, которые в то время еще продолжали называть самолетами-снарядами. Однако у крылатых ракет того времени были и существенные недостатки: низкая точность поражения целей.

Советский Союз в 1945 г. имел самую мощную и боеспособную сухопутную армию. Она сокрушила военную машину фашистской Германии и ее союзников. Квантунская армия Японии в Манчжурии была разгромлена менее чем за месяц. А ведь японские войска опирались на многолетние оборонительные сооружения, перед которыми, образно говоря, был пристрелян каждый кустик. Не было и внезапности. Наступление Красной Армии началось после денонсирования Договора о нейтралитете. Но разоренная войной страна была не в состоянии продолжать военные действия, как бы ни распространялся в западной пропаганде миф об агрессивности СССР. На повестке дня в Советском Союзе стоял только вопрос о демобилизации.

По окончании войны 12-миллионные вооруженные силы военного времени были сокращены до 2,8 млн человек. Но основные ударные силы, оставшиеся в строю, были сосредоточены в оккупационных зонах Германии, Австрии и Венгрии. По мере восстановления советского народного хозяйства большое внимание уделялось и совершенствованию вооруженных сил. В течение 7–8 послевоенных лет вооруженные силы были переоснащены более совершенными образцами автоматического оружия, артиллерии, инженерной, радиолокационной техникой и другими современными видами вооружения и техники. Особое внимание обращалось на модернизацию танков и авиации. Была осуществлена полная моторизация и механизация Советской Армии.

Получили дальнейшее развитие и взгляды на использование подвижных войск и авиации. Главным видом военных действий считалось стратегическое наступление, проводимое методом последовательного достижения промежуточных стратегических целей силами всех видов вооруженных сил. Это положение советской военной доктрины того времени, хотя она и не публиковалась, было хорошо известно на Западе. Известно было и то, что основными способами ведения стратегической наступательной операции в этой доктрине считались окружение и уничтожение группировки противника.

В отличие от американских взглядов, где приоритет отдавался уничтожению экономического потенциала (что, однако, сопровождалось большей, чем военные потери, гибелью гражданского населения), в советских взглядах на войну преобладала идея уничтожения в первую очередь вооруженных сил противника. Это различие беспокоило военно-политическое руководство западных стран. В наземных боевых действиях потери личного состава более значительны, чем в морской или воздушной войне. Об этом наглядно свидетельствовал опыт Второй мировой войны. Безвозвратные потери Соединенных Штатов и Великобритании в ее ходе составили 375–400 тыс. человек. СССР потерял до 11 млн военнослужащих, фашистская Германия — 7 млн.

Советский Союз, занятый восстановлением народного хозяйства, не имел никаких планов нападения на бывших союзников по антигитлеровской коалиции. 23 июня 1945 г. был принят

закон «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». Его выполнение началось немедленно и проводилось в несколько этапов. К 1948 г. в народное хозяйство перешло 8,5 млн человек. Вооруженные силы насчитывали 2874 тыс. военнослужащих [75].

Наступательные действия сводились к контрнаступлению лишь как к ответной мере. В 1946–1947 гг. в СССР был разработан и утвержден «План активной обороны территории Советского Союза». В нем основные задачи вооруженных сил определялись следующим образом: армия отпора, опираясь на укрепленные районы, должна разбить противника в полосе приграничной зоны обороны и подготовить условия для перехода в контрнаступление основных группировок войск, сосредоточенных на западных границах социалистического лагеря. ВВС и ПВО, входящие в армию отпора, имеют задачей надежно прикрыть с воздуха главные силы и быть в готовности к отражению внезапного нападения авиации противника. Войска резерва Главного командования предназначаются для сокрушительного, при использовании сил армии, отпора и удара по главным силам противника, нанесения им поражения и контрнаступления. Масштабы и глубина контрнаступления в плане не указывались [76].

В советском плане не указывалось, но западные военные аналитики, зная о группировке, сосредоточенной на западных границах социалистического лагеря, ее высокой боеспособности и больших возможностях советской военной техники, а также о скромном военном потенциале стран Западной Европы, не без оснований полагали, что после развязывания американцами воздушно-атомной войны советские танковые соединения через две недели будут у берегов Ла-Манша. Таким образом, Западная Европа становилась заложником в случае войны между США и СССР.

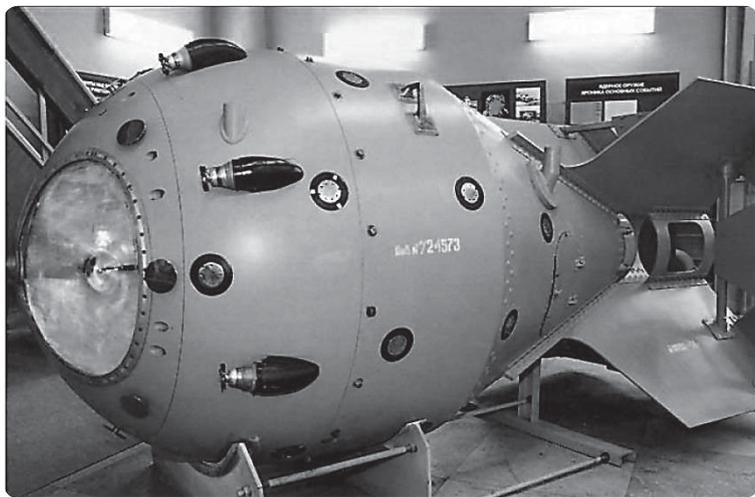
Средства массовой информации США и стран Западной Европы в связи с этим усиленно запугивали обывателей западных держав следующим сценарием военных действий. В Генеральный штаб советских вооруженных сил поступают уточненные разведанные об усилении западноевропейской группировки войск и признаках повышения ее боеготовности. Об этом

докладывают западные источники информации (самолеты-разведчики, агентурная сеть в Западной Европе, перебежчики и т. д.). Армии государств социалистического лагеря приводят-ся в полную боевую готовность. С аэродромов взлетают сотни военно-транспортных самолетов с крылатой пехотой на борту. Задача воздушно-десантных дивизий и бригад — захват стратегических объектов (штабов, узлов связи, аэродромов) и диверсии в тылу противника. Советские танковые армии, круша все на своем пути, совершают марш напрямик до Ла-Манша. Суточный темп продвижения — до 250 км. Приказ — только вперед. Инженерные войска наводят понтонные мосты через реки. В небе полное господство советской истребительной авиации. Бомбардировщики и штурмовики совместно с артиллерией наносят удар по местам дислокации живой силы и техники противника. Сухопутные войска «зачищают» захваченные территории. Советские военные политработники разъясняют выжившему местному населению освободительную миссию Советской Армии.

В то же время советское руководство понимало, что в военной области появилось принципиально новое оружие. Намек Трумэна об атомной бомбе был понят правильно благодаря советской разведке. Первоначально, летом 1946 г., в СССР планировалось изготовить бомбы двух типов: плутониевую и урановую. Однако проведенные теоретические расчеты и эксперименты показали, что урановая бомба имела низкую эффективность, точнее малый коэффициент «вредного действия», и требовала большего количества урана-238, а это чрезвычайно усложнило бы производство. Поэтому решено было сконцентрировать усилия на плутониевой бомбе.

К весне 1949 г. основной объем работ по плутониевой бомбе был проделан — началась окончательная отработка конструкции, способа сброса и системы подрыва первой отечественной атомной бомбы «РДС-1»¹. Затем — испытания. Они должны были подтвердить правильность избранного метода для создания атомного оружия. Для них было выбрано место — полигон № 71 ВВС недалеко от Керчи, рядом с поселком Багерovo. В со-

¹ Эта аббревиатура имела такое значение: «Россия Делает Сама».

Первая атомная бомба СССР — «РДС-1»

ответствии с программой испытаний самолет-носитель должен был сбросить пять образцов бомб не с ядерным, а с обычным зарядом, но имеющих систему идентичных взрывателей. Летные испытания имитаторов бомбы были успешно завершены. Однако из-за низких темпов накопления плутония к лету 1949 г. изготовили только один заряд. Поэтому от «самолетного варианта» пришлось отказаться. Для взрыва РДС-1 выбрали полигон № 2.

Полигон № 2 создавался на стыке трех областей — Карагандинской, Павлодарской и Семипалатинской, на территории Восточного Казахстана. Выбор определялся тем, что там была пустынная местность, почти не заселенная на десятки километров. Кроме того, эта равнина — дно древнего высохшего моря — окружена была в радиусе 10 км довольно высокими сопками. И наконец, эта область Восточного Казахстана лежит в центре Советского Союза, удалена от границ, от посторонних глаз, что идеально обеспечивало скрытность разворачиваемого предприятия.

В Генеральном штабе был создан специальный отдел, руководивший строительством полигона. Возглавил его генерал-майор инженерно-технической службы В.А. Болятко. Специалисты Министерства обороны содействовали научно-исследовательским институтам в изучении всех поражающих факторов атомного взрыва, а также занимались чисто военными задачами: воздействием взрыва на местность, постройки, технику и т. д. Они несли ответственность и за эксплуатацию полигона. Но для того, чтобы вести всю эту работу, требовались кадры, специалисты различных военных профессий, и их необходимо было обучить, подготовить к исполнению новых, во многом неведомых им обязанностей. Нужно было изучить десятки инструкций, учебных пособий, графиков, чертежей, овладеть основами ядерной физики. И все это было «совершенно секретно», причем настолько «совершенно», что большинство привлеченных к новой работе — а было собрано около ста человек — знало только то, что им предстоит выполнить «важное правительственное задание». Весной и летом 1948 г. большая часть личного состава полигона № 2 разъехалась по различным исследовательским учреждениям в зависимости от специальности, которой надо было окончательно овладеть каждому для решения предстоящей общей задачи.

Между тем для тех, кто был непосредственно привлечен к строительству полигона, картина постепенно прояснялась. Полигон оказался весьма обширным и сложным объектом. Он раскинулся на десятки километров и состоял из трех зон, удаленных одна от другой на значительные расстояния. Все это в чертежах выглядело как гигантский треугольник с основанием в 70 км и катетами по 160 км. Население с этой территории переселили в другие районы. На берегу Иртыша в 160 км от Семипалатинска разместилась так называемая жилая зона. В ней был жилой городок (площадка «М»), постройки лабораторной группы (площадки «О» и «Д»), казармы, складские помещения и базы. Другая зона — опытное поле, где и должно было производиться испытание атомной бомбы (площадка «П»), по соображениям безопасности было удалено от Семипалатинска на 180 км и на 70 км от жилой зоны. Вблизи опытного поля планировалось оборудовать вспомогательные площадки «Ш»

и «Н». Базовый аэродром и перевалочная база находились в Семипалатинске.

18 апреля 1948 г. на аэродроме Семипалатинска совершил посадку самолет Ли-2. Он доставил сюда командование полигона № 2 — начальника полигона генерала П.М. Рожановича, его заместителя — начальника тыла полковника П.Ф. Ладыгина и других ответственных руководителей военного проекта. Зимой 1947/48 г. 9 тыс. военных строителей построили здесь земляночные городки, проложили и поддерживали в рабочем состоянии грунтовые дороги между Семипалатинском и зонами учебного полигона № 2, провели разведку местных источников строительного сырья — камня, песка, глины — и начали их добычу. К весне 1948 г. была закончена постройка временных подсобных предприятий: арматурного, опалубного, деревообрабатывающего цехов в Семипалатинске, а также складских помещений. Были оборудованы на берегу Иртыша временные причалы на период навигации, размещены электростанции и насосные установки.

В августе 1948 г. на полигоне появилась комплексная бригада проектировщиков Государственного специализированного проектного института № 2 (ГСПИ-2), руководство которой вскоре после ее прибытия возглавил П.В. Васильев. Строители стали получать чертежи, где уже были учтены имеющиеся на месте материалы и оборудование, оперативно решались вопросы по сметам. В сентябре начались по ночам удивительные для этих мест ранние заморозки. К ноябрю строители закончили первые два шлакоблочных и два деревянных общежития. Но их на всех не хватало. Люди зимовали в котельных, в насосной, в землянках — везде, где можно было хоть как-то согреться ночью.

Суровая зима Восточного Казахстана диктовала свои условия. Чтобы как-то ускорить строительство жилых и производственных помещений, к приемке их были привлечены специалисты, в эксплуатацию которых эти помещения должны были перейти. Этим достигалось улучшение качества работ, сокращалось число недоделок. Но главным объектом, во имя которого развернулось в дикой степи все это гигантское строительство, была зона, именуемая опытным полем, — тот участок территории, на котором должны были идти испытания секретного

военного изделия. Готовясь к этим испытаниям, предстояло, прежде всего, укомплектовать войсковую часть необходимыми кадрами. А подготовку самого поля к испытаниям должны были вести специально обученные люди, профессионалы высокого класса, специалисты различных областей военного дела. Поэтому срочно требовалось укомплектовать команду опытного поля толковыми, знающими дело людьми.

К концу 1948 г. в штат опытного поля входили три сектора: физических измерений, биологический и вооружения, — а каждый из них состоял из лабораторий (в различных документах они именовались то отделениями, то отделами). Сектора и лаборатории были укомплектованы хорошо подготовленными профессионалами и возглавлялись видными в соответствующих областях специалистами. Так строилась работа по укомплектованию поля квалифицированными кадрами. Некоторые начальники лабораторий имели ученые степени. Однако дело было настолько новым, что все нуждались в повышении своих знаний. Поэтому вторая важнейшая задача подготовки к предстоящим испытаниям атомной бомбы состояла в том, чтобы вооружить личный состав всех подразделений знаниями об аппаратуре, привлекаемой на испытания, и методиках измерения новых, соответствующих бомбе параметров.

Основной базой обучения личного состава сектора физических измерений стал Институт химической физики (ИХФ) Академии наук СССР, возглавлявшийся академиком Н. Н. Семеновым. Научным руководителем подготовки офицеров самого опытного поля являлся заместитель директора этого института. Обучение личного состава проводили специалисты Института химической физики. Они же стали научными руководителями соответствующих лабораторий сектора. Привлекались к обучению офицеров также специалисты Государственного оптического института. Головным центром подготовки сотрудников биологического сектора стал Главный военный госпиталь им. Бурденко.

Сотрудники сектора вооружений готовились к испытаниям самостоятельно, непосредственно на полигоне. Подготовка специалистов сектора физических измерений облегчалась тем, что в Москве к этому времени уже работал ядерный реак-

тор в лаборатории измерительных приборов Академии наук СССР (будущий Институт атомной энергии им. И.В. Курчатова). На этом реакторе получали гамма-источники искусственной радиоактивности, кобальтовые и цезиевые. Эти источники привозили в Институт химической физики. Радиоактивные источники помещались в свинцовые контейнеры. Из хранилища их переносили в лаборатории, вынимали из контейнеров и устанавливали в требуемом месте. И так несколько раз в день. Помещений у сотрудников было мало, работать приходилось иногда в той же комнате, где происходила градуировка приборов. Естественно, что при такой «технике безопасности» избежать излучения было невозможно. И хотя радиоактивные источники были довольно слабые, но за день набиралась доза от 0,05 до 0,1 рентгена. Однако как бы там ни было, к началу 1949 г. учебная подготовка сотрудников поля в основном была закончена и все специалисты, а также необходимая для работы аппаратура сосредоточены на полигоне.

В период подготовки и проведения первого атомного взрыва на полигоне был установлен чрезвычайный, жесткий режим сохранения секретности работ. Не было ни одного случая осознанного нарушения режима секретности или каких-либо враждебных действий. Можно с полным правом сказать, что огромный коллектив сотрудников полигона, понимая всю свою ответственность за успешное решение задачи государственной важности, трудился во имя ее исполнения, не щадя сил и здоровья. Были недостатки в работе, но они проистекали главным образом из-за новизны дела. Вот такое было поколение людей.

При подготовке первого атомного взрыва было немало проблем с дозиметрической аппаратурой, необходимой для обеспечения радиационной безопасности при проведении испытания. Начинать пришлось с нуля. Никакой дозиметрической аппаратуры для работы в полевых условиях попросту не существовало. В сжатые сроки необходимо было создать такую аппаратуру для проведения радиационной разведки на земле, в районе взрыва, для авиационной разведки и дозиметрического контроля облучения участников испытаний по возвращении их из зараженных районов. Вся эта работа была развернута на базе Института биофизики Академии медицинских наук СССР. Соз-

дать новую аппаратуру в сжатые сроки подготовки полигона к испытанию было немыслимо. Оставалось одно: приспособить к работе в полевых условиях уже имевшиеся лабораторные образцы и макеты. Для радиационной разведки района взрыва были оборудованы два танка со снятыми орудийными башнями. Днище и борта танков были обиты свинцовыми листами, а впереди них на штанге были выставлены измерительные датчики. Аналогично дооборудовали и несколько автомашин. Для авиационной разведки дозиметры и рентгенометры размещались на обычном транспортном самолете. А проверка дозы облучения, полученной участниками испытаний, производилась с помощью индивидуальных фотокассет.

Колорит того времени проявлялся в каждой на нынешний взгляд мелочи. Программный автомат пуска подрыва (АП, как его называли на полигоне) должен был обладать абсолютной надежностью, так как по его командам включались в работу все измерительные приборы. Ответственность осуществлявшего пуск многократно увеличивалась еще и потому, что производился подрыв единственного в стране атомного заряда. Второго такого еще не было. Повторить эксперимент было невозможно.

С началом 1949 г. темп работ на испытательном полигоне нарастал с каждым днем. Главным объектом было опытное поле. Оно представляло собой ровную необозримую площадку примерно в 400 кв. км. В центре ее была построена металлическая башня высотой в 30 м, на которой устанавливалось «изделие»¹. Все поле было обнесено проволочным ограждением радиусом 10 км, постоянно охранялось по периметру. Оно было разделено на сектора, в которых размещались боевая техника, вооружение и различные инженерные сооружения.

По северо-восточному и юго-восточному радиусам были построены приборные сооружения («башни»), в которых устанавливались измерительные приборы и автоматическая скоростная оптическая аппаратура. Часть датчиков и индикаторов устанавливалась открыто, а часть — в боевой технике и воору-

¹ Выбор «башенного варианта» был предопределен тем, что если бы бомба в первый раз по каким-либо причинам не взорвалась, то после устранения неполадок были бы возможны новые попытки. При сбросе с самолета такой возможности не могло быть, так как при ударе о землю бомба разрушалась.

жении. По северо-восточному радиусу открыто на местности размещалась основная группа животных — лошадей, овец, поросят, собак, морских свинок, белых мышей. Большая группа животных находилась в боевой технике и инженерных сооружениях: в танках, траншеях, на артиллерийских позициях, в дотах, а также в двух трехэтажных домах и промышленном цехе, построенных на дистанции 800, 1200 и 1500 м по северо-восточному радиусу.

В секторах, отведенных под тот или иной вид техники, на дистанции от 250 м до 3 км устанавливались самолеты различных типов, а также поднятые в воздух на тросах аэростаты с гирляндами измерительных приборов, танки Т-34, артиллерийские орудия, в том числе зенитные, и минометы, надстройки боевых кораблей, образцы химического вооружения, образцы техники, связи, многие виды продовольственного и вещевого снабжения, окопы, блиндажи, траншеи и т. д., и т. п. В центре поля, непосредственно под башней, на горизонтах 10, 20 и 30 м под землей были проложены подземные галереи длиной примерно по 30–40 м.

Все это при испытании первого «изделия» не только позволило определить мощность атомного взрыва, его основные физические параметры, но и проверить устойчивость к воздействию взрыва основных видов оружия и боевой техники, а также защитные свойства различных сооружений и танков при воздействии поражающих факторов взрыва на личный состав, находящийся в этих объектах.

Накануне первого испытания советской атомной бомбы высшее руководство решило провести генеральную репетицию. Она была назначена на 27 августа. Все службы и подразделения должны были работать так же, как в день проведения взрыва. Утром 27 августа приступили к подготовке приборных сооружений. Подзаряжались аккумуляторные батареи, настраивались установленные в сооружениях приборы. После обеда специально образованные комиссии приступили к окончательной проверке и опечатыванию сооружений. Эта процедура длилась весь день и закончилась поздно ночью. Кроме того, потребовалось привлечь очень много людей и транспортных средств для перевозки и размещения на поле огромного количества воору-

жения, имущества, животных. Нужно было развернуть службу радиационной безопасности, а также комендантскую службу учета въезжающих на опытное поле и выезжающих с него: ведь на поле не должно было быть оставлено ни одного человека.

На командном пункте остался ограниченный круг лиц. По условиям безопасности с командного пункта разрешалось сквозь затемненные очки наблюдать вспышку атомного взрыва, а затем немедленно, не более чем за 30 секунд, нужно было успеть укрыться внутри сооружения и не выходить из него до прохода ударной волны. Лица, ответственные за своевременное закрытие дверей, тренировались проделывать эту операцию с предельной быстротой. Остальные участники испытаний сосредоточивались в выжидательном районе за пределами опытного поля. Генеральная репетиция прошла успешно. Решено было назначить испытания на утро 29 августа.

29 августа 1949 г. наступил решающий день испытания первой атомной бомбы в Советском Союзе. Все участвующие были напряжены до предела. На рассвете стало известно, что из-за вероятного ухудшения погоды и возможной грозы время начала эксперимента — взрыв — перенесено на один час раньше (до этого планировалось произвести подрыв заряда в 8:00, то есть в 5:00 по московскому времени). За полчаса до взрыва оператор нажал пусковую кнопку. Механизм подготовки «изделия» к взрыву пришел в действие. За минуту до подрыва заряда по команде Курчатова была нажата главная кнопка.

Как вспоминают свидетели взрыва, над опытным полем стояла стена пыли высотой в несколько километров и столь же протяженная. Ничего нельзя было рассмотреть, кроме нескольких ближайших сооружений. Увиденное поражало не красотой, а громадными масштабами явления. Когда прошла ударная волна, наступило время проверки результатов эксперимента. Первым на поле выехал на специально оборудованном свинцовой защитой танке заместитель министра здравоохранения. Он имел схему сооружений, расположенных по северо-восточному радиусу поля. Проезжая мимо сооружений, он должен был в зависимости от отсутствия или наличия радиоактивности выпустить зеленую или красную ракету. Однако танк проходил рубежи 10 000, 5000, 3000 м, а взлетали только зеленые ракеты.

Наконец на 1800 м выстреливается красная ракета, свидетельствующая о том, что появилась радиоактивность. Это означало и то, что разрешается выезд на поле. Вслед за первым на поле выехали еще два танка, обшитые свинцовыми щитами. Танки пересекли эпицентр взрыва и замерили радиоактивность на поле. Тут же группа разведчиков службы безопасности оградила флажками границы опасной зоны. Затем группы специалистов исследовали результаты воздействия взрыва на технику, вооружение, инженерные сооружения, постройки, животных.

Часа через полтора после взрыва, когда пыль на поле рассеялась, стало видно, что ни башни в центре поля, ни жилых домов, в которых личный состав прожил несколько месяцев, ни промышленного цеха уже нет. Вздымались лишь столбы черного дыма от горевших складов нефтепродуктов. Были видны догорающие искореженные самолеты, сброшенный с опор железнодорожный мост, разрушенные постройки. Песок в радиусе нескольких сотен метров оказался сильно оплавленным. Кругом валялись изуродованные танки, орудия, другая боевая техника. Некоторые машины были отброшены на десятки метров от места, где они были поставлены. Проведенный эксперимент показал (хотя и не по всем параметрам), что атомный взрыв соответствует теоретическим представлениям, а значит, открывает путь к созданию более мощных образцов атомного оружия. Советский Союз стал ядерной державой.

3 сентября 1949 г. американский бомбардировщик В-29, совершивший очередной разведывательный полет в северной части Тихого океана близ границ СССР, при заборе пробы воздуха (такая задача ставилась всем самолетам, совершавшим разведывательные полеты в районах, граничащих с СССР) обнаружил повышенную радиоактивность. Проверка взятой пробы привела американских специалистов к выводу, что в СССР испытана атомная бомба. Известие об этом вызвало в Вашингтоне настоящий шок. Анализ радиоактивных образцов, произведенный американцами, показывал, что было испытано оружие на плутониевой основе и современной конструкции. Впоследствии председатель комиссии по атомной энергии Д. Лилиенталь так излагал свою первую реакцию на известие о советской атомной бомбе: «Вот оно то, чего мы боялись начиная с января 1946 г.,

с момента первого заседания нашей консультативной группы...» [47, с. 135–136].

Президент Трумэн и министр обороны Л. Джонсон, потрясенные провалом предсказаний и расчетов правительственных служб, с трудом верили фактам. Ведь Комитет начальников штабов в 1946 г. заверял президента, что «любая великая держава, начинающая с нуля и располагающая той информацией, которая ныне доступна, сможет осуществить эту цель в течение 5–7 лет, если она получит помощь в поставке и использовании специализированного оборудования и станков от наций, наиболее способных к производству атомных зарядов, и в период от 15 до 20 лет — без такой посторонней помощи». И вот вместо 20 лет через каких-то 3 года в Советском Союзе появилось атомное оружие. Несмотря на то что президент получил информацию об атомных испытаниях в СССР 12 сентября, он не решился сразу же объявить об этом. Только 23 сентября, почти через месяц после атомного взрыва на Семипалатинском полигоне, Трумэн сообщил миру: «Мы имеем свидетельства того, что несколько недель назад в СССР был произведен атомный взрыв». Это был тяжелый удар по американскому истеблишменту. По оценке Лилиенталя, советское испытание «коренным образом изменило обстановку».

Вслед за опубликованием этих заявлений в американской, английской и канадской печати, а также в печати других стран появились многочисленные высказывания, сеющие тревогу в широких общественных кругах. В связи с этим было опубликовано заявление Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС):

«В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов — строительство гидроэлектростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза.

Что же касается производства атомной энергии, ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще в ноябре 1947 г.

министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого секрета давно уже не существует». Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В.М. Молотова за блеф, считая, что русские смогут овладеть атомным оружием не ранее 1952 г. Однако они ошиблись, так как Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 г.

Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия.

Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия».

Как бы то ни было, заявление ТАСС было воспринято мировой общественностью с разноречивыми чувствами. Многие считали это шагом, который ставил преграду угрозе атомной войны. Неслучайно известный американский политический деятель Г. Киссинджер писал: «Советский Союз обладал еще одним преимуществом в первые послевоенные годы: растущим убеждением общественности несоветской части мира... в том, что ядерная война представляла собой неимоверную катастрофу» [77]. В Вашингтоне сообщение ТАСС вызвало бурю. Войнствующая часть общественности требовала немедленно развязывания превентивной атомной войны против СССР. Однако войны не произошло. Выяснилось, что США не смогут выиграть такую войну, даже нанести первый ощутимый для СССР удар. В конце 1949 г. США имели 840 действующих стратегических бомбардировщиков, способных нести атомные бомбы, и около 250 самих бомб. Конечно, и такое количество атомных боеприпасов было впечатляющим, но тактико-технические характеристики самолетов-носителей позволяли достичь Москвы, Ленинграда и других городов в Европейской

части СССР при действии с авиабаз Англии и других стран Западной и Южной Европы. Однако в то время таких баз было явно недостаточно, а главное, теперь это ставило под угрозу советского атомного удара западноевропейских союзников Соединенных Штатов, и это в значительной степени меняло мировую ситуацию.

Международная обстановка, сложившаяся к середине 1949 г., заставляла советское руководство торопиться. В дополнение к 840 американским стратегическим бомбардировщикам, способным нести атомные бомбы, и около 250 самих бомб весной того же года был создан военный Североатлантический союз (НАТО), направленный против СССР. В то же время Советский Союз не имел ни атомной бомбы, ни средств доставки ее на американский континент. Приближавшаяся победа коммунистических сил в Китае еще более обостряла обстановку в мире. Советскому Союзу нужно было срочно найти адекватный ответ на вероятную угрозу атомного нападения, а такие планы в США уже разрабатывались, уточнялись и совершенствовались.

Советское правительство и в первую очередь И.В. Сталин и Л.П. Берия (руководитель всех работ по атомной проблеме в СССР) настаивали на скорейшем создании Советским Союзом своего атомного оружия. В 1950 г. была поставлена задача создать авиационную атомную бомбу весом в 3 т и с эквивалентной мощностью в 25 кт тротила. Вес и габариты новой бомбы задавались в соответствии с тактико-техническими характеристиками проектировавшегося в конструкторском бюро Туполева перспективного бомбардировщика Ту-16. При одинаковой с имеющимся Ту-4 грузоподъемностью и дальностью полета этот реактивный самолет должен был летать вдвое быстрее, что существенно повышало его возможности на успешное преодоление ПВО противника.

А тем временем сотрудники коллектива Ю.Б. Харитона и Я.Б. Зельдовича разрабатывали два своих варианта оригинальных и технически более совершенных, нежели американская, бомб. Эти бомбы оказались в несколько раз легче американской и к тому же в несколько раз мощнее и имели оригинальный, совершенно отличный от американского, взрыватель. Но развернувшаяся холодная война требовала ответа на американ-

ский вызов. Поэтому научный коллектив Харитона вынужден был затормозить работы над собственными проектами, чтобы без промедления воссоздать американские бомбы, уже опробованные в Аламогордо, Хиросиме и Нагасаки.

В те же годы была разработана серийная бомба, имевшая при весе 3 т мощность в 40 кт тротила (в «РДС-1» было соответственно 5 т и 20 кт). Столь замечательные особенности бомбы были достигнуты благодаря принципиально новой конструкции системы, сосредоточивающей действие обычного взрыва на центральный атомный заряд. Бомба проектировалась в двух вариантах: «РДС-2» с чисто плутониевым и «РДС-3» с составным ураново-плутониевым зарядом.

Большие трудности возникали с получением высокообогащенного урана-235, используемого в ядерных зарядах. Задача оказалась гораздо более сложной технологической проблемой, чем накопление плутония. И все же проблема была решена. Одновременное освоение двух технологий разделения — газодиффузионной и электромагнитной — позволило использовать в ядерных зарядах уран-235, благодаря чему достигалась большая экономия крайне дорогого плутония.

Пока ученые создавали более совершенные атомные бомбы, на Семипалатинском полигоне полным ходом шла работа по подготовке к их испытанию. В 1951 г. состоялись испытательные взрывы созданных коллективом Ю.Б. Харитона двух атомных бомб. В отличие от 1949 г., когда наличия плутония едва хватало на один заряд, в 1951 г. оказалось возможным испытать сразу оба варианта бомб, каждый из которых был изготовлен в трех экземплярах. Было решено сначала взорвать бомбу «РДС-2» на башне, а «РДС-3» сбросить потом с самолета.

Бомба «РДС-2» испытывалась 24 сентября 1951 г. в условиях, близких к испытаниям «РДС-1». Для этого башня и все сооружения опытного поля на Семипалатинском полигоне были полностью восстановлены. Испытание «РДС-2» включало существенно новый элемент: проверку действия атомного взрыва на самолет Ту-4. Он пролетел над башней с таким расчетом, чтобы ударная волна от взрыва догнала его на удалении около 20 км от эпицентра. Самолет испытал сильный толчок от ударной волны, но никаких затруднений в пилотировании не возникло.

Через две недели в интервью газете «Правда» Сталин сказал: «Действительно, недавно было произведено у нас испытание одного из видов атомной бомбы. Испытания атомных бомб различных калибров будут проводиться и впредь по плану обороны нашей страны от нападения англо-американского агрессивного блока»¹. Далее, развивая эту тему, Сталин заявил, что советские атомные испытания не должны давать какие-либо основания для тревоги в США, где полагают, что они могут служить угрозой безопасности США. Он напомнил, что СССР не раз предлагал запретить атомное оружие и прекратить его производство, но «каждый раз получал отказ от держав Атлантического блока». Возможно, сказал в заключение советский лидер, что «сторонники атомной бомбы могут пойти на запрещение атомного оружия только в том случае, если они увидят, что они уже не являются монополистами».

Главное испытание состоялось 18 октября. На «выпускной экзамен» выходила первая авиационная атомная бомба «РДС-3». Цель для бомбометания представляла собой хорошо видимый белый круг. Сброшенная с высоты 10 км бомба через минуту свободного полета взорвалась на высоте 400 м на удалении около 300 м от цели. Экипаж самолета увидел очень яркую вспышку зеленоватого цвета. Через полторы минуты после взрыва все ощутили два быстро следовавших друг за другом толчка, сопровождавшихся сильным звуком. Это самолет догнала сначала падающая, а затем отраженная от земли ударная волна. Никаких повреждений самолета или травм экипажа не было, и он уверенно шел по курсу.

Создание атомной промышленности и героический труд участвующих в этом людей были скрыты за завесой секретности. Население страны оказалось в неведении об опасностях использования атомного оружия в военных действиях. В отличие от западной пропаганды советское руководство и средства массовой информации делали упор на борьбу за мир и предотвращение атомной войны. В декларации совещания коммунистических партий 1947 г. говорилось о реальных возможностях предотвращения войны [78]. В 1948 г. Сталин, отвечая на письмо канди-

¹ Правда. 1951. 9 окт.

дата на пост президента США Г. Уоллеса, писал: «Правительство СССР считает, что, несмотря на различие экономических систем и идеологий, сосуществование этих систем и мирное урегулирование разногласий между СССР и США не только возможны, но и, безусловно, необходимы в интересах всеобщего мира»¹.

Советский Союз также стремился модернизировать и обычное вооружение. Он не отказывался, как и США, от использования трофейных технологий в развернувшейся гонке вооружений. Советская авиация к началу 1950-х гг. имела в основном тактические бомбардировщики, предназначенные для поддержки сухопутных войск на театрах военных действий. В создавшейся военно-политической обстановке, когда противник взял курс на мировую атомную войну, советское руководство торопилось создать бомбардировщик дальнего действия. Было принято решение скопировать американский В-29 — четыре самолета были интернированы на нашем Дальнем Востоке после их вынужденных посадок из-за повреждений, полученных при бомбардировках Японии.

Еще в начале июня 1945 г. Туполев и его первый заместитель Александр Архангельский были приняты Сталиным, который сообщил о принятом решении скопировать бомбардировщик В-29. 6 июня вышло постановление Государственного комитета обороны, согласно которому конструкторскому бюро Туполева поручалось организовать производство «близнеца» В-29 — Б-4 («бомбардировщик четырехмоторный»). Заканчивалось это решение двумя пунктами: Туполеву — через год завершить выпуск всей необходимой технической документации, а директору Казанского авиазавода — еще через год построить первую серию из 20 машин. Вскоре стало ясно, что без коренного изменения технологии наших авиационных и металлургических заводов и других предприятий воспроизвести этот самолет не удастся. Подавляющее большинство технических решений, материалов и приборов, примененных фирмой «Боинг» при разработке В-29, были совершенно новыми для отечественной промышленности. В соответствии с личным указанием Сталина не допускалось ни малейшего отклонения ни в одной детали от американского

¹ Правда. 1948. 18 мая.

образца. «Оргвыводы» по нерадивым или строптивым главным конструкторам и директорам заводов были жесткими. Те из них, кто не желал копировать или только пытался доказать, что его собственная серийная разработка лучше американской, были уволены.

3 августа 1947 г. на традиционном воздушном параде в Тушино тройка самолетов Б-4 была впервые показана публике. Ценой невероятных усилий Советский Союз сумел за два года освоить сложнейшие технологии и дать своей военной авиации первоклассную машину. При постановке самолета на вооружение он был обозначен как Ту-4. Всего с 1948 по 1952 г. было выпущено около 850 машин. В историческом контексте видно, что создание и серийное производство самолета Ту-4 подготовило благодатную почву для подлинной революции в авиации — появления первого поколения советских реактивных самолетов, сначала военных, а затем и пассажирских. Для того чтобы сделать точную копию В-29, пришлось почти заново создать новую авиационную промышленность, изучить американскую технологию. И все это было сделано, причем в кратчайшие сроки.

Бомбардировщик Ту-4 мог действовать на расстоянии до 6000 км, а это означало, что самолеты Ту-4, взлетая с баз на территории нашей страны и стран Восточной Европы, могли достигать целей в Западной Европе, на Ближнем Востоке и в Японии. Для того чтобы увеличить дальность их полета, уже в начале серийного производства Ту-4 было решено оборудовать самолеты системой дозаправки в воздухе. В июле 1949 г. была впервые осуществлена автоматическая дозаправка¹. В 1952 г., после прохождения государственных испытаний, система дозаправки «с крыла на крыло» была принята вначале на Ту-4, а затем на новых реактивных бомбардировщиках Ту-16. Однако даже с дозаправкой эти самолеты не смогли бы действовать по целям на территории США: топлива хватало только туда. Поэтому уже в 1948 г. КБ Туполева получило задание на постройку сверхтяжелого четырехмоторного бомбардировщика с дальностью полета, достаточной для возвращения на свои аэродромы.

¹ Международная жизнь. 1993. № 12.

Кроме того, Ту-4 имел крупный недостаток. Это был поршневой (не реактивный) самолет, со сравнительно малой скоростью. А значит, он был легко уязвимой целью для уже имевшихся на вооружении ряда стран реактивных истребителей, обладавших большей скоростью и высотой полета. Уязвимость поршневой авиации, в частности В-29, наглядно показала война в Корее, в годы которой советские реактивные истребители МиГ-15 успешно сбивали В-29.

Требовалось создать реактивный бомбардировщик, могущий донести атомный боеприпас до объектов в глубине территории потенциального противника. Первым таким самолетом стал Ил-28 с дальностью действия 650 км и скоростью 900 км/ч. С аэродромов Восточной Германии он мог наносить удары практически на всю глубину территории континентальных стран Европы, а также Аляски. Имея высокую скорость и большую высоту полета, такой самолет становился трудной целью для систем ПВО Запада.

К весне 1952 г. по приказу Сталина должны были развернуть 100 бомбардировочных авиадивизий, укомплектованных реактивными бомбардировщиками. И хотя руководители ВВС пытались доказать главе государства, что потребность в таких самолетах, с учетом уже имевшихся, не превышала 60 дивизий, приказ начал выполняться. В штабе ВВС понимали, что для обеспечения деятельности этих 100 дивизий нужно было сформировать не менее 30 истребительных дивизий прикрытия и до 10 полков разведывательной авиации, подготовить не менее 10 тыс. летчиков, специалистов других профилей, выпустить 10 тыс. бомбардировщиков сверх плана, построить аэродромы, ангары, склады и т. п. В связи с этим в штабе ВВС было создано уже специальное управление для решения этой проблемы.

Советский Союз наряду с созданием атомного оружия и авиационными его носителями принимал меры и в области освоения ракетного оружия. После Второй мировой войны немецкие баллистические ракеты «Фау-2» и крылатые ракеты (самолеты-снаряды) «Фау-1» попали в качестве трофеев и американцам, и русским. Но, в отличие от США, в СССР немецкие ракетчики не сыграли существенной роли в развитии советского ракетного оружия. Однако немецкие ракеты «Фау-1» и «Фау-2» были

тщательно изучены и опробованы в испытательных пусках. В первые послевоенные годы конструкторская мысль в СССР продвинулась далеко вперед, и немецкий опыт был, конечно, использован.

Сразу после войны, на основе постановления Совета министров СССР от 13 мая 1946 г., в октябре того же года был принят «План важнейших опытных работ по реактивному вооружению на 1946–1948 годы». Им предусматривалось создание отечественных баллистических ракет с дальностью полета 270 км — к декабрю 1948 г., 600 км — к октябрю 1949 г. [79].

Основой советского ракетостроения стал НИИ-88, обосновавшийся в Подлипках. Там был собран цвет конструкторской мысли Советского Союза. Работа над ракетами строилась на основе кооперации, с привлечением ведущих ученых каждой отрасли. По отдельным направлениям были назначены главные конструкторы в соответствующих министерствах. В.П. Глушко в Министерстве авиационной промышленности стал главным конструктором ракетных двигателей. В Министерстве промышленности средств связи создается НИИ-885 для разработки всего радиокомплекса и автономного управления, необходимого для ракет. Главным конструктором назначен М.С. Рязанский, а его замом по системам автономного бортового управления — Н.А. Пилюгин. В.Н. Кузнецов назначается главным конструктором стартовых комплексов и заправочного оборудования. У каждой из головных организаций существовала своя очень разветвленная кооперация. В самом НИИ-88 опытно-конструкторские работы возглавляли главный инженер Ю.А. Победоносцев, его заместитель Б.Е. Черток и главный конструктор баллистических ракет дальнего действия, руководитель отдела №3 специального конструкторского бюро института С.П. Королев.

Первый пуск ракеты «Фау-2» состоялся 18 октября 1947 г. в 10 ч 47 м на полигоне Капустин Яр в низовьях Волги. Ракета пролетела 207 километров и, отклонясь на 30 км от курса, разрушилась в плотных слоях атмосферы. Запуск второй ракеты 20 октября закончился неудачно. Уже на активном участке полета было зафиксировано сильное отклонение ракеты влево в сторону Саратова. Но все закончилось благополучно: ракета

пролетела 231 км и отклонилась на 180 км. 270 км до Саратова она все равно не долетела бы [40, с. 366]. Стало ясно: «Фау-2» устарели — нужно было создавать новую, более совершенную ракету.

В следующем, 1948 г. была создана Р-1 — первая советская ракета. Она была копией немецкой. Советская промышленность не имела опыта в создании такого оружия. Требовалось ввести новые технологии, использовать ранее неизвестные материалы, которые промышленность только-только осваивала. К этой работе было привлечено 35 НИИ и КБ, а также 18 заводов. 10 октября 1948 г. на полигоне Капустин Яр был осуществлен успешный пуск первой отечественной баллистической ракеты Р-1. На испытания доставили 12 ракет Р-1. Со старта ушло 9, и 7 из них дошли до цели. Точность попадания была выше, чем у немецких ракет. Это уже был успех. Он был связан с тем, что за время работы над немецкой ракетой был выявлен основной недостаток «Фау-2» — слабость хвостового оперения. Она летела по баллистической траектории, и на нисходящей линии при входе на большой скорости в плотные слои атмосферы хвостовое оперение обыкновенно не выдерживало нагрузок и уже не могло в полной мере работать — в результате ракета разрушалась. Были выявлены и другие слабые места.

Тщательное изучение достоинств и недостатков «Фау-2» позволило раскрыть главный изъян немецких баллистических ракет. Немцы рассматривали ракету как единое целое от начала до конца полета. Но советские ракетчики (а среди них были и авиационные, и артиллерийские специалисты) пришли к выводу, что к баллистической ракете нужен другой подход. У ракеты два совершенно разных этапа полета: активный, когда работают двигатели — тут нужны крупногабаритные баки с горючим — и пассивный, когда она летит уже по инерции — как камень из пращи. Чем выше скорость — а она повышается с увеличением планируемой дальности полета — тем больше нагрузки при входе в атмосферу на нисходящей ветви траектории. Практически по принципу «Фау-2» ракету на дальность уже выше 1000 км создать было невозможно. Ведь та часть, которая сделала свое дело, на активном участке уже бесполезна — ее надо отделить. И делать прочной надо

только головную часть, а не всю ракету. Это был очень важный вывод для конструкции и многоступенчатых и тем более многоступенчатых ракет.

Благодаря сделанному техническому открытию советские специалисты первыми в мире сумели создать межконтинентальную ракету, что, конечно же, имело особое, великое значение. Но все равно новое советское оружие нельзя было еще назвать надежным. Полную силу ракета Р-1 обрела после успешного пуска 10 октября 1948 г. Дальнейшие испытания подтвердили правильность решения нашими конструкторами основных проблем, связанных с созданием баллистической ракеты.

Летные испытания второй, более совершенной серии этих же ракет проводились в сентябре-октябре 1949 г. Результаты испытаний показали, что характеристики ракет, их качество, надежность работы аппаратуры управления, двигательных установок и агрегатов наземного оборудования значительно выше, чем у ракет первой серии. Вскоре прошла проверку на полигоне и третья серия Р-1. Постановлением правительства СССР от 28 ноября 1950 г. ракета Р-1 была принята на вооружение. Ракета весом 13,4 т имела дальность полета 270 км и несла заряд обычного взрывчатого вещества массой 785 кг. Она имела точность попадания в прямоугольник 20 км по дальности и 8 км — в боковом направлении [80].

Перевооружение шло не без трудностей. Так, когда в 1947 г. советскому правительству были предложены два новых истребителя — поршневого Ла-11 конструкции С. Лавочкина и реактивный МиГ-9 А. Микояна, Сталин отдал предпочтение Ла-11¹. Но вскоре он осознал значение реактивной авиации. И уже 1 мая 1947 г. на воздушном параде в Москве МиГ-9 был продемонстрирован общественности. После этого развитие реактивной авиации в СССР шло форсированным темпом. В конце 1947 г. конструкторское бюро А.И. Микояна выпустило МиГ-15, которому суждено было сыграть особую роль в воздушных боях в войне в Корее. Вскоре появился и усовершенствованный вариант истребителя МиГ-15. Он стал называться МиГ-17 и надолго вошел в историю ПВО.

¹ Aircraft, Strategy and Operations of the Soviet Air Force. L., 1986. P. 65.

Много внимания уделяла советская конструкторская мысль созданию зенитных управляемых ракет. В НИИ-88, который разрабатывал главным образом ракеты класса «земля — земля», отдел № 4 занимался проектированием зенитных управляемых ракет (ЗУР) с головкой самонаведения. В своей работе отдел опирался на трофейную немецкую зенитную ракету «Вассерфаль». В Германии она не вышла за стадию испытаний, и теперь в СССР ее намеревались использовать при создании советских ЗУР. Зенитными ракетами немецкого происхождения занимался ряд отделов, стремившихся усовершенствовать немецкие управляемые зенитные снаряды «Шметерлинк», «Рейнтохтер», неуправляемые ракеты «Тайфун», а также двигатели к ним.

Так началась гонка вооружений, оказавшая существенное влияние на развитие международных отношений после Второй мировой войны.

* * *

Соединенные Штаты, опираясь на свою политическую и экономическую мощь, сразу же после окончания Второй мировой войны приступили к разработке теории и практики ведения военных действий с применением атомного оружия.

Советский Союз был вынужден втянуться в гонку атомных вооружений, несмотря на крайнюю ограниченность материальных и технических ресурсов для развертывания производства атомного оружия. Преодолеть эти трудности была не в состоянии никакая разведывательная информация.

Различия в информации населения об атомной войне определялись разницей во взаимодействиях власти и общества. На Западе и прежде всего в США обывателя надо было напугать, чтобы он согласился на дорогостоящую гонку атомного вооружения. В СССР она объяснялась слоганом «лишь бы не было войны».

* * * *

Истоки холодной войны лежат в идеологической и политической неоднородности антигитлеровской коалиции. Перед фашистской опасностью ее возглавили государства с различными идеологическими установками. В СССР у власти были коммунисты. Государственную политику США определяли крупные

транснациональные корпорации. Великобритания управляла колониальной империей. Каждое государство преследовало свои цели. Разнонаправленные и даже конфликтные интересы вызывали постоянные трения и затруднения в осуществлении коллективных действий. Так, второй фронт против фашистской Германии был открыт западными союзниками лишь в середине 1944 г., на пятый год с начала Второй мировой войны.

К 1945 г. в центре Европы оказалась мощная сухопутная группировка Советской Армии с огромным наступательным потенциалом. Под влиянием разгрома фашизма сильно возросло влияние коммунистов во Франции, Италии, Греции. Руководство США и Великобритании рассматривало такое положение как чрезвычайно опасное. Были предприняты решительные политические и экономические шаги для нейтрализации этой опасности. В рамках развернувшейся пропагандистской кампании отставной политик Черчилль объявил Советскому Союзу холодную войну.

Но началась холодная война лишь через несколько лет. Соединенные Штаты укрепили свое политическое и экономическое лидерство в капиталистическом мире. Они отказались от принципа не участвовать в военных блоках в мирное время. Американские войска были развернуты вокруг СССР на постоянной основе. Советский Союз, в свою очередь, укрепил свои позиции в Восточной Европе и на Дальнем Востоке. «Санитарный кордон», существовавший до Второй мировой войны, был заменен дружественными государствами.